

Роман

Сейсенбаев

МЕРТВЫЕ БРОДЯТ В ПЕСКАХ

Роман-эпос

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

Не дай мне Бог сойти с ума.

А. Пушкин, XIX век

Бог это то, что есть у тебя в душе.

Умирающий Л. Н. Толстой своей дочери, XX век

Не дай испытать мне муки родов и не родить,

Скорбеть и не плакать,

Мыслить и не стенать,

Покрыться тучами и не пролиться дождем,

Идти и не дойти...

Нарекаци, X век

XI

На побережье этой осенью заходило быстро. Верблюды Насыра, на котором возили в Караой питьевую воду, после августа занемог, как-то быстро сдал и околел. Ничего не оставалось другого, как взять в работу верблюжонка Есена – молодого, бестолкового, который бежал от упряжки как черт от ладана. Несколько раз в пути он разносил повозку вдребезги, и старая Жаныл, плача, возвращалась домой без воды. Тогда за дело взялся Муса. Почувствовав мужскую руку, верблюженок покорился, а Муса на некоторое время превратился в водовоза.

Насыр долго не мог оправиться после похорон Акбалака. Его свезли в областную больницу, но даже после лечения он не чувствовал себя вполне здоровым и первое время только и делал, что целыми днями валялся у печи, кряхтел, читал прошлогодние газеты да углубленно вникал в старый, потрепанный Коран. Но не исцеляла его душу эта великая книга! Чем больше он вчитывался в пожелтевшие страницы, тем более и более терялся в догадках: как жить ему дальше? Что делать? Молчала книга. Он прятал ее в холщовый мешок, отправлялся посидеть во дворе. В первые дни после его возвращения еще было тепло. Здесь, на скамеечке, он временами вспоминал то ужасное видение. Теперь ему казалось, что это были не

дети, а скелеты всех тех умерших людей, которых он знал в своей долгой жизни. Смотрел на них со страхом. Они приветливо кивали ему, кланялись; некоторые задерживались, чтобы перекинуться с ним парочкой слов. *«Здравствуй, уважаемый Насыр, здравствуй. Настал день – вот мы и встретились...»* *«Насыр, ты жив? Да продлит Аллах твои дни».* Слышались и печальные вздохи: *«Теперь все равно, все едино: жизнь, которой живут и Насыр, и Муса, и другие аксакалы, – разве это жизнь?»* *«Настает и их смертный час. Но страшна будет эта смерть: они умрут вместе с морем...»*

Широко открыв глаза, смотрел Насыр на покойников – ужас леденил душу. Именно тогда он понял, что смерть моря неизбежна и всё идет к тому. Эта мысль вспыхнула в его мозгу словно молния. Вспыхнула – и горячим, всепожирающим огнем вдруг обожгла ему висок.

Около двух месяцев пришлось проваляться Насыру в областной больнице. Дочь, видя, как плохо у отца на душе, вызвалась было дать телеграмму Кахарману, но Насыр воспротивился: *«Не надо его беспокоить. Ему своих забот хватает...»* В самом деле, свой недуг он считал пустяком в сравнении с тем душевным неустройством сына, которому он придавал серьезное значение, – по себе знал, что это такое.

Первое время после возвращения ему помогала добираться до лавочки Корлан, она же и забирала его с лавочки, когда старик того требовал. Насыр звал ее, когда вдруг начинала кружиться голова или поташнивало. *«Что же ты маешься в такую-то духоту?»* – корила его Корлан; помогала ему подняться, и они отправлялись в дом.

В середине ноября, когда по всему побережью ударили внезапные заморозки, когда задули пронизывающие песчаные ветры, вернулись с Балхаша рыбаки. Веселее стало в Караое. Вернувшимся мужчинам рады были и дети, и жены. В такую пору рыбаки, возвратившись в родные дома, недельки две отдыхают, потом выходят резать камыш, а в январе, когда сковывает льдом озера и пруды, занимаются подледным ловом – и так до самого марта. Потом начинается кочевка по всему Казахстану – до глубокой осени...

На другой день после возвращения рыбаки, прихватив Мусу, зашли к Насыру. Они собирались ехать в Шумген – почтить память Акбалака.

Насыр напутствовал их добрыми словами:

– Хорошее дело затеяли, джигиты. Жалко, что я не могу отправиться с вами, всё еще хвораю...

Было решено, что вечером, вернувшись из Шумгена, они придут к Насыру на ужин.

Насыр тут же дал указание Корлан:

– Возьми-ка в помощницы двух трех молодух, да похлопочите о хорошем угощении. Рыбаки будут с женами, с детьми...

– Это какая же прорва людей! – забеспокоилась Корлан.

– Да разве сравнишь это с прежними-то временами? Сколько людей осталось в Караое? – успокоил ее Насыр.

– И то правда, – согласилась Корлан. – Пусть соберутся, посидят, по полгода не видят друг друга...

Насыр привычно углубился в Коран. Он читал:

«Поистине в творении небес и земли, в смене ночи и дня, в корабле, который плывет по воде и в самой воде, которой щедро одарил Аллах землю, и в самой

земле, на которой водятся всякие твари и животные, и в самом небе, в котором меняются ветра и облака, – во всем этом доброе знамение разумным людям.

О люди! Пользуйтесь всем этим, но не следуйте искусствам сатаны – ведь он враг для вас явный!

Он внушает вам только зло и мерзость и требует, чтобы вы говорили на Аллаха то, чего не знаете.

Те, которые не веруют, подобны тому, который кричит на тех, что не слышат ничего, кроме зова и призыва: глухи, немые, слепы они, – и не понимают!

И берегитесь того дня, когда вы предстанете пред Аллахом: всякой душе будет заплачено сполна за все то, что она приобрела: они не будут обижены!

Аллаху принадлежит все то, что в небесах и на земле...»

Насыр откинулся от книги и, как это бывало с ним теперь обычно, погрузился в глубокое раздумье, шепотом повторяя последние слова: «...принадлежит все то, что в небесах и на земле...»

Но вот и наступил вечер. Корлан с молодухами сидела за одним из накрытых столов, чувствовала себя усталой. Стали подтягиваться к дому Насыра принаряженные жены рыбаков с детьми; вскоре вернулись из Шумгена и они сами. Усталые, неспешно расселись они за столами рядом с женами. Насыр оглядел гостей. Было некогда шумно и тесно рыбакам на морском берегу – теперь они разместились в трех комнатухах его дома. Пришла и Кызбала, присела рядом с Корлан.

Насыр заговорил:

– Дорогие мои земляки! Снова Аллах смилостивился над нами: живыми и здоровыми вернулись наши рыбаки в Караой. Аминь! – Насыр помолчал. – Аминь-то аминь, люди добрые, да кажется мне, что Бог здесь уже ни при чем: он давно уже одинок и бессилен, и нет, наверно, ему дела, живы мы еще или давно мертвы. Не в его это власти теперь: и нас он бросил на произвол судьбы, и от моря отвернулся, нет у него больше сил. Так-то вот, дорогие мои земляки. Но не будем роптать. Худо бедно, а собрали мы кой какой стол для вас, давайте возрадуемся тому, что есть, да попросим Аллаха, чтобы не было хуже. Аминь!

– С Балхашом творится то же самое, – включился в разговор Камбар. – Совсем там не стало рыбы. К чертовой матери я бы взорвал это Капчагайское водохранилище – ведь вконец оно стубит озеро! Но начальство наше – будто не понимает этого. Когда же мы все одумаемся, а? Кто нас должен образумить, если теперь и Аллах оставит нас?

– Им хоть плюй в глаза, всё божья роса! – вставил возбужденный Есен.

Насыр не стал поддерживать разговора, зато, улучив минуту, предложил:

– Что же мы все об одном и том же изо дня в день? Давайте-ка взбодримся песней, а, земляки?

Казалось, что Насыр обратился лично к Кызбале, ибо та, безучастно сидевшая рядом с Корлан, вдруг встрепелулась и запела сильным, чистым голосом.

Потух в моем сердце огонь, зажженный тобой,
Свет души моей, никого я больше не полюблю!

Рыбаки были поражены: вдруг вспомнили, что Кызбалу в молодости приглашали на все свадьбы. Нравилось людям ее красивое пенье.

Насыр усмехнулся, глянув на Корлан и Жаныл:

– Что не подтягиваете, кумушки? Вы ведь тоже когда-то неплохо пели...

– Господи, да мы уж и слова забыли! – всплеснула руками Корлан.

– Всё позабывали! – сокрушалась Жаныл. – А вспомните Кызбалу келин?

Каждый встречный поперечный заглядывался: уж такая была красавица.

– И когда это было... – охнула Корлан. – Словно и не было ничего...

Она стала подпевать:

Если ты река, я – твоя серая уточка;

Прильнула к воде и пью.

Шили – речка в камышах,

Думай и о нас, родной...

Но лишь махнула рукой – и голос у нее был слабый, дребезжащий, в отличие от Кызбалы, которая, спев эту песню, принялась за другую – прикрыв глаза, раскачиваясь в такт:

Вспомни, Жилал, летний рассвет,

Когда ты провожала меня в дорогу.

«Не жалея, – ты сказала, – врага,

Не знай к нему пощады и жалости».

Слушая Кызбалу, Насыр невольно вспомнил ее мужа Нурдаулета. Тот тоже неплохо пел, и вообще любую песню посреди застолья начинали они: Кызбала и Нурдаулет.

Оба берега реки

Заросли дремучим лесом.

Об одном лишь мечтает джигит –

Как любимая выйдет навстречу...

Так обычно начинал Нурдаулет густым и мягким голосом, голосом, который нравился даже самому Акбалаку. Вспоминая, как пел Нурдаулет, Акбалак частенько сокрушался: останься жив Нурдаулет, дети его обязательно стали бы певцами. Что ж делать – первыми, как говорится, гибнут герои. Так оно и случилось на той далекой, проклятой войне – пал Нурдаулет смертью храбрых. И не только он – много сынов Синеморья не вернулось с той войны.

И теперь Кызбала, через столько лет, словно бы опять была с Нурдаулетом и отвечала ему, его голосу:

С детских лет я росла с тобою, любимый,

Почему же теперь я в разлуке с тобой?

Глядя на сумасшедшую, Насыр понимал, что та не придает, конечно же, значения смыслу слов – скорее всего поет по памяти.

Но мелодию она вела правильно, словно бы интуитивно выщупывала ее сердцем в своей душе. Дом Насыра был единственным в Караое, куда она заходила. «А

ведь она, наверно, не забыла ни меня, ни Корлан...» – вдруг подумал он. Странно, почему же такая мысль не могла прийти ему в голову раньше?

Кызбала кончила петь так же неожиданно, как начала. Накинула на плечи престарелый солдатский бушлат – он сохранился у нее со времен войны – и пошла за дверь. Коза привычно последовала за хозяйкой, которая, размашисто шагая, направилась к морю. Насыр невольно вышел следом – было у него сильное желание остановить ее, чтобы та еще хоть немного побыла с гостями. Но нет, не откликнувшись на голос Насыра, она удалялась – шла к берегу под темным сумрачным небом, чтобы ждать на берегу сына Даулета. Кто знает, помнила ли она его? Кто ведает, признала бы его, если бы вдруг он сейчас вышел из моря и подошел к ней? Никто этого не знает, никому ничего не говорит Кызбала и только вот уже столько лет бродит по берегу и ждет сына.

С уходом Кызбалы напряжение у людей спало. Камбар оживленно глянул на Есена:

– А ну давай песню Нартая, Есен! Встряхнемся!

– Это мигом! – поддержал Есен веселый тон бригадира, взял домбру и заиграл толгау Нартая.

Но от внимательного глаза вряд ли ускользнуло бы, что оживление Камбара было скорее наигранным, чем искренним. Тяжелую думу носил он в душе. Сильно похудел за это лето – понимал, что болезнь подступила к нему неотвратимо, что конец его жизни совсем близок. Еще на Балхаше подумывал лечь в больницу, но всё как-то откладывал. А сегодня, когда у него хлынула горлом кровь, понял, что теперь уже ничто не поможет ему. Однако старался держаться бодро, что ему более или менее удавалось.

За полночь стали расходиться гости. Поговорить с Насыром остались лишь Муса и Камбар. И только тогда Камбар вдруг откровенно признался:

– Не буду таиться от вас, аксакалы: надумал своих перевезти в Шумген. Не чужих это мыслей я набрался, не подумайте. Есть на то серьезные личные причины. Да и власти говорят, что никого в Карае не оставят – всех переселят рано или поздно...

Видя, что Насыр проникается к нему недобрыми чувствами, Камбар торопливо продолжил:

– Сейчас скажу о главном, земляки, о том, что я имел в виду, когда говорил, вот, мол, есть серьезная личная причина... – понизив голос, он глухо проговорил: – Уже на Балхаше я почувствовал, что серьезно заболел. Никому ничего не говорил, но в бригаде это заметили, насильно свезли меня в Алма Ату показать врачам. Врачи сказали: в желудке опухоль. Об остальном я догадался сам, время упущено, это, конечно же, рак. Сами знаете, болезнь для наших мест уже привычная. Если протяну еще полгода, ладно, а ведь всё может кончиться быстрее... Думаю, пока жив, перевезу своих в Шумген.

Камбар говорил совершенно спокойно, но после его слов воцарилась какая-то жуткая тишина. Насыр был подавлен. Низко опустил голову, скрывая подступившие слезы, Муса тоже молчал.

В сущности, спокойствие Камбара было объяснимо. Он всё теперь знал наперед, и оставалось ему одно – достойно встретить кончину, как подобает мужчине, как подобает человеку умному. Пожалуй, было бы бестактностью, если бы Насыр стал сейчас сочувствовать своему давнишнему другу в таком роде: эх, мол, Камбар, и почему на тебя свалилось такое несчастье? Жить бы тебе еще долго – молодой еще...

Это бы обидело бригадира: не ждал он такой жалости от Насыра. Он от Насыра ждал настоящих, совершенно естественных слов. И Насыр нашел их.

– Я горжусь твоим мужеством, Камбар. Никто теперь не осудит тебя: переезжай в Шумген, мы поддержим, поможем.

Муса согласно закивал, забормотал:

– Конечно, поможем... Какой разговор...

Было видно, что слова бригадира перевернули ему душу. Вот так для трех усталых людей закончился этот день: каждый из них теперь нес в душе тяжкий груз предстоящего горя.

Ночью в окна бился холодный ветер – завывая, швыряя пригоршни песка в стекло. Насыр встал с постели, сел, прислонясь к теплой печи, и просидел так до утра. Худое лицо Камбара стояло неотступно перед глазами. За последние несколько лет Насыру не раз приходилось видеть обреченных – тех, кто худел до неузнаваемости в считанные дни. Невольно он сейчас припомнил Акбалака. Что осталось от него – могучего, высоченного мужчины? Высох в одночасье словно щепка – кожа да кости. Теперь такая участь ждала Камбара.

За окном развиднялось. Ветер не утихал, а наоборот – становился злее и злее. Это были нещадные ветра Карабаса, которые с приходом осени на побережье начинали властвовать безраздельно, подолгу. И все бы ничего, но теперь, когда Насыр каждый день слышал стон умирающего моря, эти ветры казались ему зловещими вестниками новых бед.

Под вой ветра Насыр снова погрузился в свои мысли. Теперь он думал не о Камбаре, а об его отце. Впервые он повстречался с ним в тридцать девятом году, когда призывался в армию. Перед строем призывников выступил секретарь райкома. Был он чуть старше их, но говорил на удивление красноречиво: находил какие-то складные, убедительные сравнения, точные слова – так что в самом деле получалось, что у этих парней, отправляющихся служить в армию, не было почетнее права, не было почетнее обязанности. Этим молодым человеком был Жабар – отец Камбара. В сущности, Жабар был первым коммунистом, которого видел Насыр, и он остался для Насыра образцом на всю жизнь. В сороковом году его расстреляли как врага народа.

Сполна пришлось хлебнуть Камбару и тягот, и лишений, которые выпали на долю помеченных клеймом «член семьи врага народа». Мать Камбара провела много лет в лагерях под Карагандой. Лишь в пятидесятые годы ей удалось наконец свидеться с сыном. Она первой вернулась в Караой: худая, состарившаяся раньше времени. Никому она не рассказывала о том, что ей довелось пережить в лагерях, только тяжело вздыхала, когда случалось кому ненароком задать ей вопрос; вздыхала да сухо покашливала. Ходили слухи, что ее хотели расстрелять – три дня просидела в камере смертников, вышла оттуда седая как лунь...

Насыр часто наведывался к одинокой женщине – перекинуться добрым словом, справиться, не нужна ли какая помощь; он тогда уже был председателем колхоза. Скромна была Гулдари, никогда ничего не просила, а лишь благодарила: «Низкий поклон тебе, Насыр, за человеческое ко мне отношение. Отогрелась душенька. Столько я видела зверств, столько унижения человеческого. А обо мне не хлопочи: жива, здорова и ладно. Вот бы еще детей отыскать: Камбара и Алтыншаш. Живы ли они? Разочек бы хоть увидеть...»

По возвращении Гульдари Насыр, помнится, стал собирать людей на той – пусть небольшой, скромный, но все ж таки той. Послал и за Славиковым, который в то время работал со своей лабораторией на острове Копа. Профессор, естественно, разговорился с Гульдари, обо всем расспрашивал ее подробно, тщательно. Проговорили они долго, профессор называл много имен, надеясь, что хоть какое-то из них окажется ей знакомым. Потом поинтересовался: «У вас очень хороший русский язык – вы в лагерях научились так хорошо говорить?» – «Мы оренбургские казахи. До лагеря я три года прожила в Москве с мужем, там он учился...»

С тех пор эти натерпевшиеся люди подружились – часто Славиков бывал у Гульдари, всегда им находилось о чем поговорить, что вспомнить. Вскоре отыскался сын ее, Камбар. Жил он, оказывается, в Сибири; был рыбаком. Но невеселую принес он весть о своей сестре – не было Алтыншаш в живых. И тут Гульдари дала волю слезам: она заплакала в голос – сидела, раскачивалась, как невменяемая, и плакала, плакала.

Потрясенный плачем женщины, Славиков вышел из дому, за ним потянулись Насыр и Камбар. «Нет ничего горше, – сдавленно проговорил профессор, – чем горе матери. Берегите ее, – он посмотрел на Камбара. – Вам надо бросить Сибирь и переехать сюда...» – «Да, – ответил Камбар. – Я это решил сразу, с первого дня...» Профессор положил руку ему на плечо: «Понимаю, Камбар, и тебя жизнь победила... Но теперь-то и у вас, и у нас появляются надежды: надо начинать жить, надо! Во что бы то ни стало!» – «Мне не довелось учиться. Сразу после детдома пошел работать. Нам, “детям врагов”, давали самую тяжелую работу. Смотрели на нас с ненавистью. Бежать было некуда и незачем: расстреливали на месте. Было несколько таких случаев...» – «Быть того не может!» – воскликнул Насыр, но профессор посмотрел на него грустно и мудро, и Насыр понял: было! «Да как же наш народ мог докатиться до этого, мы же советские люди, не звери!» Профессор ответил: «Нет в этом вины народной, народ жил в страхе, под всевидящим оком хозяина Кремля». – «В детдоме на наших головах выстригали кресты. По этим крестам нас вылавливали местные жители, если удавалось ускользнуть от надзирателей. Мы для них не были детьми – были вражеским отродьем, и только. Во Владивостоке я случайно повстречался с одной девушкой, которая была в одном детском доме с моей сестренкой. Она-то и рассказала мне, как пристрелили сестренку по дороге в детский дом... Только прошу вас – не говорите это матери. Лучше ей не знать...»

Конечно, ни Насыр, ни Славиков ничего не рассказали Гульдари. А сам Камбар понравился Насыру с первого взгляда. И он не обманул ожиданий: оказался трудолюбивым, решительным парнем. Не зря, наверно, Камбар упомянул и о той девушке, с которой познакомился во Владивостоке. Вскоре она приехала в Караой, сыграли свадьбу, в Караое ее стали называть по казахски – Бакыт, что означало «счастье». И действительно, она принесла много счастья в дом Гульдари, все в Караое радовались ладу и миру, царившему у них. Когда умирала старая Гульдари, Бакыт слышала от нее самые проникновенные слова: «Ты стала мне родной дочерью, ты заменила мне Алтыншаш, дай тебе Бог счастья, доченька. Легко мне умирать – знаю, что на твои добрые руки оставляю Камбара...» – «Вы заменили мне мать – даже от нее я не получила столько тепла, сколько получила от вас. Спасибо же вам и низкий низкий поклон...», – ответила ей Бакыт. Разговор старой, умирающей Гульдари с Бакыт передавался из уст в уста в Караое. И

чтоб не сглазить Бакыт и Камбара, тут же добавляли: «Тьфу тьфу тьфу, лишь бы сатана – иблис ни в чем не помешал молодым!»

Вспоминая все это, Насыр теперь размышлял о немилости Аллаха к хорошим людям, к таким, как Камбар. Если Бог существует, если люди свято верят в то, что он дает благословение свое тем, кто придерживается в жизни праведного пути, несмотря ни на какие трудности жизни, то почему он так немилосерден к этим рабам своим?

Человек поклоняется Ему безмерно, а божья милость к нему совсем мизерна. Взять того же Камбара – разве он не заслужил высшей милости?

Так размышлял Насыр и сам того не замечал, как его разговор с Богом сам собою вылился в молитву

«Великий Аллах! У меня нет мужества усомниться в твоём существовании, но когда же ты даешь знать о себе добрым делом? Не забирай Камбара к себе, продли его земные дни. Просит тебя об этом верный раб твой Насыр. Разве не заслужил я твоего доверия? По пять раз в день молюсь я тебе, нет и минуты в моей жизни, когда бы я не произносил твое имя – так прислушайся и ты к моим словам, протяни руку помощи Камбару. Разве заслужил он такую раннюю смерть? Разве мало выпало на его долю, чтобы наказывать его теперь такой смертью? Мало он терпел? Мало мерз? Или голодал? Ты был к нему милосерден все эти годы, ты подарил ему чудесную Бакыт, ошастливил этим подарком Гульдари – так не разбивай же их дом несчастьем! Помилуй его, великий создатель! Кого мне еще просить о помощи, как не тебя...»

– Оу, Насыр, да ты еще не ложился! – сказала Корлан, поднимаясь с постели. – О ком ты так усердно молишься, скажи-ка мне?

На улице было уже довольно светло, ветер чуть притих, но день обещал быть пасмурным – серая пыльная пелена не рассеивалась.

Корлан отправилась в чулан за водой, надо было ставить чайник.

– Ложился бы да поспал...

– Задам корма скотине, тогда и прилягу...

Насыр не спеша оделся, вышел и стал таскать сено в сарай, недовольно приговаривая: одно название – сено! Разве это корм, если оно набито солонцом. Отрава! И человека, и скотину погубит этот солонец. Оседая на внутренностях, он разъедает все – коварно, беспощадно. Отсюда и все болезни, отсюда и рак этот, который настиг Камбара. Будет лучше, если уедешь, что ли? Нет, чем жизнь на чужбине – лучше смерть в своем краю. Он то, Насыр, не уедет отсюда никогда. Когда высохнет море, когда ветры поднимут с его бывшего дна тысячи и тысячи тонн соли и разнесут на тысячи и тысячи километров вокруг и когда всё живое начнет гибнуть – возможно, люди поймут: это нешуточное дело – смерть моря. Только к тому времени он, Насыр, уже будет лежать в земле – к тому времени вымрет весь народ на побережье...

Он бросил в мешок овса, повесил на шею сивой кобыле. Похлопал ее по холке.

После смерти старого верблюда теперь в хозяйстве Насыра меньше требовалось корма, которого, впрочем, всё равно не хватало, хотя с тех пор, как стали на побережье бушевать ветра, переносящие на многие и многие километры сотни и тысячи тонн песка, смешанного с солью, – скотина перестала давать потомство, а Насыр не мог понять – печалиться ли этому обстоятельству или утешаться тем, что несчастное потомство, случись оно, не помрет хотя бы с голоду. Да и время

ли переживать за скотину, когда вокруг люди мерли, словно мухи? Всё теперь располагало здесь человека к печали: море сохнет, рыбы нет. Последний раз Насыр выходил в море лет десять назад. Лучше бы тогда он и умер. Не прибрал его Аллах – вот живет, мучается; восемьдесят лет ему. В таком вот возрасте понял он наконец странную истину: нелегко на свет родиться человеку, а помереть еще труднее. Не всем Аллах уготовил хорошую кончину, многих он обрек на смерть медленную – в болезнях и душевном разладе...

Вот о чем думал Насыр, задержавшись у сивой кобылы, рассеянно поглаживая ее по холке.

– Что вздыхаешь, скотинка? А вот мне тяжело без верблюда то, ей богу, тяжело. Одна ты теперь осталась у меня: ну так слушай старика да кивай – чего он еще тебе набормочет... Кивай да понимай: всегда я верил в твою понятливость. Верблюд тоже не дурак был, тоже слушал да все понимал. Бывало, трясешься на нем по берегу...

Кобыла, перебивая Насыра, беспокойно ткнулась ему в ладонь, просила еще овса.

– Разве пожалел бы я? Нету больше – рад бы, да нету... А вот сено... Нет, тебя не обманешь – насквозь оно пропахло солонцом, вот ты и воротишь морду... Ладно, овечкам скормлю – им-то оно ничего, сгодится... Да и козам с него ничего не сделается...

– Старуха наша вон чего требует, ты только послушай. Прирезать, говорит, надо тебя, уведут, мол, давно к тебе тот малый жеребец приглядывается. Да как же, отвечаю я, без нее жить буду? Верблюд издох, а теперь еще и кобылу прирезать. В общем, решил, в обиду тебя не дам...

Корлан ждала у самовара, на столе был завтрак. «Шел бы спать, – думала она, глядя на усталого мужа. – Глаза-то вон какие красные от бессонницы». Словно угадав ее мысли, Насыр, не завтракая, прилег, накрывшись двумя одеялами, – его слегка знобило. «Не заболеваю ли?» – подумал Насыр. Снова перед глазами возникли ужасные скелеты, и снова он стал бояться, что не заснет. «Иа, Алла», – пробормотал он, повернулся на бок и вдруг стал стремительно проваливаться в сон, успев лишь подумать с сожалением о том, что впервые за много дней сегодня пропустил время утренней молитвы.

Проснулся он за полдень, заслышав негромкие мужские голоса из кухни. Надо было вставать. На кухне разговаривали Муса, Игорь и Болат. Собственно, говорил один Муса, а молодые ученые слушали его, время от времени вставляя реплики. Завидев Насыра, они поднялись ему навстречу.

– Желанные гости приехали ко мне! – Насыр обрадованно засуетился.

– Куда путь держите?

– Сезон наш кончается, Насыр ага, – ответил Игорь. – Собираемся уезжать: я – в Москву, Болат – в Алма Ату. Заехали попрощаться...

– Это вы правильно, Икор. Хорошо, что хоть вы с Болатом еще помните о стариках...

Игорь достал из кармана увесистый конверт:

– Вам тут письмо, Насыр ага...

– От кого же?

– От отца. Он просит, чтобы вы лично вручили этот конверт Кунаеву. Отец уже созванивался с ним: Кунаев обещал принять вас. Сначала надо будет позвонить

вот по этому телефону, – Игорь показал на конверте цифры. – Это его помощник. Скажете ему, что есть договоренность.

– Я помогу вам, Насыр ага? – Болат в ожидании ответа смотрел на Насыра.

– Значит, мне сейчас собираться с вами в дорогу?

– Чем раньше это письмо Кунаев прочтет – тем лучше будет для дела.

Насыр взял в руки конверт.

– Когда нужно ехать в Алма Ату? Я готов хоть сейчас! Старуха, собери-ка мне чистую одежду. – Он с трогательной суровостью посмотрел на Корлан.

– Оу, Насыр, – стала урезонивать его Корлан, – куда же ты собрался на ночь глядя? Давайте лучше все садитесь ужинать. А завтра и тронетесь...

Насыр понял, что проявил неуместную горячность, и рассмеялся:

– Не привык я откладывать дела на завтра. В том и Мустафа виноват, это письмо дало мне крылья! Как он пишет, как пишет! Только так подобает говорить умному человеку. Русский он, а болеет за наше море больше других казахов – как такое объяснить? И всё с толком описал – не с чужих слов, всё видел сам, всё сам обдумал... – Насыр растроганно качал головой. – Матвей, Матвей... Неужто снова тебя не услышат? Да каким же тогда надо быть глухим? Каким слепым? Какие слова может сказать умный человек, когда видит, что перед ним не люди, а стадо баранов, стадо глухих и слепых! Ладно бы сдохло наше море в одночасье, ладно бы вместе с ним сдохли только мы – так ведь нет! Много лет оно умирает и травит душу. А соль, которую начнет разносить ветер, погубит всё живое на тысячи километров вокруг! Эх!.. – Насыр схватился за голову в полном отчаянии, потом махнул рукой. – Надоело! Надоело об одном и том же каждый день, каждый день! На кого мы все похожи: от аула осталась жалкая горстка стариков. А соберутся вместе, говорят всё о том же, всё о том же – как мы еще тут все не свихнулись, ума не приложу!

Выбрав минуту, Корлан шепнула Болату:

– Боязно мне отпускать его. Только что переболел, не причинил бы вам хлопот в дороге...

– Кстати, покажу его в Алма Ате хорошим врачам, – успокоил ее Болат. – Как смотрите, Насыр ага, на то, чтобы побывать в хорошей клинике?

– Уж ты не задерживай его в Алма Ате, – не на шутку испугалась Корлан. – Как я тут одна-то буду? Да и Новый год на носу...

– Показать, может, и покажусь врачам, а вот пилюли пить не стану. Мне письмо было недавно от брата Бекназара – обещал привезти Сакболата, тамошнего лекаря, светлая голова, говорят про него, золотые руки. Так что подожду. А травам я верю. Всю жизнь лечился ими – иначе бы давно подох или ходил бы сейчас по Караюю на пару с Кызбалой. – Он усмехнулся. – Всё я в жизни испытал, а вот сумасшедшим Насыром быть еще не приходилось... – Он глянул на Корлан с нежностью: – Не бойся, не задержусь, понимаю, нелегко будет тебе одной возиться со скотиной...

Однако назавтра тронуться в путь им не удалось. Ночью ветер усилился, а к утру превратился в самую настоящую бурю. Опять аул погрузился в грязно серый мрак. В ожидании погоды они просидели четыре дня в Караое, практически запертые в доме Насыра. За разговорами, для которых у них было предостаточно времени, Игорь и Болат признались в том, что наблюдаются все признаки, которые, как правило, сопутствуют умирающему морю. обстоятельно объяснили

они Насыру и задачи лаборатории, как бы ни было горько слушать ему об этом. Они сочли, что скрывать от Насыра что-либо теперь не имеет никакого смысла. И хоть Насыр не в первый раз слышал про эту лабораторию, лицо его потемнело, и выглядел он жалким.

Буря бушевала четыре дня – в Карае питьевая вода была на исходе. Есен запряг своего верблюжонка и тронулся к дальнему колодцу, потом стал развозить фляги с водой по домам.

– Один ты у нас мужчина, – ободрил его Насыр, когда Есен появился на пороге с флягой. – Не забывай об этом...

– Мать всегда напомнит, если забуду, – Есен вытер со лба белую пыль. – Гонит из дому почем зря: мужчина, мужчина. Думаю еще одну сделать езду, на всякий случай, не утихает.

– Один возишь? – спросил Болат.

– Больше некому. Рыбаков наших как-то неловко трогать: пусть отсыплются, по полгода каждый не был в семье, соскучились по женам... – улынулся он. – А мне, холостому, скучать не приходится...

– Мы тоже холостые, – Игорь поддержал его шутку. – Ну что, Болат, поможем? Хорошая у нас бригада холостяков получится...

Болат оживился. Есен почесал затылок:

– Как-то неудобно, вы все-таки гости. Сидите уж. А вот вечером прошу ко мне. Пусть Корлан апа отдохнет. Надоело, наверно, стряпать да готовить на четверых...

– Да какие мы гости? – запротестовал Игорь. – Мы свои.

– Ну тогда пошли, – согласился Есен. – Втроем оно веселее...

Однако ночью буря стихла, а к утру ее как и совсем не было. Насыр проснулся от непривычной тишины. Корлан уже встала. Он тоже оделся, вышел во двор. Встало солнце. Небо, будто вырвавшись из тяжелого плена облаков, взлетело высоко и легко дышало там, синее пресинее. Весь Караой почти что до печных труб был заметен снегом и песком. Хорошее настроение вмиг покинуло Насыра. «Это предупреждение», – мрачно подумал он. Море умрет. Очень быстро – буквально через пару лет! – эти низкие домики останутся навсегда погребенными под песком.

Уже и сейчас не помогают камышовые ограждения вокруг домов – песок легко перешагивает и все больше и больше обволакивает собою домишки...

Отойдя за дом, Насыр справил нужду, совершил омовение и приблизился к Корлан, которая сидела на завалинке прикрыв глаза, укутавшись теплой шалью.

Насыр сел рядом. Корлан открыла глаза:

– Кахарман снился... Нехорошо мне как то, тяжело на сердце.

– Нелегко ему на чужбине, конечно. Гордый он у нас, самолюбивый, не привык кланяться...

– Насыр, может, бросить всё да отправиться к сыну, а?

– Что ты такое несешь, старуха?

– Не могу я больше. Как ни увижу его во сне – всё над ним какой-то клочок черной тучи, прямо как отметина. Я теперь боюсь этого клочка – сразу же и просыпаюсь, не могу больше уснуть...

Насыр помолчал и ответил невесело:

– Нет, никуда я не уеду. Здесь мне умирать, это я давно решил...

Корлан снова прикрыла глаза и безучастно замолчала, будто бы и не слышала слов Насыра. Снова перед взором матери предстал Кахарман, и снова сердце ее сжалось, как только она подумала о безрадостной его доле. Насыр посидел еще, потом отправился в дом: ставить чайник.

Когда сели завтракать, к дому Насыра подкатила «Волга». Это был председатель облисполкома Жарасбай вместе с Мусой.

– Здравствуйте, отец и мать! – Жарасбай поочередно обнял стариков, каждому тепло заглядывая в глаза. – Как вы тут? А я вот очень соскучился... – Он давно обращался к Корлан и Насыру как к родным отцу и матери; все детские годы Кахарман и Жарасбай провели вместе.

Старая Корлан протянула к Жарасбаю обе руки и поцеловала его в лоб.

– Ненаглядные мои, дай вам Бог здоровья. – Она поздоровалась и с Мусой. – Рад, небось, сыну. Он у тебя единственный, как и у нас Кахарман...

Жарасбай сел между стариками. Насыр положил ему руку на плечо:

– Мы ничего. А ты как? Как семейство? Наверно, и не видишь их, всё дела?

– Дел, как всегда, невпроворот. Вот выехали было по аулам, да из за бури просидели в Шумгене. – Он принял из рук Корлан пиалу с горячим чаем.

– Хоть бурей вас к нам принесло, – довольно-таки строго сказал Насыр. – Со всем сюда не кажет носа начальство...

Но строгость эта была скорее напускной – Насыр гордился тем, что мальчишка, которого он когда-то спас в песках от смерти, стал теперь большим человеком в области.

– Отец, понимаю и принимаю вашу обиду. Но на этот раз я специально выехал в Караой – чтобы повидаться и посоветоваться. Сейчас собираем народ в колхозное правление – там и поговорим обо всем, обсудим наши невеселые дела. – Он посмотрел на Игоря и Болата: – Вас тоже приглашаю, дорогие друзья...

Но собрание состоялось не в правлении колхоза – здание было завалено снегом и песком по самые окна. Собрание решено было провести на почте. Туда все и отправились.

Жарасбай начал с короткого выступления:

– Уважаемые земляки! Жизнь в нашей стране резко меняется – наступило время перестройки и гласности. Не хочу сказать, что перестройка победит в один день – нам предстоит годами разгрести то, что было наворочено застоём за несколько десятилетий...

– А про наше море не забудет перестройка? – спросили рыбаки, перебивая Жарасбая.

– Скажи прямо, – подал голос Камбар. – Когда прекратится издевательства над больным морем? Вылечит ли его перестройка?

– Все живое мрет вокруг, – поддержали бригадира рыбаки, – и люди, и скот. Пока вы там будете перестраиваться, мы здесь все подохнем!

Жарасбай примолк – всё, что говорили сейчас рыбаки, было сущей правдой; он знал положение дел не хуже, чем они.

– Угомонитесь! – пришел на помощь Жарасбаю Насыр. – Дайте человеку высказаться до конца!

– О том, какая трагедия случилась здесь у нас, – знает весь мир. Ничего пока утешительного я вам сказать не могу, усугубляющаяся катастрофа практически уже не контролируется областным руководством – решения здесь должны прини-

маться на правительственном уровне, причем на уровне Союза... – Жарасбай по-медлил; видно было, что ему тоже нелегко признаваться в своей беспомощности. Потом тихо сказал: – Давайте поговорим о Караое. Не буду повторять: ситуация у вас здесь плачевная – и мы, и вы, все это знают. Бюро обкома партии в связи с этим приняло вот какое решение: оставить Караой и переселиться в Шумген. Думаю, вы понимаете, чем продиктовано это решение, нам трудно обеспечить вас электроэнергией, связью; трудно доставлять к вам топливо. Колхоза в Караое практически нет. Людей здесь не наберется даже на одно колхозное отделение...

Люди снова зашумели, мало кто был согласен переселяться в Шумген.

С места поднялась Корлан, рыбаки смолкли, приготовившись ее слушать.

– Жарасбай, уважаемый! Хорошая у тебя душа – печешься ты о нас, нет спору.

Но Насыр, которого ты считаешь за отца, и Корлан, которую ты считаешь за мать, никогда не покинут Караоя. Здесь они родились – здесь и помрут...

Сказала это Корлан тихо, но с таким несомненным достоинством, что Жарасбай лишь махнул рукой: никто отсюда никогда не уедет, остались самые крепкие.

– Неволить не будем, – мягко ответил он. – Хочу лишь сказать – это проблема, с которой мы теперь будем сталкиваться всё чаще и чаще. Тяжело нам будет заботиться о вас – вот что я хочу сказать. Тяжело нам будет – а вам еще тяжелее, вот ведь что, земляки!

– Тогда и посмотрим! – засмеялись рыбаки, повторяя фразу Жарасбая.

– Ну и ладно, – Жарасбай тоже рассмеялся в ответ. – У меня есть для вас новость, между прочим... – Он достал из внутреннего кармана пиджака конверт, вынул письмо. – Помните Нурдаулета? Мы-то думали, что он погиб в войну – нет, он жив! И теперь обращается к вам...

– Иа, Алла! – испуганно воскликнули собравшиеся.

– Жив? Вот новость – жив! – шумно удивлялись рыбаки.

Жарасбай стал читать.

– «Дорогие мои земляки! Помните ли вы меня – рыбака Нурдаулета? Всю свою жизнь мечтал увидеть вас. После ранения в сорок пятом году я остался без рук и без ног. Не хватило у меня мужества вернуться к вам, решил – кому нужен такой. Здесь, в приюте, таких несчастных, как я, много. Жизнь моя прошла, сейчас я дряхлый старик. Но мечту быть похороненным в родном краю вынашиваю всю жизнь. Хочу, чтобы мое тело бросили в воду, в море – я заслужил это, потому что родился рыбаком. Исполните мою просьбу, дорогие земляки! Если вы дадите свое согласие, я напишу заявление начальству: за мной после смерти приедут и увезут тело для погребения. Жива ли моя дорогая Кызбала? Жив ли сын мой? Наверно, у Кызбалы давно уже другая семья, другие дети – если так, то не сообщайте ей ничего обо мне. Я накопил триста рублей денег, хотел бы оставить их сыну...

Вот и всё, что я хотел написать вам, дорогие мои земляки.

Знайте – думая о Караое, плачу и плачу, и нет сил сдерживаться. С нетерпением жду ответа».

Все сидели пораженные. В звенящей тишине Жарасбай слышал тиканье своих собственных часов. Все сейчас думали о Нурдаулете, о его тоскливом сорокалетнем существовании в приюте на каком-то далеком острове, название которого они слышали впервые.

Кто же проклял эту жизнь так жестоко, что даже калеке без рук и без ног надо было сорок лет страдать, прежде чем свидеться с родной землей, с родными

людьми? Кто же создал ее такой проклятой, если этот несчастный Нурдаулет устыдился вернуться в Караой, чтобы не быть обузой для всех? Почему он так подумал? Почему люди, которые любили его, показались ему такими черствыми?

Все разом повернулись к Насыру – в ауле уже стало привычным, что последнее решающее слово было за старым рыбаком. Насыр встал. Он был готов разрыдаться – губы у него дрожали.

– Мы... мы... неужели мы звери? Сорок лет он не решался написать нам и только к концу жизни осмелился на эту малую просьбу... Теперь здесь нет уже людей, которые знали Нурдаулета. Даже Кызбалы здесь нет. Могу сказать ото всех, кто знал его, – это благородный человек. Таким он и остался. Нужно немедленно привезти Нурдаулета сюда – живым, а не мертвым! Пусть хотя бы оставшиеся дни он поживет среди нас... – Насыр помолчал, всё поражаясь благородству Нурдаулета. – Какое достоинство: не желает быть обузой для нас живым, просит перевезти лишь когда умрет! Не спешите пока сообщать Кызбале про Нурдаулета. Кто знает, что тогда произойдет с ней, кто может предугадать? – Насыр решительно закончил: – Нужно выбрать, кого пошлем за Нурдаулетом.

– Пошлите меня, Насыр ага! – вызвался Есен.

– Правильно, пусть едет Есен, – одобрили рыбаки. – Соберем денег ему на дорогу – и пусть тут же едет!

Жарасбая ничуть не удивил этот горячий порыв милых его сердцу односельчан. Всё это было ему знакомо с детства: нуждающемуся они готовы отдать последнее. Вот и сейчас разве могли они не откликнуться на трагическое письмо земляка.

За столом Жарасбай поделился со стариками:

– Всё труднее и труднее доставлять вам почту, прямо хоть плачь. Раз в месяц – чаще никак не могу...

– Этого достаточно. – Муса пододвинул тарелки Игорю и Болату. – Молодежи у нас не осталось – кому читать газеты? Ребята, налегайте, не стесняйтесь, путь неблизкий, успеете проголодаться...

На сына Муса глядел счастливо, почти что влюбленно.

У Мусы никогда не было своих детей. Три года немецкого плена дали о себе знать неожиданно. Когда они с женой пожаловались лекарю Откельды на то, что у них нет детей, Откельды, осмотрев Мусу, сказал: «У вас и не может их быть. В твоей крови, Муса, есть яд». И тогда он понял – так бактериологическое оружие воздействует на человека, оружие, испытанию которого подвергся он в концлагере.

Насчет почты Насыр ответил Жарасбаю:

– Мы с Мусой теперь разговариваем только с Богом. На что нам ваши газеты, всё равно они врут...

– Отец, газеты сейчас пишут только правду!

– Эх, правда... Пока она дойдет до нас – и море высохнет, и мы подохнем... – Он встал из за стола: – Пойду-ка я домой, полежу. А вы не торопитесь, ешьте... – Он улыбнулся. – Не забудьте меня прихватить, когда будете отправляться.

Жарасбай спросил у молодых ученых:

– Куда путь держите, если не секрет?

– Сезон закончен. Я возвращаюсь в Москву, Болат – в Алма Ату. Заеду к вам в область: у меня разговор к первому, к вам тоже, впрочем, есть разговор.

– У нас тоже найдется что сказать вам, так что встреча будет кстати...

– Отец разговаривал с Кунаевым, тот просил прислать расчеты. Эти расчеты у меня. Кунаеву их повезут Болат с Насыр агой.

– И нам бы один экземпляр...

– Это обязательно.

Игорь и Болат оставили сына наедине с родителями, а сами вышли из дома Мусы и, утопая в белом мелком песке, двинулись к берегу. Под яркими лучами солнца море блестело серебристой неблизкой полосой. На берегу, как всегда была Кызбала.

– Интересно, – задумчиво произнес Болат, – дойдет до ее сознания, что Нурдаулет жив?

– Если бы она поняла это, то сильное душевное потрясение могло бы ей вернуть разум. Такие случаи бывают... Какая трагическая судьба! Оба они так несчастны!

Они не дождалась своей машины, решено было ехать с Жарасбаем.

– Как бы не стало тебе плохо в дороге, – все хлопотала Корлан возле Насыра.

Игорь и Болат помогли Насыру сесть на заднее сиденье. Проводить их пришли рыбаки.

Насыр, вспомнив про болезнь Камбара, обратился к Жарасбаю:

– Послушай, сынок. Я в Шумген не поеду, а вот Камбару обязательно надо перебираться туда. Помоги ему там с хорошим домом. И помоги ему попасть в хорошую больницу в Алма Ате. Он вернулся с Балхаша больным – у него очень серьезная болезнь...

– Отец, можете не беспокоиться, – он взял руку Камбара в свои руки. – Камбар ага, я на днях буду в столице и обязательно поговорю насчет врача. А в Шумген заеду сейчас же, по пути. Они пошлют за вами машину...

– Спасибо, Жарасбай! – Рыбак был изрядно смущен. – Я не просил Насыра, просто поделился с ним, а тут и ты приехал... Спасибо еще раз. Чего еще я могу теперь, кроме как сказать «спасибо».

Насыр довольно-таки сердито возразил:

– Что может быть дороже этого «спасибо»? – И стал всех торопить: – Жарасбай, едем! Чего доброго опоздаем на поезд!

Жарасбай посадил Насыра с Болатом на разъезде Барлыктам. Игорь после прощания с ними задремал; Жарасбай не стал докучать ему разговорами. Поглядывая на скучную, безрадостную степь, которая простиралась по обе стороны ветрового стекла, призадумался о своих делах.

Жарасбай достал из пачки сигарету, закурил. Шофер включил радио – слышались звуки домбры.

– Оставь эту музыку, – попросил его Жарасбай.

Это был кюй Асана кайгы, жырау, который всю жизнь скитался по земле в поисках благодатного края. Не нашел он такого нигде, хотя велика была земля, хотя много верст прошел он по ней.

Пятилетним мальчишкой попал в этот край Жарасбай. Мать, прихватив его и братишку, отправилась на поиски отца, который отправился из голодной Самары в Караганду на заработки. Год отец прожил в Караганде, но обвалилась шахта, погибло много шахтеров – среди несчастных оказался и отец. Мать не осталась в Караганде, а пошла с детьми по аулам. Жарасбай смутно помнил: казахи давали им хлеб, рыбу, пускали переночевать. Но здоровье матери было подорвано, к тому же она была беременна, и в одном из аулов она слегла. Хозяин дома – высокорослый,

малоразговорчивый мужчина – поставил им во дворе шалаш, там они прожили месяца полтора. Жарасбай быстро сдружился с хозяйскими детьми, отличался от них только своей белокурой головкой, быстро научился и казахскому. Мать – это Жарасбай помнил отчетливо – не вставала. Прижимая его к груди, она часто повторяла слово «Ташкент». Только через много лет он понял, почему мать не осталась в Караганде – она шла с ними в Ташкент. То ли в Ташкенте были у нее родственники, то ли кто-то сказал ей, что в Ташкенте можно выжить...

Рожая, мать умерла. Ребенок тоже родился мертвым. Жарасбай подолгу – он это тоже помнит отчетливо до сих пор – сидел у небольшого холмика на окраине аула. Бывало, и ночью просыпался в страхе, бежал на могилу матери и, упав лицом в сухую комковатую глину, горько плакал. Добрая хозяйка частенько посылала за ним своего старшего сына – все знали, где можно было его найти, если он не являлся к столу. «Не ходи так часто на могилу, даже если это мать, – говорила ему хозяйка. – Это нехорошо». И теперь, когда вдруг ему случается слышать казахскую поговорку: «Ребенок, которого тянет к могилам, – скоро умрет» – он всегда вспоминает эту добрую хозяйку, но не может ясно припомнить ни ее лица, ни лица хозяина, ни лиц или имен их детей. Год он прожил в хозяйском доме. Его не гнали – возможно, он остался бы здесь жить навсегда. Но страшный – невиданный, не слыханный доселе – голод пришел в казахскую степь. Скота после великой конфискации не осталось, хлеба не было, люди стали покидать родные места. Было много тех, кто пошел по миру. Другие спасались тем, что ловили в степи мышей и тушканчиков. А были и такие, кто питался человеческой. Если бы не Насыр – быть бы Жарасбаю отваренным в котле, Насыр спас его от человека, обезумевшего от голода...

Жарасбай снова закурил. И вдруг впервые за всю свою жизнь подумал, что сейчас – сегодня, завтра, но быстрее, как можно быстрее – он должен, обязан вспомнить этих людей, которые приютили его мать, а с нею и двоих ее детей. Должен вспомнить их лица, их имена и лица их детей – должен!

Память... Что она такое – человеческая память? Почему она так долго держит в себе голоса сотен людей, множество звуков, красок – порою и вовсе мимолетных, случайных? Кто объяснит, почему она так устроена? Порою она сама открывает нам свои тайники – и мы благодарно черпаем из нее силы для новых надежд.

Жарасбай давно уподобил для себя память мерцающему экрану – вроде телевизионного. Но нет у этого телевизора переключателя каналов... Жарасбай прикрыл глаза – и экран вспыхнул.

Этот молчаливый мужчина в те страшные дни отправлялся на охоту. Но зверья в степи уже не было. Если и встречалось что-нибудь, то быстро исчезало из виду – что он мог поделаться без коня? Мужчина предчувствовал – конец их близок. К тому времени многие в ауле уже умерли. А те, кто был способен передвигать ноги, потянулись длинной вереницей в город, и вереница этих людей напоминала огромную траурную процессию. Куда они шли – в Ташкент? в Караганду? Жарасбай этого не помнил, все говорили: город, город, а какой именно город, – не называл никто. И как ни старались люди

держаться кучно, многие отставали. На этих отдельных нападали такие же голодные люди: убивали и съедали, оставляя после себя на кострищах человеческие кости. Вскоре каменная дорога кончилась, они оказались в песках и теперь кроме голода их начала мучать жажда. В сумерках добрались до заброшенного, старого и глубокого колодца. Перед этим вокруг них кружили два всадника. Чужа недоброе, хозяин выстрелом ружья отогнал их...

Дальше кадры на экране памяти скачут – дергано, беспорядочно. Вдру выплывает самая страшная сцена – опережая другие события.

На рассвете Жарасбай проснулся от выстрела. Грохнул еще один вслед за первым. Изможденная хозяйка, сложив руки крестом на окровавленной груди, с ужасом смотря на хозяина, понялась назад и рухнула в колодец. Жарасбай побежал прочь, споткнулся, упал. Он весь дрожал от страха. Хозяин по-прежнему рыдал, припав к колодцу. Никого вокруг не было. Жарасбая осенило: хозяин убил и детей! Он вздрогнул и окаменел: ноги его стали ватными, он не мог подняться, чтобы бежать. Но хозяин не обращал на мальчика никакого внимания, он недвижно пролежал, глухо рыдая, до самого полудня.

Хозяин очнулся в полдень, посмотрел на мальчика мутными глазами и направился к нему. Жарасбай открыл глаза, но сил больше не было – он лишь сжался. «Не бойся, я не трону тебя», – проговорил хозяин спекишимися губами. Пятилетний мальчик понял, что хозяин прощается с ним. Хозяин обнял мальчика, поцеловал, потом отпустил. А сам разулся, сел на сруб колодца, приставил к большому пальцу ноги курок, вложил ствол себе в рот. Жарасбай остался один, совершенно один... Этот кадр всю жизнь стоит перед его глазами. Но теперь, когда ему за пятьдесят, ему кажется, что он начинает припоминать, что предшествовало этой трагедии. «Они не оставят нас в покое», – проговорила женщина, когда хозяин дал два выстрела в воздух, заметив, что всадники подступили к ним совсем близко. «Не подавиться бы им нашим мясом!» – озлобленно проговорил хозяин. «Они идут по нашим следам». – «Пусть идут, у меня еще есть патроны...» – ответил хозяин. Младенец, привязанный к спине матери, жалобно захныкал – требовал есть. За минуту до этого он иссосал пустую материнскую грудь до крови. Старший сын Даулеткали не глядел на мать – последний кусок хлеба, который был у них в полосатом курджуне, он сегодня разделил поровну на всех: родителям и три куска им, детям, – младшему братишке семи лет и Жарасбаю. Он не смотрел на мать с надеждой, как смотрели несмышленные братишка и Жарасбай – он-то понимал все. Отец шепнул: «Тихо!» Все замерли. На песчаном хребте показался суслик. Отец поднял ружье и стал целиться. Даулеткали видел, что руки отца дрожат, а глаза слезятся. Отец нажал курок. Суслик покотился вниз. «Если не убил, то ранил точно», – проговорил хозяин и стал карабкаться по насыпи. Дети последовали было за ним, но слишком они были ослабшими – скоро скатились обратно. На этот раз им не повезло, хотя все эти дни они питались подстреленными сусликами – в этом было их спасение. Хозяин вернулся ни с чем...

Когда же они достигли того рокового колодца? Через полчаса? Или на следующий день? Жарасбай этого не знает. Сколько вообще прошло дней, после того как они оставили каменные дороги Арки и пошли по

песку? Нет, этого Жарасбай не знает до сих пор. Как только они достигли колодца, хозяйка с детьми тут же уснула мертвецким сном. Хозяин снял с себя чекмень, укрыл им жену и детей. Хозяйка во сне постанывала, просила пить. Хозяин молчал: уж ему-то просить было некого. Он стал дышать носом: если глотать ртом холодный ночной воздух – это только усиливало жажду. Также боялся он и уснуть: на них могли напасть, их могли съесть такие же голодные люди. Мысль о том, что его жена и дети могут умереть непогребенными, рождала в нем ярость – бессильную ярость. Наверно, хозяин смотрел на спящих детей и думал о том, что им больше не встать: они были ослаблены до предела. И нести их тоже нет сил. Да да, именно так думал он – иначе как бы в нем вызрело решение: лучше собственной рукой убить их, чем отдать тем, кто охотится за человеческим мясом. Жарасбай помнит, что хозяин и хозяйка часто в пути утешали детей: доберемся до моря, доберемся до рыбы – выживем.

Теперь хозяин, наверно, горько размышлял: нет, до моря им не добраться. Где оно, это море? Встретится ли им кто-нибудь здесь, поможет ли найти дорожку? Нет, никто им не поможет. Они верили в собственные силы, верили в то, что им поможет Аллах. Теперь ясно, сил уже нет даже на то, чтобы подняться, а Аллах далеко далеко на небе и забыл давно про них... Хозяин понял, что засыпает. Встряхнулся, прогоняя сон, прислушался, взглядываясь в темноту. Было тихо. Рядом шмыгнула ящерица. Как бы он ни крепился, а все-таки задремал – прислонив лицо к стволу ружья. Проснулся от того, что до него донеслись хриплые звуки. Было уже светло. Он подполз к детям, прислушался. Потом бросился к младшенькому: изо рта Улана текла тонкая струйка крови. Он быстро поднял его и приложился ухом к груди; малыш был мертв. Он оцепенел, прижимая к себе быстро холодеющее тельце, словно хотел своим теплом дать ему жизнь. Хозяйка не просыпалась... Да да, именно тогда, в это мгновение, наверно, в нем родилась эта мысль: наверно, именно в это мгновение он отчетливо, бесповоротно понял – им из песков уже не выбраться. Хозяин достал из мешочка четыре патрона, каждый тщательно протер тряпочкой...

Что было дальше? Дальше он слышит лишь голоса.

«Ты хочешь убить нас своими руками?» – спросила хозяйка.

«И себя тоже».

«Убей лучших меня, но детей не трогай...»

«Ни у кого из нас нет надежды – ни у тебя, ни у меня, ни у детей...»

«Именем Бога тебя умоляю – не трожь детей!»

«Какой Бог, где он, этот Бог? Ты хочешь свихнуться? Ты хочешь, чтобы у тебя на глазах какой-нибудь гад съел их? Или ты хочешь вслед за смертью Улана увидеть еще две смерти?»

«Найди в себе силы – выведи детей!»

«Нет у меня сил! – закричал в гневе мужчина. – Нету! Всё бессмысленно, понимаешь ли ты?!»

«Не тронь их! Они моя кровь!»

«И моя тоже!»

Они говорили еще долго – наконец женщина поняла, что его невозможно отговорить от принятого решения.

«Тогда сначала убей меня: смерти детей на моих глазах я не переживу...» – тихо попросила хозяйка.

После выстрела хозяин бросился к жене, поднял ее голову – волосы женщины были совершенно седыми, она поседела вмиг...

Дальнейшее он помнит отчетливее: с той минуты, когда увидел человека верхом на верблюдице. Это был молодой Насыр. Голодных изможденных детей – Бекназара и белобрысого Жарасбая – он посадил подле. В Караое, увидев детей, стали плакать: никто не верил, что они выживут. Муса выпросил у Насыра себе Жарасбая. От насыровского дома он понес его на руках. Мальчик спросил, еле шевеля губами: «Это Ташкент?» – «Да он говорит по казахски!» – поразилась мать Мусы. «Подождите! – обрадованно воскликнул Муса. – Он будет мне и братишкой, и сыном! Нет, малыш, это не Ташкент – это Синеморье...» – «Сыном? – покачала головой мать. – Да ты еще сам ребенок...» – «Я уже подросток», – с достоинством ответил Муса.

Жарасбай мял и мял сигарету до тех пор, пока весь табак не просыпался ему под ноги.

«Да, Синеморье – это святой край, – подумал он сейчас. – Сколько же людей спаслось у моря – тех, что дошли до него! Кому только не помогали здешние добрые люди; с кем только они не делились последним куском хлеба; сколько душ они отогрели своей теплотой и добротой! Они поделились в свое время землей с голодными корейцами, этот край стал родной землей для переселенных кавказцев карачаевцев, ингушей, балкаров, чеченцев, эстонцев, литовцев. И теперь эта земля умирает, умирает у всех на глазах...»

Устроившись в вагоне, Насыр сразу же лег – ему нужно было сосредоточиться на предстоящем разговоре. Он и в мыслях не мог допустить, что этот разговор может не состояться, и потому со всей ответственностью, на которую был способен, принялся размышлять о письме.

Важное он вез письмо, очень важное – в нем кричала болью душа Матвея. В книге, которую написал еще в пятидесятые годы, Матвей предупреждал: умрет море, если перекрыть две Дарьи. Значит, уже тогда Матвей понимал, что кто-то вынашивает планы расширить хлопковое хозяйство за счет этих вод, хотя в те годы Насыр не слышал, чтобы Матвей упоминал об этом... Интересно, что скажет Кунаев, прочитав письмо? Во всех газетах трубят, будто по всей стране идет полным ходом перестройка – да только где она, эта перестройка? Ничего такого не видел вокруг себя Насыр.

И под мерный стук колес мысли его приняли неспешный, обстоятельный характер. Понятно, в чем могла заключаться причина глубокой задумчивости старого человека. Слыша повсюду это многообещающее слово и видя, что жизнь тем не менее остается прежней, разве только его одного это противоречие заставляет задумываться? Разве только Насыр не видит результатов перестройки вокруг? Мы ведь тоже не видим. И невольно начинаем полагать: а не очередная ли это кампания? Снова лозунги, снова призывы – а ведь это уже было! Новые воители идут на смену старым – но в глазах прежняя бездумность. А ведь так легко уничтожить то хорошее, что вчера было добыто нашим же трудом.

Какая пшеница была раньше? Золотистая, каждое зерно толщиной с палец! Куда делся белоснежный рис, которым можно было наесться уже глазами? Решили

поднять целину, бросились на штурм. Распахали луговые и пастбищные земли. Не стало корма – исчез скот. Теперь в этих местах безраздельно властвует пыль. Матвей пишет: по семьсот тонн пыли выпадает на каждый квадратный километр здесь, в приморье. Подумать только – по семьсот тонн! Да что же это за страна такая! Какие же в ней живут люди? Почему они вот уже семьдесят лет одержимы одной идеей: покорять, покорять, покорять! Индустриализация, механизация, автоматизация – ничто в этой стране не доведено до ума, все брошено, исковеркано, а сами воители, как правило, после каждой очередной кампании скрываются в толще времени, и никто не знает: кто виноват, что виновато, зачем это было надо. Страна рабов, горько думал Насыр, в которой ничто не идет на пользу людям, а всё только во вред! Откуда взялась она, эта страна? Зачем она существует в мире – нищая, разоренная, но вооруженная до зубов, но огражденная от мира частоколом ракет. Да ведь она угрожает цивилизации. Доведенная до отчаяния, истерзанная в зависти к благосостоянию других народов, – разве не она начнет войну, чтобы отобрать у цивилизации блага и присвоить их себе – разделить поровну? Или уничтожить вовсе: никому ничего! Этой стране, как всегда, нечего терять.

И что же теперь земля? Эксперименты, спускаемые сверху, превратили землю в абсурд. Теперь на ней посадишь редьку, а вырастает хрен. Можно, конечно, найти и конкретных преступников, но разве можно восполнить теперь ее богатства... И земля, и вода – разве они подвластны теперь человеку? Они не подвластны уже Богу – они задыхаются в экологической катастрофе! Тысячи и тысячи лет люди чтили Коран, который предупреждал: бойся, человек, безъязыких своих врагов – огня, воды и ветра! Не убоился безмозглый человек, наплевал на Коран – человек теперь, видите ли, атеист. И в наказание за это бежит теперь, схватившись за голову, от восставших огня, воды и ветра. Получай же сполна, безмозглая скотина! За всё! За то, что не был добр, не был милосерден к природе. Беги да знай: нет тебе больше места на земле – не научен ты, оказалось, ценить ее богатства, не научен... Получай за беспредельность прогресса науки и техники, которым ты похвалялся на заре века! Может, задумаешься: как жить дальше? Может, очнешься от угара расхитительства, беспредельной жадности своей? Может, заставит тебя эта грандиозная, повсеместная месть природы думать, размышлять над завтрашним днем? Может, еще не поздно будет, когда ты призадумаешься? Может быть, в твоей толпе обнаружится тогда хотя бы один человек, который воскликнет: остановитесь, люди! Ведь нам держать ответ перед завтрашним днем! Может быть, тогда-то появится впервые у государства руководитель, который будет любить и уважать свой народ: оберегать его прошлое и вести его уверенно в будущее? Сейчас мы не можем называться народом. Сейчас мы толпа, мы быдло – если отдали свои судьбы в руки невежд, которые как огня боятся таких людей, как Кахарман!

Когда мысли привели его как бы само собою к сыну, к Кахарману, Насыр не без желчи подумал: «Да да, таких людей, как Кахарман. И мне немало пришлось повидать на своем веку тех ничтожных кабинетных людишек, которые заглядывают в рот своему начальнику и ждут его указки. После пяти они уезжают в свои высокие каменные дома – а там хоть трава не расти...»

Проснулся Насыр как всегда рано. Неспешно умылся, сел на откидном стульчике напротив полуприкрытой двери купе. Был он сердит. Вскоре проснулся и Болат. Заметив, что старик сидит сурово нахохлившись, словно беркут перед охотой, он как можно радушнее приветствовал Насыра.

– Хорошо, что встал, уже приближаемся к Алма Ате, – одобрил Болат Насыр.

Еще вчера ему хотелось поговорить с Болатом о Кунаеве, но он решил отложить этот разговор на свежую голову. И теперь, когда Болат, умытый и причесанный, вернулся в купе, Насыр нетерпеливо спросил:

– Говорят, что Кунаев уходит со своего поста. Хотел бы знать: правда это или нет?

Болат улыбнулся:

– Полгода не был в столице, не слышал никаких сплетен. Приедем и всё узнаем, Насыр ага...

Насыр нахмурился чему-то, потом сказал:

– Я к тебе пока не поеду. Отвези меня в гостиницу.

– Да меня же Хорст ага заест: гостя да в гостиницу!

– Хорст поймет всё. Сейчас мне нужен телефон... – Насыр вдруг усомнился:

– Кажется мне, что ничего-то у нас не получится, Болат...

– Да мы что – милостыню просим? Если вас примет Кунаев – расскажите ему все как есть, не надо щадить его слух.

– А если не примет? Если поручит это дело какому-нибудь помощнику?

– Тоже правду. Только правду! Другого ничего не остается.

Насыр приободрился:

– Буду настаивать на том, чтобы Димаш сам принял меня. Пока не поговорю с ним – не уеду, так и скажу им...

С вокзала они отправились в гостиницу «Алма Ата». Болат без особого труда устроил старого рыбака в однокомнатный номер.

Насыр распорядился:

– Отправляйся домой, отвези вещи, повидайся с женой и возвращайся ко мне.

Я пока спущусь в парикмахерскую. Хорсту обо мне пока не говори ничего. Закончим дела, тогда и отправимся к нему...

Вспомнил, что конверт с письмом Славикова должен быть заклеен – об этом профессор просил сам в записке. Насыр заклеил конверт. Потом достал еще одну бумажку из старого пиджака, номер телефона, по которому он должен будет звонить. Разглядел бумажку ладонью, положил рядом с телефоном, а сам отправился в буфет, что был в левом крыле. Ему подали всё, что он потребовал, кроме чая. Чаю не оказалось. Насыр сильно расстроился, проговорил обиженно: «Думал, хоть в столицах попию индийского чаю, а у вас тоже его нет... Как же я без чая? Без чая у меня голова перестает соображать...» Буфетчица стала ему сочувствовать: «Попросите дежурную по этажу – она приготовит... – Но, помедлив, взялась хлопотать сама: – Обождите минуточку, я сейчас принесу...» Вскоре она вернулась с чайником: «Дедушка, вот вам и чай. Как будете пить – с молоком?» Насыр обрадовался: «Спасибо, доченька, уважила старого человека. Как тебя зовут?» – «Русские называют по русски. Галя. А вообще-то я Галия...» – «Дай тебе Бог счастья, доченька!» – «Откуда приехали, дедушка?» – поддержала разговор приветливая девушка. «С Синеморья. Слышала про такой край?» – «Слышала, конечно, жуткие вещи у вас там творятся. У нас много работает ваших девушек, часто рассказывают...» – «Да, – вздохнул Насыр. – Разбросало наших людей по всей республике».

Болат задерживался. Тогда Насыр решил сам звонить помощнику Кунаева. Трубка ответила:

– Слышал о вас. Поезжайте в ЦК и оставьте это письмо. – Помощник объяснил, как доехать, какому милиционеру оставить письмо.

Насыр возразил, сказав, что желает встретиться с Кунаевым лично. Помощник помолчал, потом записал его фамилию, имя, отчество и попросил не отлучаться из номера, ждать звонка.

В номере Насыр безвылазно просидел три дня. Письмо в ЦК свез Болат, а все три дня Насыр провел у телевизора. Благо, программ было много, знай переключай чай. Особенно ему понравилась киргизская программа, много Насыр выслушал казахских и киргизских песен. В конце концов он стал беспокоиться: вдруг забыли о нем? Несколько раз собирался звонить снова, но всякий раз призадумывался, не может того быть, чтобы забыли. Немало, наверно, забот у Димаша – освободится чуть чуть, тогда и дойдет очередь до Насыра.

Наконец он ошалел от телевизора и радио. Если верить телевизору и радио, получалось, будто наверху только и делают, что с утра до ночи пекутся о благосостоянии народа. Насыр переключился на газеты, которые он стал покупать рано утром. Газеты толковали ему всё о том же. Ни разу за эти три дня Насыр не увидел, не услышал и не прочитал хоть строчку об умирающем море. При всем том, что наверху пеклись с утра до ночи о народе, наверху же и полагали, наверно: «Е, подумаешь, какое-то там море! Бросьте печалиться, глупые люди, государство не оставит вас без куса хлеба...» Невесело стало Насыру от всего этого. Никто, кроме тех, кто живет у этого многострадального моря, не способен понять его боль, в который уже раз подумал он.

И все-таки он включал телевизор, включал радио, читал газеты. В один из этих дней он услышал, впрочем, о Синеморье. Молодой артист спел старинную песню, которую и сам Насыр в молодости не раз певал с земляками в застольях или просто на берегу, когда рыбаки Караоя возвращались с моря. Он было порадовался, но тут же решил: чем песни петь, не пора ли рассказать беспощадную правду? Хотел бы он сейчас посмотреть в лица тех холеных людей, которые раньше наведывались в тот же Караой или Шумген из Алма Аты, которые называли себя поэтами и композиторами. Куда все они подевались, черт бы их побрал? Или ждут, что море возродится само собою, и тогда им можно будет снова хлынуть к нему за новыми сладкоголосыми песнями, а заодно и за новыми длинными рублями?

Сам того не ведая, здесь, в столичном гостиничном номере, простой рыбак Насыр задел очень большой вопрос: что же все-таки такое интеллигенция? Разве имеет она право бросить свой народ в трудную минуту? Разве не она должна была первой заговорить о гибели моря еще десять-пятнадцать лет тому назад, вместо того чтобы слагать безоблачные песни о его красоте и богатстве? Да, Насыр помнил этих самодовольных, самовлюбленных людей, которые раньше частенько наезжали в Караой – теперь они были ему противны, как, впрочем, стала ему в эти дни противна и другая человеческая особенность, приобретающая у казахов и киргизов совершенно уродливые формы: скрывать недостатки, но превозносить достоинства. И теперь он, пожалуй, готов был понять даже обратное, если бы это могло помочь разбудить сытую дрему общества. Даже о несчастной жизни Кахармана он готов был бы забыть: в конечном счете разве скитания его сына не были выше того благополучия, которое сохранили за собой рабы – лъстя друг другу, скрывая друг от друга потаенные, горькие мысли о том, что общество

погрузилось в тину равнодушия к судьбам простых людей, но бросилось в угар распределения благ? Нет, пусть лучше Кахарман скитается – это жизнь достойная, это жизнь не рабская. Да сохранит его Аллах!

Последнее Насыр произнес хриплым голосом вслух. И, услышав свой голос, вспомнил, что в эти дни он ни разу еще не молился. «Нехорошо, нехорошо...» – пробормотал он сконфуженно и тут же принялся расстилать белый платок. Вот чего ему не хватало в эти дни – общения с Аллахом. Потом достал Коран и стал читать арабские слова, тут же переводя их на казахский: «Если ваши отцы, и ваши сыновья, и ваши братья, и ваши супруги, и ваша семья, и имущество, которое вы приобрели, и торговля, застоя в которой вы боитесь, и жилища ваши милее вам, чем Бог и его посланники, – то выжидайте, пока придет Бог, пока придет его повеление. А Бог не ведает народа распутного!»

Торопясь, Насыр забыл выключить телевизор. И сейчас миловидная женщина вдруг, как бы испугавшись, что Насыр променяет ее на Аллаха, быстро затараторила о достижениях республики: «В закрома Родины поступило около миллиона пудов зерна... в общей сложности в магазины поступит пятьдесят тысяч костюмов, тридцать тысяч пар обуви...» Насыр усмехнулся. Эх, девушка: а не лучше ли было бы открыто сказать о том, сколько пудов пшеницы осталось необранными – не меньше, наверно, того же миллиона; сколько тысяч костюмов пылятся на складах магазинов – убогих, никому не нужных? «Тяжко жить в городе, – подумал Насыр. – Послушай-ка каждый день такое: миллионы, тысячи – точно свихнешься!» И он выключил телевизор, а сам накинул на плечи пальто – в номере было холодно; ранняя суровая зима сказывалась и в обычно теплой Алма Ате. Раздался телефонный звонок. Насыр поспешно снял трубку. Звонил Болат, обещал зайти в свой обеденный перерыв. Насыр встретил Болату насупленным, хмурым.

– Устал я сидеть у этого треклятого телефона, чтоб он лопнул! Видно, мы с Матвеем – два старика – выжили из ума: задумали встретиться с самим Кунаевым! Поеду-ка я домой, пока совсем не превратился в идиота...

Болат стал успокаивать старого рыбака:

– Нет, Насыр ага, так не делается. Даже если Кунаев сам не сможет принять вас – то он должен дать знать. Да и неудобно бросать дело, начатое профессором...

– Как будто это море нужно только мне да Матвею, – закипятился Насыр. – Прав Мустафа, когда пишет в письме: это море – мировая ценность! И губить его – совершить преступление против всего человечества! Вот что надо сказать Кунаеву!

– Пойдемте вниз, аксакал, пообедаем. Три дня ничего не ели горячего...

– А вдруг позвонят? Неудобно получится, – засомневался Насыр, глядя на телефон, хотя поесть горячего ему хотелось очень.

– У них тоже, наверно, обед, – возразил Болат. Это убедило Насыра, и они спустились в ресторан.

– Ох, и народу здесь! – ахнул Насыр. – Они что же: не работают?

– Сейчас обеденный перерыв, – рассмеялся Болат. – Да и в основном здесь одни командированные, как мы с вами...

– Давай поторопимся, – засуетился Насыр. – Позвонит – потом стыда не оберешься; подумают, не аксакал – а ветреный мальчишка... Еще хочу попросить тебя об одном. Хорошо бы после разговора с Кунаевым связаться с Матвеем. Да и Кахармана хочу я увидеть. А может, съездить мне к нему на Зайсан – это ведь недалеко?

– В самом деле! – обрадовался Болат. – Как это раньше я не сообразил? Сделаем так, Насыр ага: позвоним Кахарману, пусть срочно вылетает сюда. Так будет проще, чем лететь вам самолетом туда...

– Верно говоришь! – Насыр заметно повеселел. – Уж быстрее бы с Кунаевым поговорить!

– А телеграмму Кахарману можно дать прямо сегодня. Пока с работы отприсытается, пока доберется до столицы...

Телефон зазвонил только на четвертый день, ранним утром.

– Ровно в шесть часов вечера сегодня будьте у бюро пропусков. Разговор ваш с Динмухамедом Ахмедовичем должен занять пятнадцать минут. С письмом вашим он ознакомлен.

Насыр не успел даже поблагодарить – на том конце провода трубку положили. Насыр надел всё тот же свой новый костюм и отправился в буфет, который был еще закрыт. Дежурная по этажу, только вставшая со сна, объяснила: откроется в восемь. Она налила старику свежего чая, Насыр пошел с ним в номер. «Рано же начинает свою работу помощник, – подумал он удовлетворенно за чаем. – А вот ты, Насыр, не выживаешь ли из ума? Чего ты нарядился – времени-то всего семь часов утра?» Но после чая он помолился, улыбнулся себе: дай ему, Аллах, удачи.

Кунаев встретил старого рыбака у дверей кабинета. Пригласил заходить, усадил его и только после этого сел напротив него сам, чем и удовлетворил Насыра чрезвычайно.

– Сколько же вам лет, Наке? – спросил Кунаев уважительно.

Насыр нарочно ответил по восточному календарю:

– Я родился в год лошади, Димаш.

– Значит вам восемьдесят четыре, Наке, – быстро понял Кунаев, чем опять же Насыр остался весьма доволен.

Он сел в кресле посвободнее и снова сказал мысленно: иа, Алла, дай мне удачи! От глаз Кунаева не ускользнуло удовлетворение аксакала. Насыр тоже в свою очередь украдкой оглядел еще не старого, крепкого телом руководителя республики.

– Я прочитал письмо Матвея Пантелеевича, – продолжал Кунаев. – Спасибо ему за участие. Мы готовим ответное письмо ученому – оно будет отправлено на днях. – По интонации Насыр понял, что Кунаеву о Славикове говорить не очень приятно. – Вы давно знакомы с ним, Наке? Ах да, наверно, много лет – он же отбывал в ваших краях ссылку. А казахскому он у вас учился? Заметен южный выговор...

– Он человек умный: выучился языку за одно лето! А пословиц он знает больше любого казаха!

Кунаев будто бы пропустил это мимо ушей. Потом задумчиво проговорил:

– Никому не дано избежать ошибок своего времени. Они обнаруживаются не сразу – по истечении лет, Наке. Я тоже в свое время вместе со Славиковым боролся за то, чтобы не погибло наше море. Но теперь вижу: нам всем не удалось довести начатое дело до конца. Нам не удалось повернуть сибирские реки...

Насыр воскликнул:

– Димаш, разве Славиков когда-нибудь боролся за поворот рек? Это же мальчишество, а Мустафа – человек серьезный!

Кунаев не ожидал такого ответа от Насыра. Он зорко посмотрел на старого рыбака, потом резко отвернулся. После этого разговор принял формальный

характер – несколькими ловкими вопросами Кунаев увел Насыра от сути дела, причем так, что Насыр опомнился только к пятнадцатой минуте, когда стало ясно, что прием окончен. Спускаясь вниз по улице Фурманова, Насыр пытался в точности определить, какое впечатление у него осталось от встречи. Нелегко было ему это сделать: высокий человек не дал ему никаких надежд, ничего не сказал по существу, но вместе с тем показалось Насыру – по тому, как после маленькой, неприятной заминки, возникшей между ними по поводу Славикова, разговор пошел теплый, по житейски доверительный, – что Кунаев если и заблуждается, то заблуждается искренне, не желая зла ни Насыру, ни профессору Славикову, ни морю, ни народу, который населяет его оскудевшие берега. Вот это и было непонятно Насыру: не желая зла, этот человек тем не менее и морю, и людям побережья, и Насыру лично, и профессору Славикову нес это зло... Нет, не зло, а что-то другое, непонятное для ума старого рыбака.

Подходя к гостинице, еще издали заметил прохаживающихся у входа Болат и Хорста. Завидев Насыра, они направились ему навстречу. Старые друзья обнялись, долго разглядывали друг друга – Болат, посматривая на них, улыбался и радовался тоже.

– Ну, теперь ко мне! – Хорст потянул их за собой. Их ожидал жирный сазан, искусно приготовленный Ириной Михайловной. Насыр принялся пересказывать разговор с Кунаевым.

– Насыр ага, – шутливо спросил Болат, – заметили вы какие-нибудь признаки?

– Признаки? – вспомнил Насыр. – Нет, ничего не заметил. Кажется, Кунаев не собирается расставаться со своим креслом... В общем, он мне вот что сказал. В верхах углубленно рассматривается вопрос о нашем море, о тяжелом бедственном положении народа. Нельзя отчаиваться, хотя считать, будто выход из тупика найден, тоже нельзя. Все мы погубили море – и все мы обязаны его спасти. Вот такое сейчас направление принято. Еще он говорил вот что. Поморы тоже должны проявить активность. Вот и всё, что он мог сказать. Умный он человек, чтобы давать пустые обещания, – так я понял его. Говорил, что Матвею они готовят ответное письмо – официальный ответ, – важно закончил Насыр.

Болат и Хорст одобрительно кивали головами, слушая рассказ Насыра, а Ирина Михайловна быстро быстро закрестилась:

– Дай-то Бог: пусть господь позаботится о вашем море на небесах, а на земле найдутся благородные люди, которые тоже не оставят вас в беде...

– От Кахармана пришла телеграмма. – Болат протянул Насыру бланк телеграммы. – Он будет, надо его обязательно дожидаться.

– Вот и хорошо, давненько не видал я его. А уж Корлан как обрадуется! Всё ей расскажу...

Насыр улыбался весь: глазами, губами, всеми своими мелкими морщинами. Был он в хорошем настроении. С легким сердцем решил он пожить в Алма Ате еще несколько дней, чтобы дожидаться Кахармана. Назавтра в полдень они с Болатом отправились звонить в Москву профессору Славикову. Трубку сняли сразу. Голос Славикова звучал слабо, после инфаркта профессор был еще не совсем здоров. Но говорил ясно, а Насыру обрадовался очень.

– Хорошо, что Кунаев тебя принял. Уже собирается отказываться от поворота рек? Это же здорово! Тогда между нами не будет взаимной обиды. Мне тоже хватит отлеживаться в постели – пора вставать на ноги. Весной собираюсь не-

пременно заехать к вам на море, пока не умер... Но ты меня сильно обрадовал, Насыр! Чувствуешь: времена-то меняются! Даже Кунаев заговорил по новому. Эх, так бы и дальше держать а, Насыр! Я ведь и Горбачеву письмо написал такое же, да да! Так что будем, будем и еще раз будем надеяться. Ну а пока до свидания, Насыр. До скорой встречи! Да, чуть не забыл! Получил от Кахармана телеграмму – пишет, что будет в Москве в ближайших числах. Если заедет к вам, передайте: Игоря ждем завтра.

Печально прощался Насыр со своим старым другом. Щемило сердце, Насыру вдруг показалось, что это последний их разговор. Профессор тоже, наверно, что-то предчувствовал: голос его в последнюю минуту дрогнул. Кахарман приехал на следующий день – его привел с собою в обеденное время Болат. С ним был пожилой русский мужчина, которого Насыр оглядел с любопытством.

Отец порывисто обнял похудевшего сына:

– Сынок, обрадовал ты старика!

Кахарман не без некоторого смущения произнес:

– Семен Архипович, знакомьтесь – это мой отец.

Потом обратился к Насыру:

– Я живу у Семена Архиповича. Спасибо, приютил, пока не получили мы квартиру...

Насыр с удовольствием пожал руку доброму человеку:

– Какая у вас хорошая речь – не всякий казах так красиво по нашему говорит...

Кахарман объяснил:

– Он много лет живет на казахской земле, да и родственников у него много казахов... Я тоже удивляюсь, отец: и сами казахи охотно забывают свой язык, а чтобы встретить русского человека, который говорит по казахски, да так блестяще... Что это?

Семен Архипович ответил:

– Это знак уважения к народу, с которым ты живешь. Разве можно иначе?

Кахарман сказал правду: много лет на Зайсане – стыдно за такой срок не выучиться языку...

– А у меня, Семен Архипович, радость – сам видишь. С сыном вот встретился.

Есть у меня кой какие лишние деньги. Пусть Болат отведет нас в ресторан – пообедаем, а?

– Веди, Болат! – весело ответил Кахарман, и они вышли из номера.

Насыр и Семен Архипович радушно, открыто посматривали друг на друга. Не ошибся бы тот, кто стал бы утверждать, что эти два простых человека должны были понравиться друг другу с первого взгляда. Вскоре их разыскал Хорст, которому, естественно, тоже нашлось место за столом – Насыр посадил его рядом с собой.

За веселым разговором быстро пролетели полтора часа. Болат и Хорст оставили компанию – Болат спешил на службу, а Хорст домой. Насыр, Кахарман и Семен Архипович поднялись в номер. Насыра неприятно поразила необычная замкнутость сына. Кахарман вообще был малоразговорчивым, но теперь это его качество, помноженное на замкнутость, угнетало окружающих. Теперь он, можно сказать, рта не раскрывал: всё больше слушал, да и то рассеянно, изредка вставляя кой какие замечания – впрочем, необязательные, порою состоящие всего лишь из одной фразы. Всего этого не мог не заметить Насыр – он понял, что в душе Кахармана происходят какие-то серьезные изменения.

Когда они расселись в мягких глубоких креслах, Семен Архипович проговорил:

– У вас вот радость, аксакал, а у меня печаль. Приехал хоронить фронтового друга... Григорий был лучшим из людей, которых я знал за свою жизнь. Это не преувеличение, Наке. С его смертью ко мне возвратилось то болезненное ощущение, которое я стал подзабывать, – одиночества и заброшенности. Что говорить! Тяжело переживать смерть близких людей...

– В грустную минуту для тебя встретились мы, Семен... Да будет земля ему пухом!

– Гриша в свое время возродил меня к жизни. Он был из тех людей, которые думают больше о других, чем о себе, – на таких держится мир... На всю жизнь запомнил, что толковал он мне, когда я дошел, как говорится, до ручки: «Сема, умереть легко, а вот попробуй выжить. Если ты трус, если ты боишься трудностей – тогда конечно, тогда, пожалуйста – в гроб. Но если ты еще уважаешь себя, если ты считаешь себя человеком, – живи вопреки всему...»

Кахарман возразил:

– Решиться на смерть тоже нелегко. А потом, люди ведь кончают с собой не просто так. Каждая смерть – это протест несложившейся жизни. Против дикости, несуразности... Разве нет?

– Тоже правда, – ответил Семен Архипович. – Но у меня было другое, скорее отчаяние, какой уж там протест. Смерть бы не украсила меня. Если уж протестовать – то живым протестовать, а не мертвым. Может быть, это не так красиво, зато мужественнее.

– Кахарман, как там наш Бериш?

– В каждом письме бодрится; целит в джигиты.

– Молодец, одобряю! Ну а как у тебя с жильем, обещают?

– Этой зимой надеюсь получить. Перевезу, наконец, Айтуган и детей. Да и Бериша думаю все же забрать из интерната. Что там за жизнь? Пусть зиму живет дома, а летом у вас.

– Хорошо, мы с ним поговорим тоже. А в Москву зачем надумал?

– У нас тут на Зайсане плохо с оборудованием. Попробую пробить это дело в Москве через старых и новых друзей. Запчасти, инструменты – словом, всякая мелочь...

Насыр с прежним удовлетворением проговорил:

– Рад я, что принял меня Димаш. Здорово мы с ним потолковали. Он проблемы наши хорошо знает, всегда их в голове держит...

При упоминании имени Кунаева Кахарман вскочил как ужаленный:

– Отец, вы что, до сих пор верите ему?! Поразительно! Мало, значит, походили вы по кабинетам, то-то и навешал он вам лапши на уши, как говорится! Поезжай к себе в Тмутаракань да будь спокоен, Наке, всё выправим, надейся и жди. Да еще, наверно, по плечу похлопал одобрительно. Эх, отец! Эти ласковые, доверительные разговоры длятся уже тридцать лет, тридцать лет нас похлопывают по плечу, всё сделаем, будьте спокойны. Все эти тридцать лет, прикрываясь именем народа, обируют его, изводят землю, на которой он живет, а лучших его сыновей держат за решеткой или изгоняют! – Кахарман схватился за голову, заскрипел зубами. – Господи, как мне жалко этих доверчивых, словно ягнята, людей! Как я жалею свой несчастный, забитый, тысячу и тысячу раз обманутый народ!

«Иа, Алла! – испуганно подумал Насыр. Впервые он видел сына в таком отчаянии, которого тот не скрывал. – Вот что на душе у него! Вот какая боль на душе у бедного, несчастного сына моего!» Слезы невольно навернулись Насыру на глаза. Кахарман сел, отвернувшись.

Насыр подошел, неловко положил руку ему на плечо.

– Поезжай-ка ты домой, отец... – устало, глухо сказал Кахарман.

– Точно, точно... – стал бормотать Насыр. – Заждалась меня там старуха. Точно поеду-ка я домой...

В министерстве оформив командировочные, Кахарман ночным рейсом вылетел в Москву.

Насыр тоже стал собираться. Утром вместе с Хорстом они отправились на рынок. Насыр решил привезти землякам побольше гостинцев. Сумка их вскоре была полна.

– Как ты довезешь всё это? – удивлялся Хорст. – Не поднять ведь.

– Да разве я повезу? – тоже удивлялся Насыр. – Поезд всё это повезет!

– А от станции до аула тоже поезд?

– Там встретят меня. Это только кажется, что много. А Корлан как начнет раздавать – так и не хватит на всех. Она у меня, сам помнишь, щедрая...

– Не забудь, моя Ирина Михайловна тоже кое-что приготовила...

– Всё поместится, не волнуйся.

Рынок облетела весть: сняли Кунаева, на его место назначили русского. Насыра эта новость поразила словно гром. Он остолбенел. Хорст ушел далеко вперед, но, хватившись, прибежал назад, подтащил какой-то ящик:

– На тебе лица нет! Присядь. И давай повернем домой. Остальное купим в магазинах – сам похожу.

Хорст, взяв сумки с покупками, помог Насыру добраться до гостиницы Насыр прилег. Новость его опустошила. Значит, прав был Кахарман! А он-то, старый дурак, развесил уши и все слушал да слушал его ласковые речи!

Ближе к вечеру на центральные улицы высыпала молодежь. Толпы ее шли к Дому правительства, скоро вся площадь была полна. Насыр заметил: большей частью это были казахи. В груди у него заныло от нехорошего предчувствия: не протестовать ли идут? Кому же может понравиться, что в Казахстане назначили первым русского?..

Он надел свое теплое пальто и вышел из гостиницы. Перед подъездом было многолюдно, шумно. Насыр пошел направо – в том направлении, в котором шла толпа. Некоторые бежали. Вскоре он был на площади. Его внесло в гущу людей, так что и не повернуться было. Подозрения его оправдались: молодежь выкрикивала лозунги, требуя назначить первым секретарем ЦК казаха. Стало холоднее – молодежь пританцовывала, чтобы не замерзнуть. Много было и просто любопытствующих вроде Насыра. Но и они время от времени вступали с кем-то в споры. Все сходились в одном: Казахстаном должен руководить казах. Молодежь прямо здесь же на каких-то тряпках писала транспаранты и поднимала их высоко над головами.

«Нехорошо это, – думал Насыр. – К чему такая легкомысленная суета?» В самом деле, ему было непонятно, кто и как мог допустить такое. Хорошо, Насыр тоже думает, что на месте Кунаева должен быть казах, а не русский; но у джигитов горячая кровь, крутой нрав – чем же все это может закончиться? Разве не ясно?

Рядом с Насыром громко заговорил мужчина невысокого роста, в очках:

– Во главе Советского Союза стоит русский? Русский. Ничего особенного нет в том, что каждый народ хочет поставить над собой человека своей же национальности! Это идет испокон веков. Нет в этом ничего предвзятого! – Он посмотрел на Насыра. – Прав я, ага? Мы говорим – «социализм», «социализм». А разве в правилах социализма выражать недоверие к тому или иному народу? Я понимаю это только так – не верят казахскому народу, и всё тут!

Мужчина продолжал говорить:

– Почему эти люди пришли сюда? Они пришли, чтобы выразить свое возмущение. Им плюнули в лицо! Им сказали – вы быдло, вами надо управлять из центра, из Москвы. Разве нет у нас своих достойных сыновей на место Кунаева? Кто сейчас поверит, что этот русский будет петься об интересах казахов? Им будут руководить из центра. Я ничего не имею против русских, у меня много среди них друзей. Это замечательные люди, но хочу спросить вас: видано ли в природе, чтобы ворон воспитывал беркута или беркут ворона? Кунаев был подхалимом Брежнева – это точно, но можно ли теперь сказать с уверенностью, что этот русский объединит вокруг себя лучших – честных, порядочных – казахов; то есть самое ядро нации, собственно народ? Будет ли у нас будущее? Не грозит ли нам исчезновение?

– Ты прав, сынок! – поддержал его Насыр. – Умные, правильные ты говоришь слова.

Между тем площадь окружалась: милицейскими машинами, солдатами, милиционерами. Рядом с милиционерами стояли дружинники с красными повязками, с железными прутьями в руках.

Кто-то сказал:

– Вон там раздают ребятам водку – ребятки расхватили уже целую машину...

– Оу, зачем же в такую минуту нужна водка? – поразился Насыр. – Совсем нехорошо: у джигитов и так горит кровь, а выпьют – ошалеют же!

Давешний мужчина проговорил сокрушенно:

– И водку, и сигареты раздают. Бедой это кончится... – Теперь он как будто бы винулся в том, что за минуту до этого говорил так горячо. – Анашистов здесь много...

В разговор вклинился парень спортивного вида:

– Пусть ребятки согреются. В народе говорят: что-то стало холодать – не пора ли нам поддать? – И засмеялся.

– Чему радуешься? – угрюмо урезонил его мужчина в очках. – Перебьют их сейчас, пьяных, как цыплят!

У парня оказался свой довод:

– Правильно! А как иначе с ними справишься? Вот и повяжут всех пьяных. Это специально, если хочешь знать, задумано!

– Чушь какая-то! Удивляюсь, как это удалось через такие кордоны пригнать машины с водкой.

Тут из небольшой группы ребят, стоявшей неподалеку, вышел совсем молодой парень и резко бросил в адрес спортсмена:

– Эге, вот ты куда поворачиваешь... А ну брысь отсюда! – И замахнулся.

Но его приостановили приятели. Спортсмен быстро растворился в толпе.

На трибуну все время поднимались какие-то люди. Насыру не удавалось разглядеть их лица, хотя сейчас это не имело никакого значения. Насыр, как и многие

из собравшихся здесь студентов, знал в лицо только одного Кунаева. Появился Назарбаев, стал говорить речь.

В это самое время в толпе закричали:

– Братья казахи! Начались незаконные аресты наших лучших людей – слышите вы или нет?

Все хлынули туда, откуда раздавались эти крики. Насыра толкнул плечом какой-то парень с сигаретой в зубах. Насыр почувствовал сильный запах анаши.

Мужчина в очках растерянно заметил:

– Водка и анаша уже начинают действовать...

– Они же сами раздают и водку, и анашу, – зло засмеялся парень.

– А вы не пейте и не курите сейчас! – крикнула совсем юная девушка, почти что подросток.

– Кто же от дармового откажется? – возразили ей.

Теперь ораторов, которые стояли на трибуне, никто уже больше не слушал. Никто в их слова больше не верил. Даже когда на возвышении появилась всеми любимая певица Бибигуль и разрыдалась, пытаясь что-то сказать молодежи сквозь слезы, шум не стих.

Вновь прибывающие солдаты и милиционеры были защищены пластиковыми щитами и вооружены резиновыми дубинками. По виду они ничем не отличались от ольстерских полицейских, на которых Насыр посмотрелся в эти дни по телевизору. Он ужаснулся: «И у нас всё это, оказывается, есть: и щиты, и дубинки!»

Все ожидали, когда выйдет на трибуну вновь назначенный руководитель. Сейчас это было ох как нужно, ибо ситуация была накалена до предела! Выставить против безоружных студентов вооруженных солдат и милиционеров, дружинников с металлическими прутьями, которые были готовы броситься на разгон толпы по первой же команде, – что могло быть сейчас нелепее?

Мегафоны все как один тявкали: «Расходитесь! Расходитесь!» Плотной стеной вооруженные солдаты стали надвигаться на студентов – студенты на них. Из водометов ударили сильные струи воды. Куртки, плащи легко одетой молодежи покрылись ледяной коркой – студенты тряслись от холода, но не расходились. Струя воды сильно ударила Насыру в спину. Старый рыбак упал – сначала на колени, потом лицом вниз.

Какой-то парень помог ему подняться:

– Ага, идите домой. Чего доброго, еще убьют. – Молодой человек невесело, скорее устало улыбнулся. – Аксакалы нам понадобятся завтра – чтобы собрать наши трупы. – Он заглянул в лицо Насыра и обрадовался: – Оу, Насыр ага, вы-то как здесь очутились? Неужто все до одного люди нашего несчастного края уже переехали сюда?

– Ты чей? – стал вглядываться в него Насыр.

– Сарсенгали, с седьмого разъезда!

– Кажется, знаю. Спасибо, что помог. Только сам тоже не оставайся здесь.

Добром это не кончится. Ты что, здесь, в столице, учишься?

– Нет, работаю на заводе...

Они пригнулись, увернувшись еще от одной мощнейшей струи.

– Где вы, ага, остановились?

– В гостинице. Вот она, рядом.

– Пойдемте, провожу...

Они стали выбираться из толпы, всё время уворачиваясь от ледяных струй.

– Тебя как зовут, сынок?

– Махамбет. Ага, быстрее, можете простыть, надо быстрее идти в тепло...

Они пошли быстрым шагом. Махамбет все время отряхивал Насыра от льда, которым покрывалось его насквозь промокшее пальто.

– Не возвращайся на площадь, парень. Иди-ка лучше в свое общежитие...

– Чего мне бояться, ага? Я против правительства ничего, в общем-то, не имею

– Это всё у вас организовано или как?

– Нет, совершенно стихийно. Союз сердец, так сказать, совпадение. Порыв. Организовываются лишь воры да прочее хулиганье...

– Это вы против того, что на место Кунаева назначили русского?

– Лично мне всё равно, кто будет: казах или русский. Лишь бы не преступник был, а человек. Казахстан уже до ручки довели. Про Синеморье не буду говорить – знаете сами. В таком же положении Иртыш и Балхаш. А сколько принесла людям горя джамбульская химия? А гурьевская нефть? Вы знаете, какая детская смертность в Джамбуле и Гурьеве? А чего стоит семипалатинский полигон? Такое ощущение, что казахов решили просто уничтожить. Люди на Синеморье мрут от скоротечного рака, скотина перестала давать потомство... Сколько же это можно терпеть? Сколько же можно издеваться над народом?

«Сарсенгали, – знаю я его, – тихий, незлобивый человек, – подумал Насыр. – А сын выдался вон какой: умный, горячий. И чего он уехал от нас?»

– Приезжай домой, Махамбет. Чего ты забыл в этой Алма Ате?

– Какая у нас там работа на разъезде, ага? Не стал я у отца хлеб отбирать – подался в город за работой. Разбежался потихоньку наш край – кто куда...

– Эх, парень, из одних вопросов ты состоишь, – невесело пошутил Насыр. Зубы его мелко стучали от холода.

– Не спорю. Молодежь теперь как на помойке живет. Со всех сторон несет проблемами, которые сваливали в кучу семьдесят лет подряд: засмердели, червяками пошли они...

Насыр не нашел что ответить.

Махамбет продолжал:

– Целый год после Афганистана я провалялся в ташкентском госпитале. Времени для размышлений было предостаточно. Афганский кошмар я не забуду теперь уж никогда. Кем были мы там? Пушечным мясом. Афган открыл мне глаза на многое. Там были пушечным мясом – а здесь мы кто? Никто в своей стране сейчас не чувствует себя человеком – все себя чувствуют скотами, все оплеваны с ног до головы. Ну почему это так, ага?..

Снова Насыр не нашел что ответить.

– Глубокая обида сидит в каждом человеке. Взять сегодняшний митинг. Казахи протестуют против национального неравенства, которого и без того было предостаточно, а теперь будет еще больше с приходом назначенного русского... Я всё думаю – когда это началось? Говорят, началось со Сталина. Ну, хорошо, Сталина давно нет – давным давно настало время развиваться социализму по человечески. Так давайте развиваться – что нам мешает? Этого не хочет руководство Казахстана – оно не понимает казахов, оно идет на поводу у московской политики, так я это понимаю! Труссы! Все они держатся за свои теплые местечки, твердят – «национализм», а на нужды собственного народа им наплевать. Ребята вышли сегодня

на площадь, чтобы бросить этим изменникам: «Труссы! Предатели!» Хорошо, сегодняшнюю демонстрацию они разгонят – но проблема-то не будет решена. Мы выйдем завтра, выйдем послезавтра, что будет? И кому это надо?

Махамбет открыл входную дверь гостиницы и стал прощаться:

– Пойду я, ага, меня ребята, наверно, заждались... Будете на седьмом разъезде – загляните к отцу, передайте привет, расскажите всё, что видели.

– Спасибо тебе, сынок! Хороший ты джигит, хорошие с тобой ребята: гордые правдивые, смелые! Буду молиться за вас – Аллах поможет вам обязательно...

– Ну ну, – улыбнулся Махамбет, – если еще и Аллах встанет в наши ряды – значит, дело в шляпе.

И он исчез. Старик поднялся в номер, он продрог насквозь. Какая разница между тем, что происходит в Ольстере и здесь, в Алма Ате? Этого Насыр не мог понять.

«Куда мы идем? Куда катимся?»

Он снял пальто, повесил на спинку стула, а стул придвинул к радиатору парового отопления. По его расчетам, пальто к завтрашнему вечеру должно было высохнуть. «Всего лишь одна короткая команда, – возмущенно думал Насыр, – и эти молодчики с железными прутьями в руках бросятся на небооруженных ребят». Насыр не знал еще того, что приказ на изготовление этих прутьев отдали сами же партийные работники – за день два до этих событий. Насыр этого не знал и наивно полагал: руководители не могут допустить побоища. И вдруг похолодел: а вдруг случится такое? И снова стал себя успокаивать: такого не может быть.

Ведь им жить со своим народом, со своей молодежью на одной земле – им выходить на трибуны в праздничные дни, им приветливо махать демонстрантам, ласково улыбаться детям...

Старик разделся и лег в постель. Ему приснился сон. Озверелые молодчики с прутьями бросились на студентов: раздались стоны, крики, хлынула кровь. Та юная девушка, почти подросток, которая резко бросила: «А вы не пейте и не курите сейчас!» – упала тоже – из широкой раны на лбу хлестала кровь. Она попыталась подняться, но получила пинок в лицо кирзовым сапогом – и снова упала. Всё сомкнулось над ней: ее стали топтать кирзовые сапоги. К ней бросилась пожилая женщина с причитаниями: «Что же вы делаете с ребенком? Проклинаю вас!» Но ее тоже сбили...

Насыр, проснувшись, вскочил в постели. В ушах звенел пронзительный голос женщины. В номере было сумеречно, за окном уже светало. Тревога снова поселилась в душе старика: к чему был этот страшный сон? Не в руку ли?

Он поспешил к окну. К площади по прежнему стекались люди. Теперь все шли в одном потоке: милиционеры, студенты, солдаты, дружинники. Старый рыбак успокоился, у него отлегло от сердца. «Если все идут вместе – значит, всё в порядке...»

Что ж, так вполне мог подумать всякий человек со стороны, который не знал лишь одного, а именно: что руководители республики, собравшись на совещание этой поздней ночью, вынесли решение: если к утру молодежь не освободит площадь – вытеснить ее силой.

Тем временем Насыр совершил омовение, расстелил полотенце на прикроватном коврикe и принялся за молитву. Молился он долго, обстоятельно, а завершил так: «*Бисмиллахи рахмани иррахим! Иа раббим – всемогущий создатель! Веруем*

в твое могущество и молим тебя о милосердии! Направь нас на путь истинный, Аллах, – на путь верный и беспорочный, направь наши помыслы к делам праведным, избавь нас от греха и соблазнов!»

Он не торопился подняться с колен.

Молясь на берегу моря, частенько видел он над водой легкое, полупрозрачное облако, формой напоминавшее человеческую фигуру. Насыр полагал – это сам создатель дает о себе знать. Сердце старого рыбака в такие минуты наполнялось тихой радостью, благоговением, в мыслях наступала ясность, а в душе успокоение. От затылка до самых пяток разливалось по его телу блаженство. Создатель являлся перед ним будто для того, чтобы дать понять Насыру: принимаю твою молитву, молись без усталости, будь верен мне, раб божий, – а я тебя не оставлю. Если ты испытываешь в минуты молитвы блаженство – не останешься одиноким. Душа твоя попадет в рай, Насыр! Душа всякого, кто верно молится мне, попадет в рай.

Никогда Насыру не удавалось различить облик создателя, но голос его в такие минуты он слышал всегда: мягкий, бархатный, успокаивающий.

Вот и сейчас захотелось ему, чтобы это облако возникло перед его глазами. Но возник лишь голос. И голос этот сказал Насыру.

«Сын божий, не поддавайся соблазну дьявола! Остерегайся дьявола, который предстанет перед тобой в облике человеком. Люби ближнего, не делай ему зла. Знай: даже в помыслах держать зло – грех. Не старайся превзойти других силой или богатством. Это принесет тебе разочарование. Направь свои желания, сын мой, на путь истины. Только так и ты, и люди вокруг тебя, только так все вы избежите несчастий...»

Но и голосу Его был благодарен Насыр. Здесь, в суетливой, тревожной столице, он не надеялся даже на это. А вот, поди ж ты, случилось! «Иа, раббим, иа, раббим, преклоняюсь перед твоим всемогуществом, Аллаху акпар!..»

После обеда пришли Болат и Хорст. Все, не сговариваясь, устремились к окну. Насыр ахнул: дружинники били по головам студентов и девушек, догоняли их, разбегавшихся, и с помощью солдат, милиции запихивали в машины. Много студентов лежало на холодном асфальте: ничком или скрючившись, пытались встать, отползти...

– Зверство-то какое, срам, срам! – воскликнул Хорст.

– Решили взять силой, – Болат был бледен.

– Никогда еще такого не видел! – снова воскликнул Хорст.

Насыр был потрясен:

– Как же они завтра посмотрят в глаза своему народу? Сегодня они свой народ избивают, а завтра влезут на трибуны и опять будут ему улыбаться?

Вдруг он смолк, пораженный одной мыслью: такому народу никогда и ни за что не спасти своего моря! Как он этого не мог понять раньше? В этом народе нет силы разума, а есть дикое, неуправляемое буйство – это не народ, внемлющий Богу, это стадо людей. От него давно отвернулся Бог... Бог... Бог...

Темнота вдруг упала на глаза Насыру, в ушах зазвенело – сердце мощными ритмическими толчками всей кровью ударило Насыру в голову. Он покачнулся. Хорст успел подхватить его, падающего, подтащил к кровати.

– Воды! Быстрее воды!

Болат бросился в ванную.

– В глазах что-то потемнело... – Насыр еле ворочал языком.

Хорст протянул ему стакан с водой, Насыр сделал несколько глотков.

– А теперь под язык положи вот эту таблетку. – Хорст чуть ли не силой вложил

Насыру в рот таблетку валидола.

– Это давление подскочило, знаю. Сейчас должно пройти... Эх, Хорст, старость

пришла – ничего уж тут не поделаешь.

– Еще бы. Семьдесят лет – не шутка.

– Море меня торопит... С собою... хочет забрать... Если б жило оно – я бы

тоже до ста лет дотянул... А так нет... Чувствую – зовет... В один день мы умрем.

Такие вот дела.

Насыру действительно скоро стало лучше. Тут зазвонил телефон. Звонили из диспетчерской таксопарка: машина будет через десять минут. Насыр надел непромокаемое пальто, на улице его сразу же стало знобить.

Хорст участливо предложил:

– Сейчас заедем ко мне, возьмешь мое пальто...

– Боюсь, не получится, Хорст, опоздаем на поезд. Да ты не волнуйся: в вагоне-то тепло. Там оно и подсохнет.

– К чему мороз такой, я всё думаю. Теперь понял: к крови... Говорят, в сорок первом стояли лютые морозы, – заметил Болат.

– Это я помню. – Насыр оживился. – Морозы были лютые, точно! А сколько немцев померзло...

На них стали посматривать подозрительно милиционеры и солдаты, которых здесь, у входа в гостиницу, было много.

К ним подошел сержант:

– Почему тут стоим, товарищи?

– Ищем, – коротко ответил Насыр.

– «Ищем» чего? – он вопросительно посмотрел на старика.

– Ты слышал когда-нибудь о Синеморье? Мы потеряли его, а теперь ищем...

– Оно что, высохло? – удивился сержант.

– Ты прав, оно иссохло. Выплакало все слезы от людского бесстыдства и усохло...

Сержант неопределенно хмыкнул и отошел. Подъехало заказанное такси. Болат и Хорст, вежливо опередив Насыра, стали складывать в багажник сумки с гостинцами. К ним подскочил дружинник и стал тыкать железным прутом в вещи:

– Что здесь?

– Тебе что, делать больше нечего? – вспыхнул Насыр.

– Может, и нечего, – сказал парень угрожающе.

– Ты бы, джигит, повежливее с аксакалом, – пристыдил его Хорст. – Он тебе, между прочим, в отцы годится!

– Если в отцы – пусть отвечает толком!

– Ты что – следователь? – не выдержал Болат. – Какое тебе дело до чужих вещей?

– Сегодня мы все следователи! – Парень недобро посмотрел на Болата.

– Ладно, не задерживай людей... – К ним подошел знакомый сержант.

Насыр гневно оглядел дружинника:

– Постыдился бы, джигит! Чего вы избиваете эту молодежь? Они что – звери, чтобы их бить этими железными штуками? Подумай: ты ведь убьешь насмерть человека, если ударишь этой штукой. Как ты потом в глаза его матери посмотришь?

Дружинник не успел ответить, его окликнули:

– Ваня, бегом сюда! Нас вызывают!

Убегая, он торопливо бросил:

– Некогда вами заниматься, вы бы у меня поплясали!..

– Ну чем это не фашист! – воскликнул Хорст, глядя вслед убегающему дюжему молодцу.

– Давайте все в машину! – взмолился таксист. – Поехали от греха подальше.

В это время из за угла выбежали две окровавленные девушки. Дружинники насторожились. Вслед за девушками показалась толпа ребят – они убегали от милиционеров. Но теперь они были в западне: сзади милиционеры, впереди дружинники, которые мгновенно рассыпались в цепочку. Студенты сгрудились в кучу.

– Убьют ребят! – рванулся из машины Насыр.

– Не выходить никому! – приказал таксист.

Дружинник ударил прутом одну из девушек по голове. Та рухнула как подкошенная – брызнула на асфальт кровь. Тем временем другие дружинники подступили к ребятам и стали избивать их теми же прутьями. Они уложили студентов мгновенно, вокруг все было забрызгано кровью. Потом стали подтаскивать их к машинам и забрасывать туда как дрова.

Болат выскочил из такси и бросился наперерез. Высокий дружинник с размаху ударил его в челюсть. Болат упал. Хорст и Насыр рванулись к Болату. Пока они поднимали его и оттаскивали в сторону, им тоже попало от дружинников. К ним подошел знакомый сержант, взял обоих стариков под руки и подвел к такси.

– Опоздаете на поезд, – сказал он устало. – Езжайте...

Болата потащили к автобусу.

– Куда их повезут? – спросил Насыр.

– В отделение, – ответил таксист.

– Мы не можем его оставить! – Хорст с надеждой посмотрел на Насыра.

– Он жив?

– Был жив. А дальше... – Таксист пожал плечами.

– Ты знаешь, где это отделение?

– Я-то знаю, но не советую туда ехать... У вас кровь на голове, ага...

Насыр провел ладонью по лбу. Рука его была в крови.

– Нет, парень, ты все-таки свези нас в отделение... – Насыр посмотрел на Хорста. – Ты как – жив?

– Жив вроде. Да выбили последние зубы: всего-то их было у меня четыре...

– Была бы голова цела – а зубы новые вставишь, – пошутил Насыр.

– Ну и герои вы у меня, аксакалы! – Таксист тоже повеселел.

– Будешь героем тут! – ответил Насыр. – Сколько раз нам с тобой, Хорст, приходилось умирать и снова воскресать.

– Длинная была жизнь – уж и не вспомнить... Только не хотел бы я помереть собачьей смертью: эти же все сосунки нам в сыновья годятся...

Насыр сокрушенно покачал головой.

Перед отделением было полно машин. Студентов выгружали, гнали к дверям милиции.

– Вон он, парень ваш! – таксист показал на крайний автобус.

– Болат! – крикнул Насыр.

Болат стал поворачиваться всем корпусом. Его подтолкнул милиционер, и в первый раз обернуться ему не удалось. Но через несколько шагов он все-таки оглянулся на зов Насыра. Насыр всплеснул руками: живого места не было на окровавленном лице их молодого друга!

Хорст распорядился:

– Насыр, ты поезжай на вокзал. Болата я сам вызволю – есть у меня тут несколько знакомых людей.

Мимо милиционеры провели человека, черты лица которого и Насыру, и Хорсту показались знакомыми.

– Это же... – опешил таксист и назвал фамилию народного артиста СССР, всемирно известного режиссера.

– Милый! – обратился к нему Насыр. – Слава Богу, что ты жив. Куда же они тебя-то ведут?

– Видимо, в ЦК, – ответил режиссер, пытаясь улыбнуться в кровь разбитыми губами. – А вы уходите прочь отсюда, аксакал. Они и вас втянут в эту кутерьму.

Тронулись на вокзал. Таксист перетащил вещи Насыра в вагон. Добрые люди уступили рыбаку нижнюю полку.

– Присмотрите за дедом, – шепнул им таксист. – Он прихварывает. Сами-то куда?

– В Москву мы, – ответил высокий усатый парень. – Старика в беде не оставим, не бойся...

Насыр сел к окну и вскоре задремал – еще до отхода поезда. Усач разбудил его, тронув за плечо:

– Дедушка, а пальто у вас мокрое, как я погляжу. Раздевайтесь, тут и плечики есть.

Насыр снял пальто, парень ловко навесил его на металлические плечики. Насыр в туалете у зеркала смыл со лба кровь. Рану щипало. Насыр внимательно разглядел на виске глубокий багровый подтек. В отсутствие Насыра общительные соседи разложили на столе еду. Насыр тоже принял участие: выставил отварную курицу, открыл соленья. Всё это положила ему в дорогу добрая Ирина Михайловна. Усатого звали Василием. Тут же он сходил к проводнику за йодом и принялся смазывать висок Насыра. Другого попутчика звали Николаем.

Когда рана Насыра была обработана, Николай полез в сумку:

– Сейчас будем лечиться!

Он достал большую бутылку, разлил в три стакана.

– Это спирт, – пояснил Василий. – Одолеете?

– Спроси фронтовика! – хмыкнул Николай. – Наверно, он этого спирта попил на войне дай боже – верно, дед?

– Врать не буду: так оно и было. Но пока воздержусь.

– Неволить не будем.

Василий понимающе развел руками, и Насыр, однако, подумал и сказал:

– Да, ребята, много я пережил в эти два дня... Еще и простудился вдобавок...

– Он махнул рукой. – Давай стакан!

– Это правильно, дед! И простуду как рукой снимет утром – хоть женись!

Спирт на какое-то мгновение всё связал во рту у Насыра, но скоро по телу пошло тепло. Николай тоже выпил, закусил.

- Ну, дед, теперь рассказывай, что у вас тут заварилось. Говорят, русских бьют.
- Бьют всех – почему русских?
- Люди на вокзале говорили...
- Это сплетни, а я всё видел своими глазами.
- Вот и расскажи нам, что видел.

Он неторопливо, обстоятельно рассказал, что пришлось ему увидеть в эти два дня. Рассказал о том, почему его занесло в Алма Ату, рассказал о Болате профессоре Славикове, потом о событиях на площади. Собеседники слушали Насыра молча.

Ночью Насыр испуганно вскрикнул и проснулся. Ему приснилась та самая девушка: кровь фонтаном хлестала из ее головы. О небо!

Он был весь в поту, хотелось пить. Приподнялся, налил в стакан воды. Николай не спал.

- Ты чего испугался, дед?
- Приснилась та девушка... о которой рассказывал... бедняжка...
- Эх, дед, то ли еще будет... Согласен с тобой: кажется, бог отвернулся от людей совсем. Вот ты рассказываешь, море погубили, реки губят... – Николай помолчал, собираясь с мыслями. Потом махнул рукой. – Спирту выпьешь, дед?

Насыр отрицательно мотнул головой.

Николай налил себе и выпил.

- Ты закусывай, – посоветовал ему Насыр. – Тогда оно лучше пойдет...
- Есть одна бесовская сила, которая может справиться с русским человеком. Это водка. Только она может его одолеть. Да так одолеть: отца родного и мать продаст за водку. Это от русских пошло по всей нашей «Римской империи»: беспробудно пить и взятки брать. Если казахи не одумаются – они тоже сопьются. Говорю тебе авторитетно – это всё я понял из самой жизни. А я ее вижу иногда. Не всё же время я сижу...

– Где сидишь? – не понял Насыр.

– На зоне, где же еще? Сроку я отсидел в общей сложности двадцать два года. Думаешь, жалею? Не очень... Вот освободились сейчас – спасибо Горбачеву, амнистию дал...

– Оба сидели?

– Васька всего три года, семечки... За воровство, хотя ничего не крал. А теперь вышел – одна, говорит, мне дорога: воровать! Его, значит, авансом посадили...

– Разве могут посадить, если он ничего не украл?

Николай присвистнул:

– Да, дед! Ты хоть и мудрый старикан, а наивный, как ребенок. В восемнадцать лет, согласно выводам следствия, я отправил на тот свет человека. Всё бы хорошо, да маленькая загвоздочка: этого человека я никогда в глаза не видел...

– Что ты такое говоришь? – ужаснулся Насыр.

– У нас такое часто случается. Дали восемь лет. Вышел я оттуда натуральным головорезом. Сделали там меня таким... Скажи, аксакал, – вдруг спросил он, – ты в перестройку веришь?

– Я? – кисло переспросил Насыр. – Не очень.

– То-то и оно. Я вот тебе скажу про зону. Там перестройкой и не пахнет. Там надо менять, к чертовой матери, всё! Всё на корню! А сейчас на зоне пуще прежнего бросились скрывать свой бардак, пытаются болезнь еще глубже загнать...

Э, да о чем я говорю? В обществе ведь то же самое – все наполовину, полугласность, полуправда... Такое ощущение, что не осталось уже людей, которые бы сказали всю – понимаешь, всю! – правду... Был один такой, давно оказался не нужен: Солженицын. Знаешь ты такого писателя? Нет, ты, конечно, не знаешь. Считай, это нынешний Толстой. Мне политики рассказывали – ни в чем он в своем «ГУЛАГе» не погрешил против правды. Посмотришь на русский, народ – вроде бы не обидел его бог талантами. Но такого человека, который бы повел сейчас вперед заблудившихся людей, – нету! Все сидят, прости меня, в заднице – и рабочие, и интеллигенты, и те же писатели. Вот партия все похвалится – выведем страну из застоя! Брежуны! Это они очищаются так – привели к застою, теперь будут выводить якобы. Ну а мы все за ней – сначала в застой, теперь из застоя: колеблемся вместе с партией, как и положено... Знаешь, аксакал, не тянет меня, если честно, на свободу. Погуляю маненько – и опять на нары угожу. Такая, видать, у меня судьба. Мне сегодня сорок стукнуло. Но справедливости еще не видел. А душа болит, дед, за все болит: и за море твое, и за речки, и за молодежь – за казахскую, за русскую, за китайскую – за всякую... Ладно, пойду, покурю. А ты, дед, давай – спи спокойно да забудь мой бред... Это спирт меня повез...

Насыр прикрыл глаза. Еще один несчастный был перед ним – с исковерканной жизнью, с поломанной судьбой. Он говорит: таких невинных там – не сотни, а тысячи и тысячи... Что же сделали мы со своими людьми за семьдесят лет? За что мы их так? А впрочем, спрашивал уже, нет ответа...

В Джамбуле поздним утром поезд остановился на десять минут. Николай послал Василия за газетами. Просмотрел «Правду» и протянул Насыру:

– «Честное слово», свежая. Что-то не сходятся твои рассказы с заметкой.

– На то она и «Честное слово», – язвительно заметил Василий. Взял газету у Насыра, стал читать: – *«Вчера вечером и сегодня днем в Алма Ате группа учащейся молодежи, подстрекаемая националистическими элементами, вышла на улицы, высказывая неодобрение решениям состоявшегося на днях пленума ЦК Компартии Казахстана...»* Так, ясно, всего лишь группа – это человек десять – пятнадцать, успокаивает нас газета... А вот дальше в лучших, как говорится, традициях советской прессы: «Прошедшие собрания на заводах, фабриках, в вузах, в других трудовых коллективах...» а также во всех аулах и кишлаках, по всей земле казахстанской, туркменской, по всем городам и весям Советского Союза и в целом земного шара, а также на Луне и даже во всей Вселенной... в общем, «осудили, высказались за принятие решительных мер к хулиганам», Так-то вот, аксакал.

– Не приведет к добру такая ложь, – вздохнул Насыр.

– Начнутся аресты. На зоне только стоит узнать, что казахи истребляют русских в Казахстане, начнется побоище казахов. А в целом сто шестьдесят миллионов русских благодаря этой газете будут теперь считать восемь миллионов казахов своими злейшими врагами. Ни слова здесь не сказано о том, как солдаты, милиционеры и дружинники избивали безоружных людей саперными лопатками, стальными прутьями, гоняли собаками. Кто поверит твоему слову, аксакал? Ни один еще народ не восставал против партии и правительства. Теперь власти начнут безжалостно мстить вам – чтобы другим не было повадно. Это позор! Это второй проигрыш перестройки. Первый – с водкой. Уже тогда началось недоверие людей к партии. Теперь люди вовсе веру потеряют... А без людей какая может быть перестройка? Ложь, ложь! – Николай смолк. – Единственный русский

человек, которого я уважаю, – это Савва Морозов. Теперь я понимаю, почему он застрелился. Другого пути в России нет...

Николай молча откинулся и начал листать газеты. За те две минуты, что поезд стоял на станции Барлыктам, Николай с Василием помогли Насыру снести его вещи. Стали прощаться.

– Джигиты, если там у вас в России не сладится, – давайте ко мне на Синеморье! Дорогу теперь вы знаете. Прямоком отсюда на север – Караой, километров пятнадцать, не больше. А если на машине – это немного в объезд, километров сорок всего. Так что не стесняйтесь – буду рад всегда. А пока прощайте...

Подводы на Караой не оказалось. Насыр заночевал у знакомого железнодорожника. Помня наказ Махамбета, решил заехать по пути на седьмой разъезд к Сарсенгали. Оттуда можно было добраться до Караоя на верблюде. После обеда этот знакомый железнодорожник посадил Насыра к машинисту товарняка, и вскоре Насыр был у Сарсенгали. Тот как раз впрягал верблюда в арбу.

– Не обо мне ли ты хлопочешь? – справился Насыр, когда они обменялись приветствиями.

– Ну, как не о тебе? – улыбнулся Сарсенгали. От него Насыр узнал, что прошлой ночью Камбар скончался. Из Шумгена послали к Сарсенгали человека: некому обрядить покойника, Насыр, мол, в отъезде. – Вот удивятся, когда увидят, что посылали за мной, а приехал сам Насыр мулла!

– Нет уж, раз послали – значит, будешь обрядить. Да ты ведь тоже знал Камбара, так что не отказывайся, неудобно... – Он вздохнул. – Жалко, не довелось мне повидать Камбара перед смертью. Хороший был человек. Бог не торопится дерьмо забирать к себе на небо, а с хорошими людьми не медлит... На то она и воля твоя, о Аллах! – Насыр провел ладонями по лицу.

Жена Сарсенгали, добрая Меиз, сидела безмолвно – не вмешивалась в разговор мужчин, лишь время от времени подливала им чай.

Насыр обратился к ней:

– Келин, дорогая, не до разговоров сейчас о житье бытье. В недобрый час увиделись мы... Дети здоровы?

– Старший у нас в Алма Ате, а младший служит в Афганистане. Бог даст, осенью вернется. А это наша невестка с сынишкой... – Приветливая Меиз улыбнулась Насыру.

Насыр погладил мальчишку по голове, потом развязал один из мешков и выложил на стол гостинцы. Малыш обрадованно потянулся к угощениям. Насыру хотелось рассказать об Алма Ате, о Махамбете, о кровопролитии, но в последнюю минуту он сдержался, не желая расстраивать родителей.

Камбара хоронили на следующий день всем Шумгеном и Караоем. В тот же день с далекого русского острова вернулся Есен, привез Нурдаулета. Узнав, что в ауле похороны, Нурдаулет, по старому обычаю, въезжал в аул стенамя и плача. Сильный Есен легко держал в руках обрубок тела, который теперь звался Нурдаулетом. Все, рыдая и плача больше Нурдаулета, бросились к подводе.

Привели и Кызбалу, стали нарочно громко восклицать: «Нурдаулет! Нурдаулет!» – но не пробудилось ее сознание, она ничего не воспринимала. Измученный жизнью Нурдаулет, когда его спустили с рук, напрасно заглядывал ей в лицо глазами, полными слез и надежды, мольбы и счастья. Не узнала его бывшая красавица жена.

К возвращению Насыра установился крепкий лед. Наступило время для голодных волков с острова Барса Келмес. Они ринулись в пески, в поисках живности. Но другие были теперь пески, другие настали времена. Волки могли теперь питаться только барсуками. Дело в том, что джейраны и куланы (бывшие раньше легкой их добычей), оставшись без пресной воды, скоро привыкли к соленой. Но потомство их по этой причине стало резко редеть. Куланы и джейраны теперь рождали на свет детенышей только мужского пола. Повзрослев, они не больно-то шли в пасть к хищнику, – трудно было их догонять наголодавшимися на островах Барса Келмеса волкам.

Да и хозяева здешних песков – стаи одичавших собак – встречали их недобро. Дикие собаки держались смело, дерзко. И было от чего. За последние несколько лет стаи их окрепли – скрещиваясь с местными волками, вырастили крепкое потомство. Этой зимой стаю вел по пескам матерый волк Белолобый.

Недалеко от Караоя они столкнулись лоб в лоб с дикими собаками. Не раздумывая, стаи бросились друг на друга. Собак было больше, это сразу оценил Белолобый. И потому он стал заходить сбоку собачьей стаи; растерзал несколько собак одну за другой. Его стали окружать. Белолобый понял: надо уходить, отбиваться на бегу. Он побежал в сторону, увлекая стаю. Инстинкт самосохранения сработал безошибочно: остальные волки потянулись за ним.

Вскоре над ними завис вертолет. Вертолетчик обернулся к охотникам:

– Как я понимаю, пришлые волки бьются с местными собаками...

– Снижайся, – сказал один из охотников. – Ребята, стреляем только в волков.

Между тем большой кишачий клубок взвизгивающих собак и волков совсем приблизился к Караю, пролетел мимо людей, возвращавшихся с похорон Камбара. Волки отбивались. О нападении теперь не могло быть и речи, и это прекрасно понимал вожак Белолобый. Ему важно было оторвать стаю от собак, лишь тогда они спасутся. Между тем не отставала от них и железная птица. Несколько отстрелянных волков уже осталось лежать на снегу. Собаки прекратили погоню, словно зная – теперь волки на прицеле у железной птицы, а это – верная смерть. Стая исчезла в дюнах. И тогда Белолобый решился. Это был, конечно, риск для его жизни, но таким финтом он мог сбить погоню и спасти стаю. Он повернул в аул. Несколько пуль ударило совсем рядом с ним. Но дело было сделано – вертолет не стал преследовать стаю.

– Стрелки они, конечно, меткие, – заметил Муса, – но безжалостные...

– Не отпускать вожака, – приказал между тем один из охотников в вертолете.

– Он в аул забежал! – крикнул испуганно пилот. – Людей не заденьте!

Мужчины при виде волка шарахнулись в сторону. Муса, однако, всех успокоил:

– Сейчас он никого не тронет. Сейчас он просит у нас защиты...

Мужчины окружили Белолобого – тот каким-то чутьем понял, что стальная птица ему теперь не страшна.

– Ну-ка давай ко мне в сарай, – предложил Муса, открыв дверцу и делая галантный жест. – Давай, не стесняйся, волчище...

Вертолет завис прямо над головами людей.

– Чего им еще надо? – мрачно проговорил Муса. – Не дам я им Белолобого...

Белолобый в сарай не шел: стоял под навесом, лизал раненую ногу. Вертолет пролетел совсем низко.

– Да ведь он крышу снесет! – выскочила из дому Жаныл; она погрозила кулаком вслед вертолету. – Что вы делаете?

– Принеси мне ружье, – мрачно приказал Муса жене. Волк, увидев в руках человека ружье, наострил уши, следя за каждым его движением.

– Муса сам его пристрелит, – проговорил пилот. – Он-то не промахнется, будьте спокойны.

– Может, спустимся ниже?

Муса дважды дал предупредительный выстрел.

– Скорее он в нас целится, чем в волка, – озадачился пилот. – Ладно! Не будем ссориться с этим чокнутым... – И вертолет стал набирать высоту.

Насыр кивнул:

– Смотри, как подобрался весь; шерсть дыбом, глаза горят...

Он невольно залюбовался хищником. И неожиданно вспомнил попутчика Николая. Что-то волчье было в Николае тогда – настороженное, словно он собирался вот вот прыгнуть на человека. «Среди людей бывают волки», – подумал Насыр и неожиданно проговорил вслух:

– А иногда и волки бывают похожи на людей, как сейчас этот Белолобый...

Муса согласно кивнул:

– Пойдемте в дом, аксакалы. Он боится нас, боится моего ружья.

Все последовали за Мусой. Белолобый, оставшись один, вышел из под навеса. Он был свободен. Побежал к дюнам, потом замедлил ход, остановился, сел и стал выть. И лишь потом неторопливо затрусил дальше и вскоре окончательно исчез в песках.

Муса с крыльца смотрел на зверя. Потом пробормотал, смахивая слезу:

– Эх, волки, волки... И вам життя не стало здесь, вместе с нами...

XII

Прибыв в гостиницу, Кахарман привел себя в порядок и сел звонить Славиковым. Трубку подняла Наташа. Кахарман узнал: Матвей Пантелеевич уже давно слег, всё это время находился в больнице, и вот как раз сегодня Игорь поехал забирать его домой.

– Конечно, мы ждем тебя в гости, – тепло сказала Наташа. – Сможешь сегодня вечером?

– Обязательно буду!

Потом дозвонился до старого своего знакомого из Госплана Егора Ушакова. Договорились встретиться у него в кабинете после обеда.

Кахарман тем временем решил не спеша пройтись по улице Горького. Но другое теперь было у него отношение к московской толчее – не то дружественное, в чем-то даже восторженное. Очереди теперь ему показались длиннее, мрачнее выглядели люди в них. Ходили слухи, что золото будет дорожать, и людей это обстоятельство подхлестывало, торопило. Никогда не понимал Кахарман тяги к «желтому дьяволу». Давно, еще в молодости, он подарил Айтуган на день рождения перстенок – больше он золота не покупал никогда. Айтуган, к счастью, тоже оказалась равнодушной не только к золоту, но и к роскоши вообще. То, что они зарабатывали, практически тут же и тратилось: на детей, на одежду, на продукты, сберкнижки у них не было никогда.

Впрочем, женщины на побережье не чурались серебряных серег, браслетов, колец. Издавна на побережье местные зергеры славились своим ремеслом. Каждая вещь, которую они изготавливали, была, по сути, произведением искусства.

Древние зергеры, жившие в городах, через которые пролегал знаменитый Шелковый путь, украшали свои изделия неповторимым орнаментом, необычными красками. Но с тех самых пор, как стали люди покидать море, сошли на нет и зергеры в их краях. Один Муса еще что-то мог, когда был молод, когда жилось у моря сытно и радостно. К старости и он забросил ювелирное дело. Да и то сказать: притупился его зоркий глаз с годами, не те стали пальцы! Вот Бериш время от времени режет на камне, только вряд ли это талант, скорее детское увлечение. Талант – что-то вроде наваждения, вроде болезни. Тут нужен необычный ум, а откуда он берется, этот самый необычный ум, знает только Бог. И хоть остались до сегодняшнего дня вещи, сотворенные руками зергеров Синеморья, но многие их имена уже забыты. Лишь одно имя в этих краях не меркнет вот уже много лет – имя знаменитого мастера Исламгайыпа.

Исламгайып умер в тот год, когда родился Кахарман. Будучи уже зрелым мастером, он несколько лет ездил в Стамбул и Багдад, Мекку и Медину – вместе с туркестанскими кажи, которые отправлялись туда за новыми знаниями. Три года он прожил в Мекке, обласканный Кунанбаем. Занимаясь в Мекке ювелирным делом, Исламгайып старательно вникал в тонкости арабского орнамента; делился, в свою очередь, с мастерами Мекки секретами кипчакского узора. Приглянулась ему дочь уважаемого мастера Алид дина Зухра. Была Зухра большой мастерицей ткать ковры, плести алаша паласы. Они поженились, и вернулся вскоре Исламгайып на родину с молодой женой, которую приняли на побережье с благосклонностью. Не пришлось увидеть Кахарману великого мастера, но в детские годы не раз с интересом всматривался в тонкую, замысловатую вязь серебряного материнского ожерелья. Ожерелье это Исламгайып подарил Корлан в день их свадьбы с Насыром. Было оно сотворено мастером на закате жизни – в пору, когда дают о себе знать болезни и немощь. Но каждая деталь узора, каждая завитушка, каждое хитроумное сплетение были неповторимы и изысканны. Нет, не слабела рука Исламгайыпа даже в глубокой старости...

Перед редакцией «Московских новостей» было оживленно. Здесь шла бойкая торговля газетами, книгами. В толчее – то там, то здесь – вспыхивали споры, а то и просто перебранки. Кахарман слышал про эти самые газеты, но читать их раньше не приходилось. Он закупил их с дюжину, сунул в портфель. До встречи с Ушаковым еще оставалось время. Он вернулся в гостиницу, выложил всё это на стол; закурил, подошел к окну. Год от году Москва становилась всё грязнее, с каждым приездом ему всё тяжелее было смотреть на столичные улицы – бесхозные будто бы, полные мусора, вечно перерытые...

Ушаков приветствовал Кахармана дружеским объятием.

– Егор, мне больше не к кому идти, пойми меня по человечески. Тяжело там рыбакам...

– Ладно, оставляй свои бумаги, чего-нибудь придумаем... – Он посмотрел в них. – Гм... Список-то какой! Скажешь спасибо, если получишь хотя бы половину из того, что просишь.

– Как получится. Рад буду и этому...

– Я постараюсь...

– Уж не подведи.

– На вечер у тебя какие планы? Давай ко мне! Я холостяк – Марина в командировке. Слегка гульнем?

– Лучше в пятницу. Сегодня я иду к Славиковым.

– Говорят, старик безнадежен – рак...

– Ты это серьезно? Черт бы всё побрал! Один был человек в Москве, на которого можно положиться, – и вот что...

– А может, просто слухи. Узнаешь всё сегодня сам... – Ушаков перешел на другое: – Скажи мне лучше вот что: правда, что на Зайсане обнаружили нефть? Мне приятель звонил. А вычитал это он в министерских сводках... Ну, начнется теперь грабеж! Осталось теперь еще испоганить и Алтай, последний чистый клочок земли в Казахии! Кахарман, поднимай свой народ – нельзя там бурить! Ни казахам, ни Союзу – никому не пойдет эта нефть во благо!

– Ну а вы здесь что думаете?

– Да разве в Госплане кто-нибудь о чем-нибудь думает? Нашим важным дядям, увы, не до этого...

«Нефть... на Зайсане... надо же...» – Кахарман вышел из министерского подъезда в растерянности. До вечера было еще далеко. Поднялся по улице Герцена, зашел в Зоологический музей. У стенда с рыбками остановился, долго присматривался. Вспомнилась молодость: любили они с Игорем бывать здесь. В соседнем зале толпились люди – у выставки раковин, подаренных музею австралийкой Хотовицкой. Его глазам открылась целая галерея причудливых изваяний. Ни в одной раковине природа не повторяла себя: ни в цвете, ни в форме, но в каждой был определенный замысел, а в целом это была застывшая симфония – многогранная, величественная.

Дверь Кахарману открыл Игорь. Они обнялись, изучающе оглядели друг друга.

– Ну что, привез? – негромко спросил Кахарман.

Игорь кивнул:

– У себя. Почти не ходит. Решительно потребовал забрать его из этой чертовой больницы... Раздевайся. Он тебя ждет... – Сам Игорь все прислушивался к телевизору. – Смотрим съезд все вместе...

Кахарман вошел.

Славиков сидел в кровати, опираясь спиной на высокие подушки. Встреть его Кахарман в другом месте, не узнал бы: так исхудал профессор, кожа да кости! А ведь был он совсем недавно похож на сказочного русского богатыря: рослый, светловолосый, голубоглазый.

– Хорошо, что приехал! – Славиков весь подался к Кахарману, притянул его к себе и коснулся лба Кахармана своим лбом – сухим, горячим. Это был древний обычай рыбаков: при встрече с близкими людьми касаться друг друга грудью, лбами или прикладывать ладонь близкого человека к своему лбу. Славиков сделал все три ритуальных жеста. Кожа на его лице была нестерпимо желтой; Кахарман отвел взгляд и явно не к месту спросил:

– Как себя чувствуете, Матвей Пантелеевич?

– Ты серьезно? – Глаза профессора озорно и узнаваемо блеснули. – Финиш Мустафе!.. Memento homo, quia pulvis es et in pulverem reverteris!*

Кахарман посмотрел на старого профессора с великим уважением – не было в нем страха перед смертью.

* Человек, помни, что ты прах и в прах возвратишься (Библия, лат.)

– У нас тут свой скоротечный рак. Он смахивает на ваш, а в общем, одна дрянь: что ваша, что наша... Я так думаю: пора. Пожил свое, пусть теперь другие проживут. Одно жалко: мало у меня было радости. И мысли хорошие были, и мечты – не всё сбылось, в узде оказалась моя воля. Чего я тебе рассказываю: всё знаешь сам... Эх, какие лозунги были у Французской революции! Свобода! Равенство! Братство! Всю жизнь я это носил в себе, хотя был скован по ногам и рукам... Какая свобода? Какое братство?.. Кому мы об этом толкуем? Всё это для них пустые звуки – ни в бога не верят, ни в черта, ни в революцию французскую... Семьдесят лет отвергали Бога, боролись с ним как с самым злостным врагом! Сообразили – проще его объявить врагом, чем жить так, как он требует... – Профессор сухо, трескуче расхохотался. – Как я этого не мог понять раньше? Сообразить они сообразили, что с богом надо бороться, но на каждом теперь клеймо Сатаны.

Профессор смолк, устало откинулся на подушки. С грустью Кахарман узнавал в его речах собственные мысли.

– Папа, чай, конечно, сюда?

– Уважьте...

Профессор взял с тумбочки шприц и сделал себе укол. «Наверно, морфий», – подумал Кахарман.

Профессор подтвердил:

– Действует часа два, потом снова надо вкалывать... Давно ты был у родителей? Как они там?

– Нет, дома не был давно. Все новости – письмами...

Профессор ничего не ответил, потому что зазвонил телефон. Он потянулся было, но передумал. Трубку снял в другой комнате Игорь.

– Чего там?

– Это Виктор Михайлович. Просит разрешения прийти.

– Какой он стал галантный. А когда был министром – приходил без разрешения. – Профессор усмехнулся. – Чудить стал с тех пор, как проводили на пенсию. взял, значит, за моду разрешения спрашивать у старых друзей... Ты его знаешь, Кахарман? Буслаев, недавний министр – наверно, знаешь. Вообще-то он мне приходится дальним родственником. Но люблю я его не за это. Хороший он человек, хотя и министр, хотя и был в свое время вхож в Кремль...

– Мало он туда ходил, – заметил Игорь с иронией. – Мог бы и две звезды получить... Тогда бы на родине точно поставили памятник.

– Было это немножко в нем, не спорю... Но как-то все смешно получилось. Как умерла у него мать в родной Сосновке – так и Сосновка его развалилась окончательно. Дураки же у нас министры – хоть бы одну деревеньку обогрели! Где же они собираются ставить себе бюсты!

Наташа поставила на стол чайник, вопросительно посмотрела на профессора.

– Не хочу я этих лекарств! – понял ее Славиков. – Налей нам коньячку с Кахарманом, грамм по пятьдесят. Последний раз с ним чокнусь!

Игорь разлил. Славиков поднял перед собой рюмку.

– Говорят, что хорошая собака перед смертью уходит из дому. А человеку, по моему, достойнее умереть в родных стенах. Вот почему я вернулся домой, друзья!

– Папа, ты опять за свое...

– Не перебивай меня. Я отдаю отчет своим словам. Жалко мне с Кахарманом прощаться – это честный, благородный человек. Хорошо, что ты в Москве

именно сейчас – бог знает, может и не увиделись, если бы приехал позже. Клянись Насыру и Корлан от меня. А вы, молодые, будьте здоровы! Да смотрите, не раздружитесь! – Славиков отпил. – Жизнь когда-нибудь должна кончиться. У меня это вылетело из головы... совсем забыл... такие вот дела. – Он улыбнулся. – Жалко, что нет рядом ни Насыра, ни Акбалака: послушал бы я ваши песни перед смертью...

Кахарман всё больше любовался профессором. Его покорила мудрость старого человека, который словно бы шутя готовился к своей кончине, хотя было жалко профессора до глубины души. «А я ведь знаю Матвея Пантелеевича с детства, – подумал он. – Считай, лет сорок...»

Игорь поправил подушки, посадил отца поудобнее. В это время в дверь позвонили. Это был Буслаев. Он сел в широкое кресло у изголовья профессора. Кахарман узнал Буслаева сразу, хотя виделись они единожды, лет шесть назад. Министр был бодр, по всей видимости совершенно здоров. Профессор представил их друг другу, напомнил Буслаеву, что когда-то направлял к нему Кахармана, как раз по катастрофическому положению моря. Но Буслаев ничего не вспомнил.

– В шестидесятые годы партаппарат и министры готовы были с дерьмом сожрать всякого, кто произносил слово «экология». Какая, к черту, экология – давай план, план! Это из ваших кабинетов шли указания топтать природу матушку, вырывать из нее последнее, – раздраженно сказал Славиков.

Кахарману показалось, что профессор стал утомляться.

– Матвей Пантелеевич, спорим мы с вами всю жизнь. Давайте хоть на старости лет помиримся!

Все улыбнулись шутке. Но профессор жестко продолжал:

– Они бездельники – те, кто охраняет природу! Они тормозят наш прогресс! Так кричали все министры. И сейчас кричат – те, что еще живы. Теперь ты видишь, что мы в тупике? Мы – это общество. Сами вы по прежнему живете в льготных условиях! Молодцы! Пусть этот кто-то, где-то «кое-где у нас порой» в тупике. А у нас спецпайки, спеццены, спецмашины. Наши детки дружно работают за границей, на проклятом Западе... Хорошо-то как! Вы ограбили свой народ, разули его, раздели, пустили по миру – вы плюнули ему в душу, слуги народные!

– Моя дочь давно вернулась из Нью Йорка... – слабо возразил Буслаев.

– А разве ваш брат – ученые чище нас?

– Всякие были, всякие есть. В уничтожении рек и озер, в истреблении леса, в строительстве атомных станций они принимали самое непосредственное участие. Да разве это ученые были – прости меня, Наташа, проститутки! Других было гораздо меньше, тех, которые не уронили себя до этого – их можно пересчитать по пальцам. Были и третьи, которых мне по человечески жалко. Когда на собраниях обращались к залу: «Есть среди нас, товарищи, вейсманисты морганисты?» – все сьеживались. В том числе и люди талантливые, порядочные...

– Вы не ежились? – Буслаев выжидательно смотрел на старого профессора.

– Нет, дорогой, я не ежился. Я поднимал руку и отвечал: «Я морганист. Был и остаюсь».

– Так вот чем объясняется ваше путешествие на Колыму...

Наступило молчание. Профессор шумно глотал чай. Наташа взяла у него из рук пустую чашку.

Профессор мечтательно заговорил:

– Родные мои! Мы умеем слушать только собственное брюхо и совсем не догадываемся, какое это великое счастье – слышать природу... – Немного подумав, сердито буркнул: – А мы на протяжении всей нашей истории слушали грохот революций и войн. В сущности, вся человеческая история состоит из войн. Разве это не дикость, если подумать? История человечества дальше должна пойти по другому пути...

– По какому? – обрадованно спросил Буслаев. Ему всегда становилось легче когда Славиков в их бесконечных спорах оставлял в покое министров и переходил к истории человечества в целом.

– Должна же, наконец, она развиваться разумно?!

– Папа, это случится не раньше, чем через сотню лет...

– Ждать целый век! Да за это время люди окончательно истребят себя! Я в это не могу поверить. Люди должны выжить, они должны шагнуть в третье тысячелетие людьми разумными, а не прежними варварами. – Он тяжело закашлялся. – Я о вас говорю, молодые люди, не о себе. И я, и погибшее на моих глазах море – вчерашний день, мы уходим, исчезаем... – Он снова закашлялся, потом продолжал: – Каково сейчас казаху без моря, а? Гибель моря обернется грандиозной бедой для всей Средней Азии. Еще в семидесятые предупреждал я и Кунаева, и Рашидова: надо сохранить море, нельзя так безответственно подходить к природным богатствам. Подумайте о своем народе, о будущем своих детей! А ведь они тогда были реальной силой – могли что-то сделать, если бы захотели. Нет, не стали. Были и остались царьками. Думали об одном – лишь бы угодить Москве. А иначе как усидишь на троне? Меня они считали сумасшедшим. Личной обиды на них я не держу. Один уже в могиле, а Димашу желаю я долгих лет жизни. Буду помирать – не о них вспомню. Вспомню тех казахов, каракалпаков, туркменов и узбеков, до которых дошли мои слова, которые хоть как-то и чем-то помогали мне в жизни – хоть и ничего мы не добились... – Профессор посмотрел на Кахармана. – Бедный казахский народ! Чудовищная судьба у него! Безжалостная! Их всего четыре миллиона было до войны. В тридцать седьмом уничтожили два. А сколько их погибло и погибнет от семипалатинских ядерных испытаний? От химии Джамбула? От белой смертельной пыли в твоём краю, Кахарман? Если бы спросили меня, кто всех больше в нашей стране пострадал от имперского самоуправства Центра, я бы ответил – Казахия! Да никто меня не спрашивал. Быть может, они истребляют казахский народ, чтобы рассредоточить в степи всю нашу армию? Чем меньше казахов, тем больше становится в Казахстане воинских частей, военных полигонов... С кем здесь собрался воевать министр обороны Язов?

Теперь было видно, что Славиков уже утомлен. Он замолчал, устало откинулся на подушки.

– Виктор, а ты, наверно, не понимаешь, чего они там в декабре взволновались, вышли на площадь?

– Знаете, если честно – не понимаю. Какая им разница, кто будет партийным лидером: русский? казах?

– Нет, народу не всё равно, – ответил Кахарман.

– Овец у вас достаточно, – буркнул обиженный Буслаев. – Чего еще не хватает – не понимаю?

– Перед тобой, Кахарман, один из них. Если я сейчас отвечу, что казахам не хватало и не хватает свободы, равенства, братства, – разве он поймет меня?

– Папа, съезд! – Игорь прибавил громкость телевизора.

– Достань мой диктофон. Да записывай не всё подряд, а самое интересное!

В течение двух часов Игорь включал диктофон только шесть раз, непосредственно когда речь заходила об экологической катастрофе Синеморья.

– Заговорили люди! – не уставал сокрушаться профессор. – Вот бы так лет пятнадцать назад!

Снова зазвонил телефон. Трубку поднял Игорь. Видимо, спрашивали профессора.

– Только сегодня выписался из больницы... Да да... Нет, к телефону не подходит... – Игорь вдруг изменился в лице. – Когда? Вчера ночью... Какая потеря!

– Он положил трубку. – Папа, умер Сахаров...

После паузы профессор сказал подавленно:

– Не своей смертью. Это мы убили Андрея Дмитриевича... Единственного человека, который всю сознательную жизнь боролся с властями. Что мы в сравнении с ним? Пигмеи... А он возвышался среди нас неприступной скалой... – Потом он проговорил по латыни: – Свобода не продается ни за какие деньги. Он не отступил ни на шаг... Наташа, есть у нас свечи?

Он снова сделал себе укол. Наташа принялась выключать электричество, зажигать свечи. Профессор прикрыл глаза.

– Папа, мы оставим тебя? – негромко спросил Игорь.

Профессор кивнул:

– Да, если можно. Я не был с ним знаком, но преклонялся перед ним всегда... Он не встал на колени перед бесстыдством, перед беззаконием, невежеством...

Скончался Славиков через три дня, в морозный день. На его похороны пришло не очень много людей. Были самые близкие: родственники, друзья, ученики, некоторые коллеги, из тех, которые, подобно ему, никогда не стремились ни к власти, ни к богатству. Похоронили Матвея Пантелеевича на Ваганьковском кладбище, рядом с женой Софьей Павловной.

Когда вернулись с кладбища, Игорь включил магнитофон. Это был кюй Акбалака, который он играл перед смертью.

– Так пожелал отец, – проговорил Игорь. – Это реквием. Акбалак этой музыкой прощался с морем. Теперь море пусть простится с отцом...

Усть Каменогорск не принимал, Кахарман вторые сутки сидел в аэропорту, смотрел съезд. На одном из заседаний стали выдвигать кандидатуры на пост председателя Минводхоза. Предложили среди прочих и Полад заде. Кахарман опешил:

– Они что – белены объелись?

Потом встал и крикнул на весь зал:

– Э э! Вы что, спятили там?! Кого вы выдвигаете?! Да это же антихрист!

Все обернулись к нему, кто испуганно, кто удивленно. Но все, наверно, считали его за психа.

Кахарман в самом деле чувствовал себя сходящим с ума. Кто знает, может быть, в самом деле был он в эту минуту невменяем от гнева. Он кричал на весь зал:

– Это же убийца! Это он погубил Синеморье! Теперь он убьет и Балхаш, слышите – убьет!

Но Полад заде уже стоял на трибуне, уже отвечал с улыбкой на вопросы депутатов: «И в них вселился дьявол, это точно! – лихорадочно думал Кахарман. – Все они повязаны Сатаной!» Он вспомнил, что у него в портфеле среди прочих

есть и религиозные газеты, купленные у «Московских новостей». Они пестрели библейскими изречениями – и незнакомыми, и полужакомыми, и знакомыми ему по отцовскому Корану, который иногда Кахарман полистывал от нечего делать... Но теперь... Нет, не белую Библию держали в руках люди, которых показывали по телевизору... Они держали черную Библию... они мерзко перемигивались с маленькими дьяволами, которые выглядывали из за спин депутатов... они читали по ней.

– Стащите с трибуны этого убийцу! – кричал Кахарман; от него в зале шарахнулись. – Полад заде – убийца!

– Парень, ты чего? – сказал вполне ласково сержант, трогая Кахармана за плечо. Кахарман очумело посмотрел на телевизор. Снова там были вполне человеческие лица.

– Оставьте, – между сержантом и Кахарманом встала светловолосая женщина, довольно-таки молодая. Она притянула Кахармана к себе. – Садись...

– Муж, что ли? – спросил сержант.

– Муж!

Сержант недоверчиво ответил:

– Муж... похоже, обьелся груш... Присмотрите за ним, если он ваш муж... Не красиво получается: орет на весь зал, а тут женщины, дети, отдыхают...

– Виновата, он просто очень эмоциональный человек... Да вы сами посмотрите! – Она кивнула на экран. – Тут волком завоешь...

– Полад заде не набрал голосов! – шумно заговорили в зале.

Кахарман не верил своим ушам – неужто в самом деле перестройка?!

Женщина налила ему лимонада.

Кахарман шептал:

– Прокатили! Прокатили!..

– А я думаю, их всех надо судить: и этого Палад заде, и преподобного Васильева, и Воропаева!

– Мы с вами оказались единомышленниками! – Кахарман широко обнял ее, и это не показалось ему неуместным. – Спасибо вам!

– Куда вы летите?

– В Усть Каменогорск.

– А я в Алма Ату. Скоро сутки, как сижу на чемоданах.

– Неужели мы земляки? Простите, в самом деле, разорался, как псих...

– Очень бы хотелось, но с землячеством ничего не получится. – Она тронула рукой волосы. – Я – питерская...

– Простите, а вы пьете?

– Вполне.

– Давайте отметим это событие? У меня есть чем.

Они вышли на улицу, расположились в тихом уголке.

– За то, чтобы Минводхоз был уничтожен! – Женщина подняла стакан, на самом доньшке которого плескался коньяк.

– За то, чтобы люди всегда оставались людьми!

– А мы и не познакомились...

– Кахарман. Я с берегов того самого бедственного моря, о котором теперь говорят везде. Рыбак я, если хотите.

– А меня зовут Людмилой. Я... поэт.

– Очень приятно!

Людмила не ответила, а стала читать:

Отчего всемогущий творец наших дел
Даровать нам бессмертия не захотел?
Если мы совершенны – зачем умираем?
Если несовершенны, то кто бракодел?

В это время, к досаде Кахармана, объявили рейс на Алма Ату.

– Уже?

– Уже! – рассмеялась Людмила.

Он долго махал ей рукой, она издалека крикнула ему экспромтом какие-то строчки, но он разобрал только первые строчки.

Да хранит тебя Аллах,
Да и удач тебе в делах!

...Что это – Чехословакия? Ну да, Чехословакия – как же он мог забыть? Поле, по которому бегут они с Салыком, нашпиговано минами. Выдюжил бы Салык, а он, Семен, ничего, парень крепкий... Опушка вон совсем недалеко... Салык бы выдюжил... Овчарки хрипят совсем близко... Нож... вытащить нож... так... нож в руке... «И ты вытащи!» – крикнул он Салыку. «Всё! Бьем!»

Он обернулся, поднял левую руку и, когда хрипящая овчарка вскинулась, резко ударил ножом ей в сердце. Вторую он уложил точно так же. Очереди были слышны, но самих немцев еще не было видно из за пригорка. «Успеть бы... до опушки...» Под ножом Салыка тоже жалобно взвизгнули две овчарки. Они успели. Немцы выскочили на пригорок и, ругаясь, дали пару очередей им вслед, но пули скользнули по стволам...

Семен Архипович открыл глаза. Часто ему снилась война, часто ему снился плен, эти овчарки, которых он с того времени люто ненавидел всю жизнь, видя которых, он терял рассудок, инстинктивно хватался за нож...

В декабре он отправился в Алма Ату, на похороны фронтового друга. В один из этих дней услышал за окном громкий собачий лай, топот, крики, душераздирающий визг. Это совсем молодых ребят и девчонок валили с ног овчарки. Следом за собаками бежали сержанты, одобрительно вскрикивая: «Фас! Фас! Во! Правильно! За ж... ее, тварь такую! Отлично!» Спрятав в рукаве длинный кухонный нож, Семен Архипович выбежал из дверей. Толпа ребят была уже в подъезде. Они устремились по лестнице наверх, попутно звоня в каждую дверь.

– Быстрее! – торопил их Семен Архипович; обращался он к ним на казахском.

– В девятнадцатую квартиру бегите, ребята; дверь моя открыта...

С овчаркой он встретился на третьем этаже – это был лоснящийся, откормленный пес. Он полоснул ее так же, как тогда, вскинув левую руку, а правой ударил. Она взвизгнула, стала отползать, размазывая по площадке кровь. Подоспевшие сержанты постояли над ней и молча повернули назад...

Уже развиднялось. Стал растапливать печь; поставил чайник. В окно постукали. Он зажег лампу, вышел в сени.

– Это я, Семен Архипович, Кахарман!

– Ну и хорошо, что ты, – обрадовался старик. – Очень кстати, я тут без сна мучаюсь...

Кахарман вошел, стал раздеваться:

– Никак не отступает мороз... Здоровы ли?

– Слава богу, и сам здоров, и мои здоровы... Вот вчера вернулся с озера... Так что перекусить у меня нечего...

Поспел чайник, Семен Архипович стал заваривать чай.

– Вчера же привез новых книг. Допоздна читал Юрия Кузнецова и всё думал: чего ради мы гибли? Послушай...

Он скрылся в спальне, вернулся оттуда с книгой. Нацепил очки и стал негромко читать.

Хотя страна давно его отпела
 На все свои стальные голоса,
 Но мать земля не принимает тело,
 А души отвергают небеса.
 Два раза в год его душа томится,
 В трибуну превращается гробница.
 Самозабвенно движется поток,
 Его портреты мимо проплывают,
 Но людям на трибуне невдомек,
 Чей прах они ногами попирают.

XIII

Хоть и много навалило в эту зиму снега, и крепки были морозы, но пришла своим чередом весна в пески. Снег растаял, реки и озера высвободились из ледового плена, а рыбаки вновь принялись собираться в путь, на Балхаш. Бригадиром вместо покойного Камбара артель решила избрать Есена. «Опыт – дело нужное, – решили рыбаки, – главное, чего не отнять у Есена, это понятливости и расторопности». Не возражал и Насыр, с которым рыбаки пришли посоветоваться, чья обычай рыбацкий. Самый пожилой из них, Турагул, обратился к Насыру от имени артели:

– Ждем твоего слова, Насыр ага...

Насыр был краток:

– Есена все мы знаем хорошо. Джигит он что надо. Благословляю вас! Аминь!

Так Есен стал бригадиром, как в свое время стал муллой сам Насыр, – решили люди. Естественно, что Есен не оспаривал решение старших...

Не очень шумный Караой снова опустел. В первый день Насыр не находил себе места. Однообразна была пустыня, раскинувшаяся вокруг Караоя, но теперь и в Караое движения и вообще каких-либо признаков жизни было не больше, чем в этой пустыне. «Как можно назвать такую жизнь? – вздыхал Насыр. – Жалкое существование...»

Сразу после прощания с рыбаками он прилег и не вставал весь день. Не поднялся даже, когда пришел Муса – видно, тоже не находил себе места. Глянув на Насыра, он лишь крякнул от беспомощной досады и ушел, не притронувшись к чаю, который поставила перед ним Корлан. Только к вечерней молитве поднялся Насыр. Совершил омовение, набросил на плечи поддевку, вышел со двора и на-

правился к ближним барханам. Уже сгущались сумерки, воздух стал прохладнее, что немного его взбудрило. Пока шагал, ноги размялись, но на душе было по прежнему тоскливо...

Теперь до новых холодов горстка стариков и старух поведет свою безрадостную однообразную жизнь. В заброшенный Караой давно не приходит никаких вестей – и все люди словно отрезаны от мира. Да и какие вести, если почту привозят раз в месяц, а теперь, гляди, и того не будет: не зря жаловался Жарасбай на трудности. Но Насыр, к слову сказать, газет не читал: то ли старость стала одолевать, то ли еще что-то, но теперь они потеряли для него всякий интерес, особенно после того, как он съездил в Алма Ату. Раньше, бывало, Корлан всё корила мужа: «Нужны они тебе, эти газеты, – и без того слепой ведь, глаза совсем не видят...» Насыр обижался: «Чего ты заладила: газеты, газеты... Как же можно без газет?» Придвигал к себе стакан с цветными карандашами, которые всегда держал остро отточенными, и углублялся в чтение. Цветным карандашом он подчеркивал понравившееся слово, а то и целые предложения или абзацы. Теперь его тошнило от одного вида газеты.

Над песками стали зажигаться первые звезды. Насыр посмотрел в темную даль и подумал, что в свое время великий человек Абай тоже, наверно, предавался своим невеселым думам, оставаясь один в ночи – как сейчас Насыр. И Абая, наверно, терзали мысли о том, что всё меньше и меньше остается правды на земле, что всё мелочнее и мелочнее становятся люди в своих помыслах, разменивая прекрасные порывы души – честь, совесть, гражданственность – на суету, алчность, тщеславие, личное благополучие. «Бедный Абай! – вдруг произнес вслух Насыр. – Суждена была тебе преждевременная смерть. Бессилен ты был довести до казахов эти свои упреки, никто не стал тебя слушать – так-то вот...»

В последние годы жизни Насыра Абай стал его собеседником. Душа Насыра вела с ним тихие, неторопливые разговоры. Мысли великого поэта и человека во многом находили в Насыре свой отклик, как, впрочем, и сомнения, разочарования. Теперь, на закате жизни, Насыр очень хорошо стал понимать, почему Абай был так одинок. Раз за разом он все глубже и глубже вчитывался в него. Многие из Абая он помнил наизусть, частенько повторял целые абзацы, как молитву: *«Доказательством существования единого и всемогущего бога является то, что многие тысячелетия на различных языках люди говорят о существовании Бога, и, сколько бы ни было религий, все считают, что Богу присущи любовь и справедливость. Мы не создатели, а смертные, познающие мир по созданным вещам. Мы – служители любви и справедливости. И отличаемся тем, насколько лучше один другого осознаем творения всевышнего. Веруя и поклоняясь сами, мы не вправе сказать, что можем заставить верить и поклоняться других. Начало человечности – любовь и справедливость. Они присутствуют во всем и решают всё. Это венец творения всевышнего. Даже в том, как овладевает жеребец кобылицей, проявляется любовь. В ком господствуют чувства любви и справедливости, тот – мудрец, тот – учен. Мы не способны придумать науку, мы можем только видеть, осознать созданный мир и постигать его гармонию разумом».*

Вот какие размышления Абая пришли сейчас здесь, у ночных барханов, Насыру на ум.

Неторопливым шагом отправился Насыр в сторону аула.

Утром он встал с постели, едва забрезжил рассвет. Корлан, как всегда, была уже на ногах, хлопотала у печи.

– И чего не спишься тебе? – стала она корить Насыра. – Чего ты так рано?

– Скоро належимся, – пошутил Насыр.

Корлан не ответила, лишь поправила платок на голове. Насыр сходил в сарай, заложил овса кобыле, вернулся и приступил к утренней молитве. Молился он сегодня долго, как бы наверстывая упущенное вчера.

За чаем Корлан стала вздыхать:

– Всё думаю и думаю о Кахармане. Чует мое сердце – надо мне увидеть его...

Поеду-ка я к нему: сердце болит.

Насыр согласился:

– А чего – поезжай. Обнимешь их всех – успокоишься.

С того дня старая Корлан начала готовиться в дорогу на далекий Зайсан.

Между тем весна в песках незаметно обернулась летом. Испепеляющий зной надвинулся на побережье: это наступило то время, когда, бывало, забудешь кувшин с водой на улице, вернешься – а он чуть не закипает. В такую жару не видно в небе птиц, в песках – зверьков, а в Караое – людей.

В эту знойную пору и отправилась Корлан на Зайсан. Насыр остался с Беришем, у которого уже начались каникулы. Кормить мужчин Корлан поручила соседке Жаныл, и та стала готовить им раз в день. Раз в день она мыла посуду, прибиралась в доме, подметала. Но часто она делала по другому: просто зазывала их к себе на обед и ужин. Насыр с Беришем ничего не имели против такого варианта.

Жаныл была женщиной чистоплотной. Ничего плохого не могли сказать о ней люди. На губах ее всегда витала тихая, несмелая улыбка, которую в Караое знали с времен девичества Жаныл. Жаныл была вдовой, жизнь вела хоть и небогатую, но полную достоинства. Даже старые вещи в ее доме не смотрелись жалко, ни у кого бы не возникло мысли, что жизнь Жаныл не удалась. В Караое относились к ней с неизменным почтением. Стоит сказать, что люди на побережье во все времена жили нелегко, хотя работали помногу. Караой же отличался от прочих прибрежных аулов тем, что люди здесь – в большинстве – никогда не стремились к роскоши. Довольствовались простой пищей, простой одеждой, неброским убранством в домах. Зато здесь свято чтили трудолюбие, человечность в отношениях друг с другом, сердечную открытость. Кто знает, может, потому дал Караой немало ученых людей, знаменитых врачей, искусных мастеров. Караойские рыбаки издревле поклонялись только морю, и ничего не было для них богаче моря. Все века они радовались тому, что и в душах у них, и в руках есть море. Рыбаки радовались тому, что есть море, море радовалось тому, что есть рыбаки, так и жили они спокон веку. И можно было лишь представить, в какую скорбь были погружены сейчас малочисленные прибрежные аулы – у них отнимали не деньги, не сокровища, не блага. У них отнимали не только хлеб насущный. У рыбаков отнимали души.

Придвигая к Насыру и Беришу тарелки, Жаныл мягко улыбалась и приговаривала: «Ешьте, ешьте...» Внучка ее – худенькая, светлолицая девочка – сидела рядом с бабушкой и во все глаза разглядывала мальчика и старика. Порой Бериш в ожидании обеда читал маленькой Маржан сказки. Маржан внимательно слушала, потом пыталась пересказывать их бабушке. Насыр частенько гладил смышленную девочку по головке: «И в кого ты такая умница?» Маржан, не колеблясь, отвечала: «В бабушку!»

Конечно, и Насыр не оправдывал невестку Жаныл, но с другой стороны посмотреть: легко ли жить молодым в Карае, питьевой воды рядом нет, приходится носить ее черт знает откуда; нет дров – приходится собирать их в песках. Да какая же молодая женщина согласится жить такой рабской жизнью?

Вот и укатила она обратно. Жаныл выходила невинное дитя – кормила козьим молоком, благо Кызбала делилась, каждое утро приносила по поллитровой баночке. Трудно было Жаныл – попробуй ка! – но не жаловалась она, не плакала. Боялась за Есена – совсем сломится парень, если она – мать – не покажет, как должен держать себя человек в этой нелегкой жизни. И не падал духом Есен – стыдно было ему раскисать, глядя на мужество матери, на ее стойкость. Впрочем, не раз он наезжал к жене, но та наотрез отказывалась возвращаться. А мать не соглашалась ехать в город.

Так и метался Есен меж двух огней.

Неожиданно невестка нагрнула сама – с братьями да тетушками. Была у нее цель; увезти Маржан к себе. Жаныл прогнала их из дому. Они хотели забрать ребенка силой, но грозные старики Муса и Насыр помешали их планам. Маржан же, увидев незнакомую крашеную тетю, испугалась, расплакалась. «Дикари! – кричала невестка. – Подыхайте сами в этих вонючих песках, но ребенка моего вы за что гробите?» – «Ты на себя посмотри! – тоже в гневе закричала Жаныл. – Чтоб ноги твоей здесь не было, бесстыжая!» Впервые видел Насыр улыбочивую приветливую Жаныл в гневе. Да и кто мог ее осудить. Не та мать, которая родила, говорят люди, а та мать, которая воспитала. Жаныл прижала внучку к груди и расплакалась вместе с ней. Насыр и Муса стали было успокаивать ее, но махнули рукой, вышли во двор. «Не переносу женских слез, – крикнул Муса, – будь они неладны!» Насыр согласно кивнул – он тоже терялся в те минуты, когда начинала плакать женщина.

После отъезда Корлан время в доме Насыра, и без того неторопливое, будто бы остановилось вовсе. Позавтракав у Жаныл, они с Беришем возвращались домой и садились за книги. Насыр листал страницы Корана, а Бериш с головой погружался в приключения и фантастику. Частенько Насыр поднимал глаза, смотрел куда-то вдаль и думал. Никогда бы он не мог предположить, что разлука с женой, с которой он бок о бок прожил долгую жизнь, может обернуться такой сильной тоской. Конечно, случались между ними и размолвки, и прочие семейные недоразумения, но теперь, когда жизнь клонилась к закату, Насыр обнаружил, что они прожили удивительно хорошую жизнь. Даже при том, что хлебнули они сполна – и лиха, и горя...

Насыр открыл молитвенник и стал бормотать:

– Бисмиллахи рахмани рахим! Благодарение Аллаху за небо, посылающему на землю дожди; благодарение Аллаху за то, что он украсил землю плодами, травами и деревьями; благодарение Аллаху за то, что по его могущественной воле бьют из земли прохладные родники; за то, что вместе с водой земли, водой рек и морей сотворил он на земле жизнь...

В прежние годы – Насыр снова подумал об этом – когда он с подобной благодарностью обращался к вседержателю, перед ним возникало какое-то облако, очертаниями напоминавшее человеческую фигуру. Насыр полагал, что это сам Аллах является ему за его усердие в молитвах. Но в последнее время Аллах как будто бы отвернулся от старого рыбака – давненько не видел он этого облака.

Однако не исчезал его голос: приятный, завораживающий – тот, который он в последний раз слышал, когда молился в гостиничном номере в Алма Ате. Но сегодня после молитвы он не услышал даже голоса.

Насыр испугался. Он замер над молитвенником, вслушиваясь в звенящую тишину, – голоса не возникало. «Не к добру это», – решил он.

И всё же через некоторое время бодро поднялся с колен. Он знал, что ему делать. Достал из сундука одежду, свою и Корлан. Чувство ему подсказывало: эту одежду он должен раздать тем, кто нуждается больше его. Далее: сегодня он должен зарезать барашка, с сегодняшнего же дня он должен держать три дня пост и неистово молить Аллаха о милости – о дожде, без которого сохнет побережье. Из того же сундука Насыр вытащил большой нож, наточил его, вымыл теплой водой, насухо вытер и отправился в сарай.

Удивленному Беришу он приказал:

– Налей в кувшин воды. Сходи за Жаныл...

Во дворе он пожалел, что не накинул на голову чего-нибудь. Небо дышало жаром, словно наковальня. В сарае поймал за ногу черную овцу, повалил, связал ноги веревкой. «Бисмиллах, нет твоей здесь вины», – пробормотал он, и полоснул овцу по горлу. Когда пришла Жаныл, он уже освежевал тушку и принялся разделять на части.

– Неси побольше соли – иначе в такую жару нам мяса не сохранить. Бериш, покажи, где у нас соль... Да давай побольше дров, надо хорошенько его прокоптить...

Когда управились с мясом, Жаныл спросила:

– И чего ты зарезал ее в такую жару? Гостей ждешь?

– Какие теперь гости? – ответил Насыр. – Теперь к нам и палкой никого не загонишь... Решил принести жертву Аллаху. Приму пост, буду молиться: может, пошлет он нам дождя. Не помнишь, однажды выпросил я у него ливень?

– Как не помнить! Только много времени прошло после этого. А в то лето после твоего ливня даже капельки не выпало...

Насыр нахмурился, подумал: «Права она...» Бодрое его настроение быстро растаяло.

Он вздохнул:

– Вот и милостыню теперь некому подать. Ни богатых у нас тут не осталось, ни нищих – дожили. Я вон, видишь, разложил на сундуке одежду. Похлопочи – перешей ее для Нурдаулета...

Жаныл поняла, что надо ободрить Насыра:

– Не виноват ты, Насыр, что дождей у нас тут нет. Ты молись: есть у Аллаха уши – слушает он тебя...

У Насыра потеплело на сердце:

– Конечно, есть, конечно, слышит. Так что не будем зря богохульствовать. В кого же нам еще осталось верить, как не в Бога?

Он стал принимать от Жаныл куски мяса, которые тут же насаживал на палку, прилаживая так, чтобы оно равномерно коптилось в дыму.

Три дня не выходил он из дому, придерживаясь строгого поста. В самый последний день у него гостил Нурдаулет. Он с трудом добрался на своей инвалидной коляске до дому Насыра – ее небольшие колеса все время утопали в песке. Во дворе Бериш взял Нурдаулета на руки, внес и посадил за стол. У Нурдаулета была просьба к Насыру: свозить его на остров Корым.

Насыр всей душой понял и принял эту просьбу. Не мог он без слез смотреть на инвалида: так его покромсало в жизни, что остался от бывшего жизнерадостного джигита лишь жалкий обрубок...

Нурдаулет сидел за столом. Протезом, приделанным к одной культяпке руки, поглаживал бритую голову. Никогда он первый не начинал разговора у Насыра в доме – больше слушал Насыра или Корлан, которые делились с ним воспоминаниями. Все уже свыклись с тем, что Нурдаулет был малоразговорчив. По возвращении в Караой он лишь однажды рассказал про свою жизнь и больше к этому не возвращался никогда. Да и не лез к нему никто с расспросами, что было вполне объяснимо. Люди в Караое – особенно немолодые, те, что всю жизнь прожили на побережье, – никогда не совершали необдуманных поступков по отношению друг к другу и, прежде чем что-либо сказать или сделать, долго обдумывали: не покажется ли это для окружающих неуместным, не осудят ли их ближние за излишнюю колкость, черствость или беспощадность. Они были милосердны и щедры на душевное тепло.

Насыр, обдирая толстую саксауловую палку, кивнул Нурдаулету:

– Что, брат, истомился по Корыму? Помню о твоей просьбе, не забыл. Потерпи еще денек, закончу оразу – и поедем. Еще бы и погода нам была, а, как думаешь? Печет жутко – вот уже месяц без продыху. Если и дальше будет так – начнутся в песках пожары...

Нурдаулет ничего не ответил, лишь посмотрел в окно, за которым лежал белесый раскаленный песок. О чем он думал? Лицо его, с тех пор как он вернулся с далекого острова Валаам, загорело, было почти что коричневым. Густые брови нависали над глазами, так что его лицо казалось даже суровым. Нурдаулет по возвращении жил поочередно то у Мусы, то у Насыра, так что немало хлопот досталось Корлан. Жаныл и Корлан не раз навевались к Кызбале, заводили разговоры про Нурдаулета, но всё оказывалось тщетным – неменяемость Кызбалы была необратимой. Наконец однажды Нурдаулет попросил Насыра и Мусу: «Отвезите меня к ней. Поживем вместе. Как знать, попривыкнет – глядишь, и вспомнит... Эх, Насыр ага, знал бы ты, как я надеюсь! Хоть бы одним словом с ней перекинуться в этой жизни!...»

– Поедем на Корым, – продолжал разговор Насыр. – Я ведь и Акбалака туда в свое время возил. Никак не мог умереть Акбалак, не побывав на нем...

Нурдаулет перед тем, как переселиться к жене, заговорил с Насыром вот о чем: – Был бы жив сейчас наш целитель Кажыгайып – наверняка бы помог Кызбале излечиться. – Он с надеждой глянул на Насыра: – Насыр, свози нас с Кызбалой на могилу его отца – а вдруг поможет. Слышал я давно – если почитать над могилой священного Абуталипа молитвы и заклинания, возвращается к человеку разум...

– Я и сам слышал, да только нет этой могилы давно – сровняли ее с землей наши строители... строители коммунизма. Не нужны будут в коммунизме могилы святых предков – вот так, Нурдаулет... – Насыр растерянно замолчал. – Думал я про могилу Абуталипа давно, как только твое письмо получили. Думал и про могилу святого Иманбека, но и с этим худо, брат: осталась она за колючей проволокой, в военной зоне. Не подпустят нас туда даже на пушечный выстрел... Такие вот дела, Нурдаулет...

Лицо Нурдаулета дрогнуло, он сказал с глубокой обидой:

– Видимо, такой уж я несчастный – даже этой малостью нельзя помочь мне... Ты прав: не будет у нас никакого коммунизма никогда – а будет колючая прово-

лока из века в век... Не нужны коммунизму такие, как мы с тобой, отдельные, маленькие люди...

Он смахнул слезу. А ведь земляки еще ни разу не видели его плачущим.

Тем не менее они с Нурдаулетом собрались: решили, что несчастный калека хотя бы коснется земли в том месте, где была когда-то могила святого Абуталипа. Решили, что добрый дух святого все равно витает над этим местом – а вдруг да случится чудо?

Насыр погрузил в телегу черного барашка, посадил Нурдаулета и Кызбалу, и отправились они туда, где некогда была могила святого Абуталипа. Барашка они принесли в жертву, троекратно помолились и тронулись в обратный путь. После этого Нурдаулет поселился в родном доме, у Кызбалы. Но не помог дух святого несчастным. И решил Нурдаулет: надеяться больше не на что.

Частенько с тех пор стал задумываться Нурдаулет о сыне. Ему казалось: будь Даулет жив – Кызбала бы очнулась. Думал он о сыне и сейчас, когда сидел подле Насыра, устремив глаза в окно. В который уж раз за последние несколько дней ему мерещится в жарком мареве одно: море, а из волн выходит вдруг совсем молоденький джигит – Даулет. Спешит к отцу, обнимает: «Здравствуй, отец! Сорок лет нас не было здесь – а теперь вернулись и ты, и я... Пойдем быстрее к маме – сорок лет она ждала нас, пойдем быстрее...»

Конечно, мысли о сыне, о жене изматывали его душу – порою находило на него такое опустошение, что невольно думал он об одном: как я еще живу, ведь у меня нет никакой даже самой маленькой надежды?! А человек, у которого нет надежды, превращается в сатану. Люди жалеют тебя, щадят – но в душе у тебя горечь, желчь. Она бродит в твоей крови... В такие минуты Нурдаулету не хотелось жить – он готов был наложить на себя руки. Но даже это вряд ли удалось бы ему: у него нет даже этой возможности, возможности физической, да и в последнюю минуту он бы, наверно, дрогнул... Теперь, на исходе жизни, он, как и Насыр, понял, что умереть так же трудно, как и выжить. На войне, находясь между жизнью и смертью, боролся за жизнь. Теперь он – в той же близости как к жизни, так и к смерти, – порою просит Бога, чтобы тот оборвал его дни, но видно, Бог решил терзать его до самого конца...

Весь этот день Нурдаулет провел у Насыра. Бериш дал ему кипу журналов и газет, он их читал до вечера, а потом остался ночевать.

СНОСЯТ ПАМЯТНИК ДЗЕРЖИНСКОМУ. МНОЖЕСТВО ЛЮБОПЫТСТВУЮЩИХ собралось в центре Варшавы на площади, которая до сих пор носила имя Феликса Дзержинского. Теперь она переименована в Банковую, ей возвращено старое название.

СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ СТАЛО ОДНИМ ИЗ САМЫХ ГЯЗНЫХ В МИРЕ. ЕЖЕГОДНО В НЕГО ПОПАДАЕТ 2 миллиона тонн нефти, 120 тысяч тонн минеральных масел, 60 тысяч тонн пестицидов. По некоторым прогнозам, при сохранении нынешних темпов загрязнения Средиземное море может стать мертвым через двадцать лет.

НА ТЕРРИТОРИИ НАХИЧЕВАНСКОЙ АССР ПОД РУКОВОДСТВОМ экстремистски настроенных лиц проведены беспрецедентные варварские акции по дестабилизации обстановки на нахичеванском участке советско-иранской границы.

КОМЕНДАНТСКИЙ ЧАС ОТМЕНЕН, ОБСТАНОВКА НОРМАЛИЗУЕТСЯ. ДЕНЬ, который ждали, который приближали своей волей, выдержкой, трудом тбилисцы, настал. Постановлением Президиума Верховного Совета Грузинской ССР комендантский час в городе упразднен с 18 апреля, с 5 часов утра. Услышав эту весть, люди целовались и плакали: столько пережито, столько передумано, переосмыслено за эти дни.

«МНЕ 70 ЛЕТ, ИНВАЛИД ВОЙНЫ – НЕ ИМЕЮ НОГ И РУКИ. НА СТАРОСТИ лет пришлось убедиться, как бездушна бюрократия. Пенсию мне не носят 8 месяцев. А на что существовать, как жить, никого не волнует. Был бы автомат, я не задумываясь, пустил бы очередь по бюрократам».

У МОНУМЕНТА ЛЕНИНУ В НОВА ГУТЕ СОБРАЛИСЬ БОЛЕЕ ДВУХ ТЫСЯЧ юнцов из Кракова, Познани, Вроцлава, других городов, которые забросали памятник банками с краской и бутылками с бензином, разложили костер на цоколе. Для разгона агрессивно настроенной толпы были применены водометы и слезоточивый газ. Имеются раненые и среди сотрудников МВД, и среди демонстрантов.

ВОТ УЖЕ ЧЕТЫРЕ ДНЯ НА ПЛОЩАДЯХ И УЛИЦАХ ЧЕХОСЛОВАЦКОЙ столицы проходят митинги и демонстрации. По оценкам средств массовой информации вчера вечером в них приняло участие около 200 тысяч человек.

ЗА ПОСЛЕДНИЕ ДЕСЯТЬ ДНЕЙ В БОЛГАРИИ ПРОИЗОШЛИ ТАКИЕ СОБЫТИЯ, которые по своей масштабности, динамизму могут заполнить целые месяцы, а может быть, и годы. Партия взяла новый курс своего развития страны, получая массовую поддержку всего болгарского народа.

ИЗВЕСТНЫЙ ВСЕМУ МИРУ ПАМЯТНИК СОВЕТСКИМ ВОИНАМ освободителям в берлинском Трептов парке подвергся осквернению. Представитель правительства ГДР Майер самым решительным образом осудил антисоветскую акцию в Трептов парке.

МОНГОЛИЯ: РЕШЕНО УБРАТЬ ПАМЯТНИК СТАЛИНУ.

ПО БЕРЛИНСКОЙ СТЕНЕ БЬЮТ МОЛОТКАМИ, ОТКАЛЫВАЮТ КУСКИ БЕТОНА – на память или на продажу. Сейчас пограничники приступили к ее демонтажу, замене сетчатой перегородкой.

КУБИНСКИЙ РУКОВОДИТЕЛЬ ФИДЕЛЬ КАСТРО ПРЕДЛОЖИЛ, ЧТОБЫ БОЛЬШЕ учащихся в его стране изучали английский язык, а не русский.

НА СОСТОЯВШЕМСЯ ЗАСЕДАНИИ ПОЛИТБЮРО ЦК БОЛГАРИИ ПРИНЯТО решение предложить Совету Министров приостановить предоставление вилл, находящихся в государственной собственности, членам партийного руководства и использовать эти сооружения с учетом общественных интересов.

ОБСТАНОВКА В ДУШАНБЕ ОБОСТРЯЕТСЯ. ПОСЛЕ ПОПЫТКИ МИТИНГУЮЩИХ проникнуть в здание ЦК партии, силы охраны правопорядка произвели предупредительные выстрелы в воздух и применили спецсредство «Черемуха». Нападающие совершили поджог здания ЦК, а также погромы и грабежи на проспекте Ленина. Получили телесные повреждения 108 человек, в том числе 39 сотрудников правоохранительных органов, погибли 6 гражданских лиц. Сведения о количестве потерпевших уточняются.

В 7 ЧАСОВ 01 МИНУТУ ПО МОСКОВСКОМУ ВРЕМЕНИ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ на полигоне в районе Семипалатинска произведен подземный ядерный взрыв мощностью 150 килотонн.

ГОРБАЧЕВ И БУШ НАЗВАНЫ ВЕДУЩИМИ ДЕЯТЕЛЯМИ ГОДА, КОТОРЫЕ «делали новости», в 1989 году.

ЗАГАДОЧНАЯ ЭПИДЕМИЯ СВИРЕПСТВУЕТ СРЕДИ ТЮЛЕНЕЙ, ОБИТАЮЩИХ в Северном и Балтийских морях. Только за последние три месяца волны выбросили на побережье трупы шести тысяч животных. Каждый день эта цифра неумолимо растет. Специалисты пытаются установить, что за болезнь преследует тюленей, но пока безуспешно. Удалось выяснить только, что речь идет об инфекционном заболевании, поражающем легкие. Помочь гибнущим животным люди пока не в силах.

Утром истекал пост Насыра. Насыр встал, едва забрезжило. С удивлением обнаружил, что Нурдаулет еще не ложился: так и сидел за газетами и журналами. «Ты бы отдохнул...» – сказал Насыр, ставя чайник. «Еще наотдыхаюсь. – Нурдаулет поднял на Насыра утомленные глаза. – Скоро отправимся на вечный покой, там и наотдыхаемся...» – «И то правда», – пробормотал Насыр. Задумано им было насчет Нурдаулета так. Дождаться машины, которая привозит в Караой продукты и топливо. Добраться на этой машине до Шумгена. А там кто-нибудь возьмется подбросить их с Нурдаулетом до Корыма. Там они проведут три дня. Насыр три дня будет упорно молиться: просить Аллаха о дожде.

Насыр приоткрыл дверь. На него дохнуло палящим ветром. «Не меняется погода...» – подумал безрадостно.

За завтраком Нурдаулет снова заговорил о Кызбале; он вернулся к вопросу, который когда-то задавал Насыру:

– Как думаешь, Насыр, вылечил бы Кажыгайып Кызбалу, окажись жив?

Что мог ответить калеке Насыр?

– Конечно бы, вылечил! Святым людям дается замечательная душа, золотые руки. Обязательно бы вылечил – тут и сомневаться нечего! Даже Откельды привел бы ее в чувство – будь он жив. Когда твоя Кызбала узнала, что ты пропал без вести, – она слегла, тогда-то у нее в голове и помутилось впервые... Но ничего – Откельды поднял ее на ноги. Не стало таких сейчас целителей.

Ни одного вопроса не задал больше Нурдаулет. Допил чай, невероятными усилиями взобрался на свою коляску и покатил на ней, отталкиваясь культияпками.

– Потерпи! – крикнул ему Насыр, когда тот был уже за низеньким порошком. – Спадет жара, отправимся на остров!

Нурдаулет кивнул:

– Бог даст! А тебе спасибо за доброту, Насыр...

По щекам Нурдаулета текли горячие слезы. С силой гнал по улице, не замечая, что тележка вот вот опрокинется. Так оно и случилось. Нурдаулет неуклюже ткнулся в песок – мокрое от слез лицо его тут же облепило песком. Но он лежал, не имея ни сил, ни желания подняться, – лежал лицом в песок и глухо рыдал.

Кызбала этим утром, как всегда, была уже у моря – вернее, у того невысокого песчаного откоса, который когда-то был берегом. Лишь дворняжка ее в это утро случайно задержалась на окраине аула. Она-то и видела, как странный человек обрубок, который с недавнего времени поселился у них в доме, вывалился из своей

коляски. Собака залаяла, бросилась было к плачущему человеку обрубку, но тут же повернула к хозяйке. И так она бегала и лаяла – долго, призывно, жалостливо, будто понимая, что оба эти человека глубоко несчастны и вряд ли теперь один из них хоть как-то сможет помочь другому.

К концу недели ветер стал меняться, слабеть – жара начала спадать. Появилась машина, которую и в Шумгене, и в Карае ждали уже два месяца: она привезла почту, продукты, солярку. Насыру было письмо. Кахарман писал, что мать добралась благополучно. Это успокоило Насыра. Бериш тоже получил письмо, но читал он его в уединении – видимо, стеснялся деда.

Шофер Асанбай не упустил случая поддеть его:

– Если прячешь от деда – значит, письмо от девчонки...

Насыру эти слова показались неделикатными, он оборвал весельчака:

– И чего ты какую-то чушь несешь?

– Аксакал, поотстали вы от жизни, это точно! Что такого в том, что кто-то получает от девушки письмо? Парень он уже здоровый – пора.

Бериш в дальнем углу двора читал письмо от Айгуль.

Айгуль писала: «...Еле уговорила родителей, чтобы отпустили доучиваться в Шумгене. Бабушка обижается – это против ее воли. И только вечером забывает про обиду – обязательно приласкает, обязательно скажет: я, мол, смирилась. Так что осенью я снова буду в Шумгене. Жду не дождусь этого дня! Теперь я понимаю тебя, когда ты говорил о предательстве, Бериш. Я не хочу быть предательницей, хотя не очень виновата – правда? Ведь все родители не хотят расставаться с детьми. Но самим им разве не стыдно? Ведь море никогда не простит, что они его бросили на произвол судьбы... А может, оно и меня не простит, как ты считаешь? Очень жду твоего письма: хочу знать, что ты про меня думаешь. Только откровенно – хорошо? Я получила камень, на котором ты вырезал мой профиль. Очень здорово, я ношу его в сумочке – так что в любую минуту могу смотреть и вспоминать тебя. Вот и всё. Скоро увидимся и поговорим обо всём. Айгуль».

Бериш положил письмо на колени и задумался. Да, он сильно любит ее – вот отчего такая тоска в сердце. «Твоя Айгуль», – беззвучно прошептал Бериш, и душу его обожгло теплом. Каждое слово письма казалось ему разумным и трогательным. Сложил письмо вчетверо, спрятал в карман. Он долго вырезал ее лицо – хотел, чтобы оно вышло живым, излучающим милый, озорной смех. И это ему наконец-то удалось. Однако долго еще не смел он отправить этот камешек. Стеснялся. Решился только к концу учебного года. Понял, что не может иначе – не может лгать своему сердцу. Он всегда, как, впрочем, и все караойцы, отличался прямоотой характера, правдивостью.

В это самое время во двор вбежала взволнованная Жаныл.

– Дом рухнул, Насыр! Турагула дом! Стоял и рухнул, о господи!

– Люди живы?.. – Насыр вскочил со стула (он было присел в тени). – Люди живы, спрашиваю?!

– Живы! Дети, слава богу, были во дворе. Только у келин нога сломана – камень упал ей прямо на ногу...

Бериш помчался к дому Турагула. За ним поспешили все остальные.

– Снегу в этом году было много, – предположил Насыр. – Вот и подмыло по весне стены...

– О господи, скоро все мы здесь канем в тартарары, чует мое сердце... – Задыхающаяся от быстрой ходьбы Жаныл притянула к себе внучку и взяла ее на руки. – Никому мы здесь не нужны, а это сразу сатана почувствовал, вот и принялся все разрушать...

Вокруг разрушенного дома стоял шум от женщин и детей. Жена Турагула сидела на песке вытянув сломанную ногу и громко причитала: «Великий Аллах, снова ты наслал беду на мою несчастную голову! За какие грехи? Пожалей свою рабу, слышишь?» Некоторые отворачивались, отходили в сторону, больно было слушать ее причитания.

– Келин! – Насыр подошел к женщине. – Главное – живы дети, не гневи бога проклятьями...

Увидев Насыра, женщина зарыдала с новой силой:

– Ата, не осталось уже сил! Нам надо бежать отсюда...

Ее стали поддерживать другие женщины.

– В Шумгене люди хоть по людски живут, а мы чего ради здесь мыкаемся?

– Мало мы здесь горя хлебнули? А теперь всё пропало – надо перебираться.

– А мужья как посмотрят на это? Пусть вернуться – тогда и решим...

– До осени еще вон сколько! Сегодня рухнул дом Турагула, а завтра...

– Пусть приедут, чтобы посмотреть на наши трупы... Чего тут думать – в Шумген, и все!

Насыр понял, что Асанбай прав, – теперь этих женщин ничто не удержит, ничто.

– Подгони ближе машину, – распорядился Насыр. Жену Турагула посадили в кабину, детей – в кузов. – В Шумген. И первым делом – к врачу!

Женщины, таясь от Насыра, шепотом просили охающую келин передать в Шумген, чтобы как можно быстрее увозили их отсюда.

Насыр отвернулся: «Ты побежден, смешной человек! Люди не хотят оставаться здесь – и они правы, так-то вот...»

Его окликнул Нурдаулет:

– Печалишься, Насыр?

– Не без того, – кивнул Насыр и подошел к инвалиду. – А тебе ведь тоже придется переезжать.

– Мне некуда ехать, разве что обратно в инвалидку...

Нурдаулет вздохнул и невесело снизу вверх посмотрел на Насыра. «Он прав, – подумал Насыр. – Куда им деваться вместе с Кызбалой? Кому нужны эти немощные старики? У них нигде родных нет – нет у них ничего роднее этого усыхающего моря...» Эта мысль поразила Насыра – так, что снова подскочило давление, заложило уши. Он не слышал, что еще говорил ему Нурдаулет. Повернулся и медленно побрел к своему дому. Не слышал он и того, что говорил ему Бериш, который шел рядом. В сарае он перевернул оставшееся еще с прошлой зимы сено, бросил охапку другую кобыле. Вот уже третий год не было от нее потомства – и вина в том была не жеребцов, которые исправно покрывали ее. Насыр, как, впрочем, все в ауле, теперь смирился с тем, что кобылы перестали рожать. Как и с тем, что почти все коровы в Карае ослепли – так сказывалась на них белая соляная пыль. Кроме того, теперь они начали болеть туберкулезом, который пришел на смену бруцеллезу «Дожили, – стали говорить в Карае, – теперь и на скотину перекинулись человеческие напасти». Муса тоже однажды высказал свое предположение: «А твой верблюд, Насыр, ей богу, пал от инфаркта»

Это по другому называется сердечной недостаточностью. Неспроста же он околеет в песках – просто упал и умер... Это инфаркт». – «Да нет, – возражал почему-то Насыр, но вяло, – сначала он стал быстро хиреть...»

Печать времени теперь лежала и на сивой кобыле Насыра. С некоторых пор она уже не могла жевать прошлогоднее слежавшееся сено – только приноживалась, но не брала.

– Вот и ты состарилась, голубушка моя... – Насыр похлопал сивую по холке. Та коснулась мягкими, теплыми губами его ладони, потом потыкалась в карман.

– Есть хочется, знаю... Да нету у меня корма, вышел весь. Вот поеду в Шумген, достану чего-нибудь... Бог даст, не пропадем... Эх, нету с нами Корлан – она бы придумала чего-нибудь. Она в Зайсане сейчас, старуха-то моя... А может, и в Семипалатинске. Сына Кахармана поехала повидать, понимаешь...

Разговаривая с кобылой, Насыр отвлекся от своих невеселых мыслей. Сивая негромко фыркнула. Насыр снова ласково потрепал ее по шее.

– Похудела, ох и похудела ты, голубушка... Вот привезу корма – поправишься... – Насыр помолчал. – Говорю тебе, а сам думаю: всё сено у нас тут перемешано с солью – разве будет с него толк, если оно разъедает нутро. У нас тут не осталось ни одной сытой скотины – все истощали, еле на ногах держатся. Зарезал недавно овцу, мясо аж синее... Да и какое это мясо – одно сухожилие. В другое время разве тронул бы я такую овцу? Ни за что бы не тронул... Помнишь ты нашего старого верблюда? Муса говорит: пал от инфаркта. Шутит он, хоть и горькая это шутка. Я-то знаю, голубушка, всё знаю. Просто трава в песках стала ядовитой – от этой травы внутренности гниют, у нас, в Карае, все верблюды пали... И всё это мы коммунизм строим, голубушка. Да только плевать я хотел на такой коммунизм! Вернули бы наших чистокровных лошадей, которые здесь водились раньше, вернули бы нашу золотую рыбу, вернули бы зверей, обитавших в камышах Сырдарьи, – помнишь такое время?

Насыр вышел из сарая.

Районное начальство было довольно тем, что женщины готовы переезжать в Шумген. Не было у него никакого желания доставлять продукты и топливо черт знает в какую даль: гнать машину ради какой-то мелкой горстки оставшихся людей. Теперь они быстренько слали машины одну за другой – семьи рыбаков принялись переселяться в Шумген. Насыр договорился с одним из шоферов, что завтра утром тот доставит их с Нурдаулетом – Насыр решил прихватить еще и Бериша – прямо к морю. Там, у воды, Насыр будет молиться.

Вечером же он отправился к Нурдаулету, чтобы дать знать о завтрашней поездке. Нурдаулет обрадовался:

– Дай Бог тебе здоровья, Насыр!

Старик накинул на него легкий чапан, который на днях пошила Жаныл.

– В честь чего такой подарок?

– Носи на здоровье – Жаныл приготовила специально к нашей поездке. А это платье для Кызбалы...

– Положу на видное место. Примелькается – вдруг да наденет... Когда едем?

– Бог даст, утром. Я договорился с хорошим шофером.

Сон Нурдаулета в эту ночь был беспокоен, он часто просыпался, прислушивался, когда стало светать: не идет ли за ним Насыр? Зато Кызбала спала на редкость спокойно, хотя обычно по ночам вставала и бродила по дому, разговаривая неизвестно с кем. Сегодня же ее дыхание было ровным.

С того дня, как он переселился к ней, она спит у окна в передней комнате. Она не забывала кормить Нурдаулета примерно так же, как не забывала кормить козу и собаку. Она оставляла пищу для Нурдаулета в той деревянной чашке, которую он когда-то вырезал своими руками. Поначалу Нурдаулет горько усмехался, что жена мало его отличает от козы или дворняжки, но, привыкший довольствоваться малым, смирился. Теперь он даже за это благодарил Бога! Он прекрасно понимал, что вины Кызбалы здесь нет никакой. Зато всё больше и больше чувствовал виноватым и греховным себя – не вообще, а по отношению именно к ней, Кызбале. Он понимал, что судьба человека неподвластна его воле. Не раз подушка, которую ему подарила Корлан, становилась мокрой от ночных слез, не раз его мысли ходили по замкнутому кругу: он родился под потухшей звездой, лучше бы ему вовсе не родиться, чем быть обузой для других. Разве мало принес я горя собственной жене? А сын мой Даулет – ведь и ты навеки ранил ее сердце своей смертью. За что мы так ее – нашу Кызбалу? Разве из ненависти? За что же ты, Аллах, всех троих нас сделал несчастными? На каждом из нас, получается, лежит печать твоего проклятия. Все трое мы, выходит, родились на свет только для того, чтобы всю жизнь свою мучить друг друга? Ты оставил меня без рук и ног – за что? Ни разу в жизни не гневил я тебя, был верным, жалким рабом – а чем ты мне ответил? Все больше я думаю: ты сам не ведаешь, что творишь со своими рабами. Сколько раз обращался я к тебе, сколько молил – но ты остался глух, не дал мне даже крупицы счастья. Вот о чем я плачу. За что же ты так беспощадно бьешь человека? Ведь он бессилен ответить тебе – он бессилен против твоего могущества! Где же твое милосердие? Каждая утренняя молитва твоих рабов начинается с того, что все вторят тебе: надо быть милосердным, надо быть милосердным. А где же твое милосердие? Если ты, карая человека, не отличаешь его от муравья – к чему эти молитвы, к чему эти поучения?

Такие разговоры с богом Нурдаулет вел не впервые. За сорок лет долгой жизни на острове Валаам он не раз мысленно отрекался от Бога, не раз проклинал его, но снова и снова возвращался к нему – виноватый, сконфуженный, с просьбами простить его. И Аллах, словно снисходя к человеческой слабости, посылал ему тихие, осмысленные часы и дни ясной, непоколебимой веры. И тогда Нурдаулет думал: все-таки милосерден он!

Какой-то его странной, почти необъяснимой потребностью стало прислушиваться к всхлипам и бормотаниям жены, доносящимся из дальней комнаты. Порою в этом бормотании Нурдаулет различал собственное имя. Корлан частенько успокаивала Нурдаулета: «Тебя и сына Даулета она не забывала никогда, до сих пор помнит ваши имена. Иногда я и сама слышала, как несчастная твердила: не умру, пока не увижу Нурдаулета... – Корлан вздыхала и добавляла: – Такое может сказать женщина, которая в самом деле ждет, в самом деле любит...»

Нурдаулет не понимал того, как это Кызбала может помнить его имя, но никак не может узнать его самого. О, если бы хоть на секунду прояснилось в ее голове, хоть бы раз ему услышать: «Вот и вернулся ты, Нурдаулет... Я же говорила, что не умру, пока не увижу, пока не дождусь!»

Зато с какой жадностью он слушал рассказы Корлан, пока жил у Насыра.

«После гибели Даулета, – начинала добрая женщина, – жена твоя слегла, потеряла память. Подняла ее на ноги Марзия. Если бы не она – как знать, может, и умерла бы Кызбала».

«К чему ты все это ворошишь! – перебивал ее на первых порах Насыр. – Придет время, он сам все узнает...»

«Да от кого же он узнает, как не от нас? – недоумевала Корлан. – Ты не думай, хоть и вернулся он калекой, а мужчиной как был, так и остался. Пусть знает всю правду».

«Рассказывай, Корлан. Действительно, кто как не вы? А насчет правды не бойся, Насыр. Я горя отведать не меньше тебя. Какой бы страшной ни была правда, а всё равно понимаешь – только она нужна. Так что не щадите меня – вы ведь это делаете не со зла. Никакой обиды, Насыр, не буду я держать на вас – никогда! Благородство ваше бесконечно. Бог проклял меня – этому обрубку тела было суждено умереть далеко от моря. Но вы, земляки, поняли мое горе. И забрали с того клятого острова. До скончания века я буду благодарить вас. А что касается Кызбалы... Каждое слово правды дорого мне... Ее уже не образумить... не вернуть уже сына... так пусть хоть рассказы эти звучат... Так что говори, Корлан...»

«И чего ты, Насыр, осторожничаешь? В конце концов я же не сплетни собираю – о порядочности ее хочу рассказать, о верности.

Кызбала получила похоронку, многие стали к ней свататься. Не обижайся на них – очень уж она была красивая, пригожая, да и ума не пожалел для нее Аллах. Редко сочетаются в женщине красота и ум. Если дает Бог красоту – то обделит умом, если умом не обидит – на красоту поскупится. А бывает, даст и то, и другое, да отнимет треть: добрый характер. А это великая вещь: и доброе дело, и худое рождается характером, так я думаю. Говорят – «шелковый характер». Простые вроде бы слова, а на самом деле в них запрятана глубокая тайна.

Так вот. Кроме ума и красоты, Бог наделил Кызбалу и характером. Ни одному мужчине не позволила она взять себя за руку. Уж не святая ли она, стали говорить все. И в самом деле, такая чистота дается только святым. А я скажу проще: тебя она ждала, Нурдаулет, только тебя...

И кто знает, не прогони из Караоя Марзию эти дурехи, бесноватые жены Откельды, – может, и излечила бы она травами Кызбалу... Может! Это знает теперь только Аллах...

Однажды я принесла Кызбале бульон. Она бредила. Марзия щупала ей пульс. Я под села. Марзия сказала мне откровенно: «Покойный Откельды, конечно, справился бы с ней. А меня не хватает...» Я тоже сказала ей, о чем думала: «Если бы сейчас вошел в дом Нурдаулет, к ней бы вернулся разум. Как ты считаешь?» – «Такое возможно. Таким людям сильные потрясения иногда идут на пользу – бывают случаи, Откельды мне рассказывал. Травами можно помочь только телу, травы не лечат душу. Кызбала однолюбка. У таких людей особенная психика...»

Разговаривая, мы с Марзией и не заметили, что Кызбала в это время подняла голову. Ее милое лицо пылало. Она внимательно смотрела на нас, беззвучно двигала губами. Потом заговорила: «И мужа моего, и сына моего Бог забрал к себе на небо. Но они вернуться... – Она помолчала, собираясь с силами, потом вскрикнула: – А я не умру, пока не вернется Нурдаулет!»

Мы с Марзией были поражены – настолько ее слова были разумными. Крикнув это, она упала на постель.

Марзия пощупала ей пульс: «Ничего страшного, жара уже нет...»

«Ты заметила – это она сказала как нормальный человек: и про Бога, и про Нурдаулета?»

“Мне тоже так показалось”.

“Может, сознание вернулось к ней?”

“Только на миг. А почему – не могу понять. Сознание человека – это сложная загадка...”

“Говорит, Бог забрал на небо. – Я не могла взять в толк. – Как же это получается, Марзия? Бог ведь забирает себе только души человеческие...”

“Отекен говорил, что и тело может забрать к себе Бог”, – ответила мне тогда Марзия.

Много лет прошло с тех пор – и вот получили от тебя письмо, Нурдаулет. Все мы в ауле и обрадовались, и удивились. А я вспомнила слова Кызбалы и теперь думаю: может, она ясновидящая?»

Калека Нурдаулет, слушая эти рассказы Корлан, со слезами на глазах повторял шепотом: «Не умру, пока не вернется Нурдаулет!»

– Сам бог велел ей сказать эти слова, – прибавил растроганный Насыр.

...Когда стало известно, что дом инвалидов на острове Валаам решено распустить, его обитатели крепко задумались. И было от чего. Для калек, которые провели на острове большую часть своей жизни, он стал родным. Куда бы отправились они теперь? Можно было представить, каким бы испытанием для них явилась смена жизни. «На войне мы были нужны, – стали роптать калеки, – мы за победу отдали руки и ноги, а теперь что: катитесь к чертовой матери? Почему так обращаются со сталинскими солдатами?» Старые, искалеченные войной бойцы задавали друг другу эти вопросы, но ответа не было. Можно было понять отчаяние стариков, их злые выкрики, хотя главврач успокаивал их как мог: «Товарищи, пожалуйста, без паники! Государство не бросит вас на произвол судьбы!» Но калеки не слушали его, всё вокруг наполнилось самыми невероятными слухами, самыми зловещими догадками. Молчали, не принимали участия в общих спорах и разговорах только он, Нурдаулет, и его друг Иван Дергачев, лежавшие на крайних кроватях, у стены. Иван воевал в дивизии Бауыржана Момыш улы, был полковым комиссаром – имел сдержанный, в чем-то даже и скрытный характер. Он тоже потерял ноги во время войны. Жена вышла замуж за другого, а он переселился на этот остров. Был у него сын, который иногда ему присылал праздничные открытки. Сын уже повзрослел, а у Ивана всё не хватало решимости повидать его. По окончании института сын прислал письмо. Писал, что собирается к нему. Ивана распирало от радости и гордости, он отправил сыну деньги на билет. Потянулись долгие дни ожидания. Каждый день бывший комиссар подкатывал на своей тележке к ограде и жадно вглядывался в пространство. Но пуста была дорога! Целый месяц они с Нурдаулетом дежурили у ворот – безрезультатно. Их приятель Сидор высказался прямо: «Деньги он твои, Ваня, получил и благополучно пропил. Если за твое здоровье – скажи спасибо. Не приедет, не жди. На кой черт мы им нужны – утки из под нас выносить?»

Комиссар ничего не ответил, хотя было видно – сильно изменился в лице, побледнел.

Вскоре получил он от сына второе письмо. Сын писал, что его планы нарушились – вынужден был уехать в Сибирь по институтскому распределению. «Так что не обижайся, отец, – извинялся он в конце. – Деньги я тебе обязательно верну с первой же получки...»

«Вернет? Как это вернет? – недоумевал комиссар. – Мы что же, чужие люди, чтобы возвращать долги?» Но слегка повеселел, всем стал объяснять: придет сын, вот только утрясет свои дела в Сибири. Сидор же вновь усмехался: «Не вернет он тебе денег, успокойся – совсем по родственному. Никогда не вернет, как и полагается у родственничков...» Нурдаулет вспылил: «Слушай, Сидор. Ты человек неглупый, а вот щадить чужое самолюбие не научился!» – «Самолюбие – хорошее дело. А я человек в самом деле неглупый – поумнел за те пять лет которые прожил среди них сразу после войны. Деньги, деньги и ничего кроме денег – и мать продадут, и отца за деньги, и собственное благополучие. Раньше был Бог, перед которым боялись грешить. Потом был Сталин, которого боялись как строгого отца. А теперь ни Бога, ни Сталина – ничего они не боятся. Они теперь свободные... – Сидор повернул гневное лицо к комиссару, как будто бы тот был виноват во всем этом. – Уж ты не обижайся, Ваня, а сын твой, по русски говоря, – подлец, и всё тут!» Комиссара, казалось, хватил удар. «Ты... ты что... – захрапел он. – Да ты...» Долго он после этого разговора не мог прийти в себя, его потянуло к уединению – рухнула последняя надежда комиссара, угасла. Нурдаулет же извлек для себя из этого горький урок: никому не надо сообщать о том, что ты жив, не надо им навязываться – плюнут в душу не задумываясь.

Вскоре после этих тяжелых дней на имя комиссара пришла посылка. Сроду здесь никто не получал никаких посылок, так что калеки были просто потрясены, когда в комнату внесли деревянный ящичек. Но когда комиссар прочитал обратный адрес, просиял. «Бауыржан! – воскликнул он. – Знаете от кого посылка? От Бауыржана Момыш улы!» Открыли в ту же минуту ящичек и зажмурились: комната мгновенно наполнилась ароматом алма атинского апорта! Прослышав про посылку, в комнату постепенно стекались другие калеки. Около месяца тому назад комиссар отправил легендарному полковнику письмо, в котором писал про казаха Нурдаулета. Полковник счел своим долгом откликнуться: прислал Ивану и Нурдаулету по книге, сопроводив свой дар коротким письмом. Это была книга Александра Бека «Волоколамское шоссе». Она пошла по рукам, ее прочитали в доме инвалидов практически все...

И вот теперь посылка. Комиссар забыл свою обиду на сына, с того дня на душе у него стало покойнее.

Однако кривотолки, слухи не утихали: разговор с главврачом не внес ясности в будущее инвалидов. Старые солдаты собрались писать письмо министру обороны, хотели отправить телеграмму Горбачеву. И хоть спокойнее стало на душе у комиссара, но тревога до конца не оставляла его. Как-то он сказал Нурдаулету: вот что: «Нур, хочу тебе посоветовать...» Он смолк, собираясь с мыслями, вернее подбирая слова, в которые мог бы облечь свой совет. Человеку непосвященному мало что говорили эти паузы, порой возникающие в разговорах между калеками. Однако в этих паузах, в этих заминках был большой смысл. Прожив много лет рядом, они хорошо знали характер друг друга, знали самые ранимые точки чужих душ и потому трогательно щадили самолюбие каждого. Бывало, что в полной безысходности они проклинали судьбу, проклинали даже Бога, но к соседу по комнате каждый из них относился бережно.

Комиссар помолчал и стал читать:

«Мы похоронены где-то под Нарвой,

Под Нарвой, под Нарвой,

Мы похоронены где-то под Нарвой,
Мы были и нет.
Так и лежим, как шагали попарно,
Попарно, попарно,
Так и лежим, как шагали попарно,
И общий привет!..

Вот лежу я на койке, как чайничек,
Злая смерть надо мною кружит.
А начальничек мой, а начальничек –
Он в отдельной палате лежит.

– Нур, – сердечно проговорил комиссар, – ты бы написал письмо своим землякам: рассказал бы им всё про себя, про эту жизнь. Они ведь не звери – неужто не дрогнут у них сердца? Тебе здесь тяжело – ты один из нас казах, и надо тебе вернуться к казахам... Даже мне захотелось к твоему морю, в аул этот – как он называется? Караой? Помрешь – похоронят в родной земле. Будут ходить на могилку и жена, и дети. А здесь ты чего?

– Думаешь, с объятьями встретят меня в Караое? Ведь я «пропавший без вести». Мне, как той собаке, лучше умереть, никому не показываясь на глаза. Как с тобой поступил сын? Точно так же и со мной поступит. Их вырастило одно время...

– Сравнил! Я – русский, ты – казах. Как бы мы себя не превозносили – мне кажется, хвалимся мы своей исключительностью только с той целью, чтобы не замечать собственных недостатков. Только на войне, кажется, преобразается русский человек. Тут он готов товарищу отдать последнее. А в мирное время забывает про все – кроме водки, конечно. Казахи еще не такие – они еще ухитрились сохранить что-то. Так что пиши, иначе здесь в самом деле затеряешься «без вести».

Под утро во сне громко и весело засмеялась Кызбала. Нурдаулет проснулся от этого смеха, удивленно смотрел на жену. Она прошла мимо него в ночной рубашке, бесшумно оделась и вышла из дому. Было уже светло. Нурдаулет стал собираться к Насыру, прислушиваясь к рокоту вертолета, который завис над Караоем.

Насыр сидел во дворе, строгал вчерашнюю палку. Вертолет сел недалеко от его дома. «Чего такое? – всполошился Насыр. – Или задумали всех оставшихся перевезти вертолетом?» Он стал вглядываться в людей, которые спрыгнули на землю, открыв округлую дверцу, и стали приближаться к дому. «Эге! Да это Икор!» – узнал одного из них Насыр. После смерти Мустафы Насыр впервые видел Игоря – раздавшегося в плечах, слегка пополневшего. Насыр встал, обнял его и, плача, стал бормотать:

– Умер Мустафа... Вот ведь как, Икор, умер...

Игорь ласково спросил:

– В дом, Насыр ага, да?

– В дом, в дом... – кивнул Насыр, жестом приглашая всех остальных. – Твоя тетушка Корлан гостит у Кахармана – совсем извелась. Говорит: отпусти, съезжу, посмотрю на сыночка, на сердце у меня неспокойно. Собралась, поехала. Вот Жаныл нас теперь кормит... А на похороны не мог приехать, простит меня Мустафа – сам слег, два месяца валялся в больнице...

– Слышал я, Насыр ага, подчистую переселяют Караой в Шумген...

– А я не желаю! – Насыр нахмурился. – Так и останемся тут куковать вместе с Мусой...

– Не годится это, – возразил Игорь. – Надо переезжать, нельзя вам тут оставаться одним. А случится что – кто поможет? Теперь в регионе погода меняется каждый день – трудно ее прогнозировать, так что еще непонятно, какие опасности всех вас здесь подстерегают...

В душе Игорь кричал: «Ага! Как можно быстрее надо убираться отсюда! И даже не в Шумген, а на Зайсан, к сыну!»

Но, зная упрямый нрав старика, знал, что не существует для него никаких разумных аргументов.

– А вы здесь зачем? – спросил Насыр.

– Делаем аэроснимки. Вид моря, так сказать, сверху. Давно не видел вас, решил – залечу...

– Как Лена? Сергей?

– У них все нормально. Поженились, свадьбу отгуляли.

– Дай им бог счастья да здоровья. Скажи, что Насыр помолится за них.

В это время через порог стал переваливаться Нурдаулет в своей коляске. Игорь впервые видел его. Насыр их познакомил. Потом спохватился:

– А подбросьте-ка вы нас к морю, Икор? Сорок лет не видел его человек! Пусть хоть к концу жизни посмотрит, пусть море благословит его...

– Никаких проблем, Насыр ага! – озорно улыбнулся Славиков. – Только в ответ обещайте мне погостить у нас на Акеспе. Идет?

– Да благословит тебя Аллах! – обрадовался Нурдаулет.

– Чего же тогда сидеть! – засобирился Насыр. – Полетели! Бериш, поторопись!

– Ау, Насыр, и меня возьмите, – взмолилась Жаныл, разливавшая гостям чай.

– Я тоже сто лет не видела моря... Внучку мне собрать – пять минут...

– Тогда все к вертолету! – приказал Игорь.

С высоты Нурдаулет увидел – от моря осталось только название. Комок подступил к его горлу: вот она, неистощимость зла, творимого человеческими руками!

Спустились ниже, к самой воде. Море, ныне представлявшее из себя насыщенную соляную жижу, как будто было не в состоянии шелохнуться, шевельнуться даже рябью, не то что волной.

Потом они полетели вдоль русла высохшей Сырдарьи. «Сколько же лет вода этой реки не вливается в море? – подумал Нурдаулет. – И сколько лет из искусственного водохранилища Чардары драгоценная вода бесполезно уходит в песок?»

– Что натворили, собаки! – закричал Насыр, перекрывая рокот вертолета. – Столько лет Мустафа твердил – не нужно это водохранилище, не нужно! И хоть бы кто-нибудь задумался!

– В Узбекистане, Туркмении и Таджикистане точно такие же водохранилища!

– прокричал Игорь в ответ. – И там вода уходит в песок без пользы!

Насыр часто закивал головой, давая понять, что расслышал его.

Вскоре Насыр толкнул Нурдаулета в бок: посмотри, мол, чуть правее. Яркий полумесяц, отражаясь в лучах солнца, блестел на куполе могилы. Нурдаулет молитвенно поднял культияпки к лицу.

– Могила святого Иманбека! – прокричал Насыр. – Ближе бы, да нельзя! Здесь военная зона под сильной охраной. А подальше – космодром!

Жаныл что-то шептала и тоже проводила ладонями по лицу. Вертолет стал поворачивать к острову Акеспе.

– Скажи, Насыр, – прокричал Нурдаулет, – что за новый обычай такой: оставлять на могилах детские колыбельки? Никак не могу я это понять.

Насыр стал разъяснять:

– В последние годы у нас тут сильно подскочила детская смертность. Когда хоронят ребенка, бесик* не оставляют дома, чтобы не умер следующий ребенок..

Жутко стало у Нурдаулета на душе, он зло выругался:

– Жил бы я лучше в своем закутке, ничего не зная, чем слышать такое! Мы – великий советский народ. А кругом нищета, озлобленность, заброшенность, первобытная дикость... Не народ мы – мы дерьмо!

Царь проснулся в страхе, испуганно огляделся. В шатре он был один. Исчез тот джигит из Сыра. Царь протянул руку к кубку с вином, что стоял у изголовья, и жадно отхлебнул. Потом начал пить взахлеб. Руки его дрожали, вино лилось на грудь, на постель. Но джигит, которому он приказал выколоть глаза, не шел из головы. С тех пор этот джигит снился ему шесть ночей подряд. В седьмую ночь джигит с реки Сырдарья приставил к горлу царя меч. Царь вскрикнул и проснулся – его бил холодный озноб. Воины ринулись в шелковый шатер с обнаженными мечами, чтобы схватить врага. Царь дрожащим голосом приказал созвать визирей. Они пришли тотчас же. Царь рассказал им свой сон. Главный визирь промолвил после долгого раздумья: «Царь, этот воин был святой. Надо немедленно отправить к нему людей с богатыми подарками. Пусть возведут над его головой роскошную юрту. Надо дать ему много скота, а в жены нашу красавицу Гульшахру».

Так и было сделано. На другой день на Сырдарью отправили юрту из восьми кереге, всю украшенную золотыми шнурами, табун лошадей и красавицу Гульшахру. Иманбек встречал посланцев царя у своего скромного, бедного жилища, которое справил ему Асыркок. Выслушав посланцев, Иманбек приказал: скот раздать бедным. А юрту с золотыми шнурами он подарил верному Асыркоку. Красавице же Гульшахре сказал: ты свободна! Гульшахра, пораженная его благородством и мудростью, спешила с коня и упала на колени перед джигитом. «Иманбек батыр, – молвила она, – спасая друга, ты пожертвовал своими глазами. Я же готова ради тебя пожертвовать своей жизнью. Не мила мне свобода. Позволь мне остаться твоей женой!»

«Нет», – ответил джигит.

«Позволь остаться другом».

И того не позволил джигит.

«Тогда служанкой».

И в служанки не хотел он ее.

«Хоть робкой тенью».

«Нет».

«Я буду палкой в твоих руках, Иманбек!»

Но молчал джигит.

И упала тогда Гульшахра совсем низко к его ногам, и зарыдала.

* Детская люлька.

«Буду сестрой тебе, Иманбек! Только не прогоняй меня, брат!»
И только этому желанию ее не смог воспротивиться Иманбек. Поднял он ее с колен.

«Выгружайте мое приданое!» – приказала Гульшахра.

«Отправь назад свое приданое, сестра!»

«Почему, брат?» – удивилась Гульшахра.

«Нам не надо приданого. Юртой нам будет синее небо, а постелью – золотой песок Синеморья!»

«Я согласна, брат!» – Гульшахра склонила свою прекрасную голову перед ним в низком поклоне.

С того дня царь стал спать спокойно, но до самой смерти своей, однако, ощущал на своем горле холод клинка.

В тот самый миг, когда Иманбека лишили глаз, он стал чувствовать в себе нарастающую невероятную силу. Когда Асыркок обмывал ему лицо прохладной, чистой водой Сырдарьи, вдруг услышали они непонятный гул. Через мгновение он был такой мощный, что люди, не выдержав, зажали уши и попадали в песок. Тогда с неба послышался ясный голос. «Встань, раб божий Иманбек! С этого дня я дарю тебе небывалую силу. Будь осторожен теперь: держись подальше от мирских радостей, избегай женщин, не прикасайся к вину. Но держи открытым свое сердце, совершай пятикратно молебны и не уставай мне поклоняться. Я дал тебе силу, способную подчинить себе молнию».

Вскоре с верным другом Иманбека случилась болезнь. Иманбек был в отчаянии. И снова тогда ему сказал тот же голос: «Ты способен подчинить себе молнию. Прикажи ей – и друг твой выживет».

Иманбек отошел от постели бредящего храброго джигита Асыркока. И в это самое мгновение плечи Иманбека затряслись, в горле у него заклокотало. Он был в экстазе.

С губ его стали слетать заклинания.

Я – шаман, я – царь всех шаманов.

Я – наследник шамана Каралбая,

Я живу в самом центре Синеморья –
царского моря,

Я слышу царем всех шаманов.

О мой дед Каралбай шаман,

Камлавший кругом в верховьях Сырдарьи,

Подойди поближе и побеседуй!

Дай мне бодрости и силы,

Дай мне мужества, о мой дед!

О мой дед, камлавший кругом у Синеморья!

Иманбек призывал на помощь своих предков, он обращался к ним за помощью и поддержкой.

Хозяева земли и воды –

Это вы, мои медно желтые братья!

На миг перестал заклинять и приказал сестре: подними моего друга с постели, переложу его к той стене! Кобыз в его руках продолжал играть и петь голосами разных зверей.

Духи Синеморья, где камни сверкают, словно шары и бусы!
 Давайте отыщем пропавших и поведем беседу!
 Духи Синеморья, где камни сверкают золотом и серебром!
 Давайте ухаживать за больными, идите ко мне!
 Вижу вас, мои духи!
 Они плавают в черной воде,
 Они скачут на хариусах.
 Они, кутаясь в тину,
 Скачут на веселых мальчиках.
 О мой родитель небо, владыко!
 Еще раз, о владыко!
 О мать моя земля! Помилуй меня!
 Я шаман – могу и умереть, и пасть в обморок!

Гульшахра плотно прикрыла верхний полог юрты, крепко прикрыла дверь. В агонии метался друг Иманбека – красивый и храбрый джигит Асыркок.

Каким он стал жалким, больной мой друг,
 Лишь осталась тень от него, оой оой.
 Отчего она убегает?
 Гонитесь за ней!
 Летите быстрее стрелы, оой оой!
 Быстрее пули,
 Пока не дошла она до губельного места, оой оой.
 Захватите ее, поймайте, приведите сюда, оой оой.
 Будь добро, мое Синеморье,
 Сбереги друга, Синеморье,
 Верни ему жизнь, Синеморье!
 А мне силу дай новую, Синеморье!
 Курай! Курай! Курай!

Глаза Иманбека в темноте полыхали неистовым огнем, он бешено пританцовывал, продолжая выкрикивать ему одному известные заклинания. Храбрый джигит Асыркок метался в постели, корчился, словно бы призванные Иманбеком духи уже вырывали из его тела болезнь, словно бы она всячески противилась.

Вот оно, бешеное море, явилось;
 Что же будем делать, крылатый?
 Распусти крылья
 И с молитвою обратимся.
 Я – шаман Иманбек, сын шамана Каралбая,
 Прошу добра у благодетеля,
 Своим камланием прошу милости,
 Уйди, смерть, уйди совсем!

И только он произнес последние слова, из за горизонта показалось вдруг маленькое облачко и стремительно полетело в сторону юрты Иманбека. Загремел гром. Трижды ударила молния по юрте Иманбека. Иманбек вскочил с колен, открыл дверь – и в пустую постель мгновенно ударила молния. И тогда в противоположном углу юрты встал совершенно здоровый джигит Асыркок, подошел к Иманбеку и обнял его.

...Вскоре вертолет приземлился на острове Акеспе. Насыр с Беришем посадили Нурдаулета в легкую лодку и втроем вышли в море.

– Здравствуй, священное море! Вот и дождался я минуты, когда снова вижу тебя! Насыр, брызни-ка мне в лицо водой! Да побольше зачерпни, не бойся! – шептал Нурдаулет.

Лицо Нурдаулета раскраснелось, глаза его были прикрыты, по лицу текла морская вода. Насыр взял в руки палку, которую тщательно строгал все эти дни, оперся на нее ладонями и грудью и принялся читать молитву.

Бисмиллахи рахмани иррахим!

Эй, раббим! Преклоняемся перед тобой, верим в твоё могущество и низжайше просим милости твоей. Сделай же наши помыслы чистыми, наш труд праведным и направь на путь истины, дабы не блуждать нам в дальнейшем!

Ей, раббим всевышний! Ты сотворил небо и украсил его облаками, и дождем, и чистым воздухом, и ветром; ты украсил землю множеством трав, цветов, множеством садов. По твоей милости из каменных недр просочилась вода; вода превратилась в пар, поднялась над землей и пролилась дождем, чтобы снова взошла трава, выросли плоды, и все на земле вновь обрело жизнь: иссохшие деревья снова распустили почки, снова из них взошли листья и зашумели на ветру, посланном тобой. Владыка неба, солнца и луны! Верю в тебя бесконечно и умоляю: пошли нам большой ливень, пошли нам воды, упаси и землю, и людей от жажды. Не забудь о нас, рабах твоих, избавь свой народ от страданий, благослови и помилуй нас, ниспошли на нас свою милость. Услышь молитвы наши и помилуй нас, Боже!

Не отрывая взгляда от неба, Насыр промокнул платком вспотевший лоб. Трое людей в лодке – юноша и двое старцев – безмолвно глядели в небо, туда, куда улетела молитва Насыра. Мысли Нурдаулета прервал шорох песка, бьющегося о днище лодки. Лодка ткнулась в берег, и тогда Нурдаулет торжественно, как заклинание, изрек:

– Пусть милосердие Аллаха к нам будет прежним!

Лена и Сергей встретили Насыра тепло, как родного отца. Тут же стали хлопотать вокруг него, выставляя на стол съестное.

– Молодежь-то тебя как почитает, Насыр! – удивлялась Жаныл.

У Сергея нашелся подарок для Бериша. Он нырнул в палатку, вытащил гитару.

– Держи, это то, что ты просил...

Бериш засмутился. Сергей сунул ему гитару в руки:

– Все ребята в твоём интернате умрут от зависти. Ну-ка, покажи, что умеешь...

Молодежь села в кружок, Бериш стал настраивать инструмент. Насыр тем временем решил отправиться на берег, чтобы прочитать вечернюю молитву. На берегу долго протирал глаза платком, опустившись на колени. В последнее время глаза у него стали сильно слезиться. Сзади тихо подошла Жаныл, вздохнула:

– И здесь тоже все захирело... Я помню по молодым-то годам: долго здесь зелень держалась...

– Всё умирает в нашем краю, Жаныл: и человек, и земля.

– Да, было бы живо море – хорошо бы мы жили...

Насыр встал и долгим взглядом оглядел безмолвную гладь.

– Что будешь делать, Насыр? Переезжать?

Но старый рыбак не услышал ее вопроса. Мгновенно перед его глазами возникло другое море, море его юности. И тут же в уши ударил шум сильного прибоя, с которым он пробуждался в далекие годы каждое утро. «О благословенные волны, – подумал он, – услышу ли когда-нибудь еще ваш гул? Доживу ли до этого священного дня? Какой бы сладкой, какой бы желанной мне показалась жизнь, если бы снова однажды проснулся я под шум прибоя!»

Насыр вскоре очнулся от своих дум, помолился и вернулся к молодежи. Он с интересом посмотрел на Бериша, который ладно перебирал гитарные струны и негромко пел:

Зачем ты, домбра, так рано о смерти?

Зачем ты, струна, кружишь черные вести?

Неужто не жаль вам доброго друга,

Который печален в земном круге?..

Тем же днем, спустя некоторое время после того, как Нурдаулет, Жаныл и Насыр погрузились в вертолет, в Карае случилось событие, окончательно подвигнувшее охотника Мусу к переезду в Шумген.

Подъезжая к дому, он еще издали услышал причитания старухи, которая металась по двору:

– Увели, черти окаянные! Кобылу Насыра увели! Прямо тут же и пронюхали, что никого нет в доме, – и к сивой! Поворачивай назад, Муса! Вон табун-то! Видишь?

Муса поскакал к табуну. Ему был виден предводитель – огненный жеребец. Рядом с ним стояла кобыла Насыра. «Давненько я тебя поджидал! – забормотал Муса, на ходу снимая с плеча двустволку. – Ох я тебя сейчас, дорогой!» Муса с ходу влетел на своей лошади на холм. Табун, нетерпеливо перебирая ногами, стоял поодаль от Огненного. Жеребец любовно обхаживал насыровскую сивую, но не на него сейчас смотрел Муса. Вдруг он увидел своего когда-то увиденного скакуна. Он, как показалось Мусе, в какой-то нерешительности стоял между табунном и любовной парой и глядел в сторону Мусы. Муса оторопел – сердце его рванулось к скакуну, скакун, будто угадав чувства прежнего хозяина, призывно заржал. Огненный оставил кобылу Насыра и тоже повернулся к охотнику. Муса медленно опустил ружье. Огненный зорко и вместе с тем нахально следил за охотником. «До чего же красивый и гордый!» – восхитился Муса. В свою очередь Огненный был полон ненависти к охотнику и, наверно, думал в это мгновение: «А, старый мой враг – вот и опять мы встретились». Глаза его горели злобой. Но в ответ душа Мусы вдруг стала полниться жалостью. «Почему я должен мстить

ему только за то, что когда-то он увел у меня скакуна? Допустим, сейчас ты сумеешь обротать его. Но что ты с ним будешь делать? Зарежешь для собственной пользы или сдашь на мясо? – Муса не мог ответить сейчас ни на один свой вопрос. – Опомнись. Не нужен тебе скакун. Ты сам еще не знаешь, как сложится твоя жизнь. Ты решил уехать из Караоя. А в Шумгене, думаешь, приживешься?»

Между тем Огненный ударил несколько раз копытом о землю и стал легкой рысцей приближаться к охотнику – забирая вбок, чуть вправо.

Бывший скакун Мусы предупредительно заржал. Огненный остановился – резко, как вкопанный; из под копыт его ударила белая пыль.

И дальше с Мусой стало твориться что-то непонятное. В ушах его зазвенело, и он услышал: «Эй, Муса, тебе ли не знать, что такое свобода?! Шел бы ты своей дорогой, не путался здесь. Скоро ты уедешь в город, к сыну Жарасбаю, и вскоре там же умрешь. Что тебе еще надо? Зачем тебе скакун в городе? Да и не дастся он тебе в руки – он понял, что такое свобода, и не променяет ее теперь ни на что! Иди своей дорогой, глупый ты человек...»

Муса мог бы поклясться, что всё это говорил не кто иной, как Огненный. У охотника закружилась голова, потемнело в глазах, и что дальше творилось с ним – он уже не мог припомнить. Упал он со своей лошади или спешил сам? На мгновение очнулся: собственными руками снял с коня серебряное седло и теперь уже разнудывал коня. «Что это со мной происходит? – подумал он, медленно валясь на горячий песок. – Уж не напекло ли голову?»

Его скакун подошел к хозяину, тронул мягкими губами сначала ухо, потом открытую шею. Огненный стал уводить табун за барханы: он ржал, он прощался с Караоем навсегда, как будто бы зная, что с этого дня в ауле не осталось больше ни одной лошади и незачем будет ему водить сюда свой табун.

«Эх, Муса, – послышался охотнику голос, – не хватило у тебя духа выстрелить в красавца. Ты проиграл, Муса, жизнь покидает тебя, тают твои силы...» – «Нет же! – возразил голос, знакомый по первому разу. – Ты победил, Муса! Впервые ты прислушался к Богу, который у тебя в сердце! Будь же таким чистым теперь Всегда!»

Муса обнаружил, что это он сам с собой разговаривает вслух. С трудом открыл глаза, не понимая, сколько времени прошло. Было уже темно. До слуха его донесся топот копыт – как будто бы конских. Он протянул руку и нащупал ружье, спугнув ящерицу. Рядом валялось серебряное седло. Тогда Муса вспомнил, что произошло с ним. Его стало тошнить, он поднялся, отошел в сторону. Рвало его долго – кружилась голова, всё тело горело. Топот приближался. Он понял – это табун сайгаков. Если не посторониться – затопчут, разорвут копытами в клочья. Он нажал оба курка. Стадо вильнуло в сторону, несколько мелких особей, видимо, напуганных, упали, кувыркнулись вперед через головы. Муса побрел к аулу, волоча по песку ружье. Было темно. Вдруг выглянула из за туч на какое-то мгновение луна, в ее слабом свете блеснуло оставленное серебряное седло. По нему юркали быстроногие ящерицы.

Прощай, серебряное седло! Не раз нам придется вспомнить тебя! Не раз нам еще придется сквозь слезы вглядываться в даль времени – и безнадежно, безнадежно! Будущее нам объяснит: оставляя сейчас блеснувшую

под лунной ценностью на милость песка, мы разрываем цепь времен. Муса, ты отец! Ты не передал это седло сыну. Его покроет белый белый песок, и с этой минуты станет ясно: умер народ. И не останется тогда людей, с которых можно было бы поименно спросить за это чудовищное злодеяние! Прощай, серебряное седло, прощай!

Последними из Караоя уезжали Муса и Жаныл. Насыр вышел, чтобы проститься со старым другом. Они не говорили много – всё было понятно без слов. Муса лишь вздохнул:

– Раньше дети искали защиты в родительском доме, теперь же родители просятся в дом к детям, вот ведь какое недоразумение вышло, Насыр... Хотел, чтобы похоронили меня здесь, да видно, не выйдет. Нет у меня больше сил оставаться, ей богу, нет. Устал. Живешь и потихоньку превращаешься в зверя: глядя на эти солончаки, на это мертвое море, на этих голодных тварей в песках, которые готовы разодрать тебя в любую минуту...

Насыр лишь молча кивнул в ответ – он понимал Мусу. Караой теперь был совершенно пуст. В нем остались лишь Насыр с Беришем да Нурдаулет с Кызбалой. Они тоже ждали машину со дня на день.

Насыр почему-то побрел вверх к кузнице, где порой стучал по наковальне Муса. Теперь этих звуков не услышишь никогда. Молчит кузница, молчит глухой, мертвый аул. Лишь в доме Кызбалы раздается как будто бы плач, слышны какие-то частые всхлипывания. Э, не всё ли равно теперь?

За окном пронзительно свистел испепеляющий ветер. Наступало время царствования в этих краях долгой, изнуряющей бури Карабас – Черная Голова. В это время года она неделями свирепствует на побережье, сжигая смертельным дыханием всё живое на своем пути.

«О Аллах, спаси нас, одиноких в песках, – бормотал Насыр, глядя в окно, прислушиваясь к вою разгулявшейся стихии. – Смилуйся над нами!»

XIV

Прошло больше месяца с того дня, как Корлан приехала на Зайсан, а долгого, обстоятельного разговора с сыном у нее так и не получилось. И хоть вздыхала она и сокрушалась, а порою и ворчала, но понимала и Кахармана. Все дни он пропадал на работе, а выпадал свободным денек другой – принимался с Семеном на пару за ремонт дома, который выделили ему в колхозе. Да и Айтуган торопила его в письмах – писала, что устала с детьми от одиночества, неустроенности...

Кахарман и сам устал. В сущности, ему давно всё осточертело. Не оставляло его изнуряющее ощущение: не ладится у него жизнь, никак не ладится. А ведь было время, когда раскинувшаяся перед ним жизнь казалась прекрасной: в далекие шестидесятые, после окончания института...

Теперь он исыяк. Стыд обжигал его изнутри, когда он думал о себе – неудачник, слабак, а может быть, просто на просто дурак. Жизнь была проиграна, и если бы было возможным умереть от того жгучего стыда, которым терзалось его самолюбие, – он бы не задумываясь исчез с лица земли. Наверно, была в этом новая логика: ведь исчезло же с лица земли море, без которого он до сих пор не мыслит себе жизни, ведь разнесло по свету его народ – что такое его жизнь по сравнению с этой огромной трагедией?

В самом деле на него давила не столько его личная неприкаянность, сколько абсурд того, что ему открылось в последние годы. Оказывается, в Стране Советов конкретно один человек не нужен никому – стране нужны «советские люди». Меньше – больше – это не важно. Стране нужна серая масса исполнителей: на место раздавленного Петрова поставят Иванова, на место Иванова – Сидорова. Ну разве не унизительно жить в таком государстве мало мальски мыслящему человеку? Унизительно! Ведь на мыслящего человека давят не столько частные мерзости, сколько общий принцип, из которого эти мерзости вытекают. И разочарование мыслящего человека, страдание его, ужас – глубже, трагичнее тех же чувств в обыкновенных людях. Даже старая, чуткая Корлан мало что поняла своим сердцем в сыне. Отдаленно чувствуя неладное, она в душе молила бога о его благополучии. Но если бы спросили ее, в чем же истоки неблагополучия ее сына и чего ему надо, чтобы стать в этой жизни ну если не счастливым, то хотя бы довольным – не ответила бы внятно Корлан. Она не знала.

Когда в отремонтированном доме осталось покрасить окна и пол, Корлан за-собиралась в Семипалатинск. Она не стала слушать Кахармана, убеждавшего ее в том, что перевезет Айтуган сам, что лучше ей отдохнуть. Корлан была упряма, хотя только только поднялась после болезни: снова на Семипалатинском полигоне взрывали, три дня она пролежала с резко подскочившим давлением. Помогли травяные настои Марзии, которыми она частенько лечила Семена Архиповича. Марзия тоже стала отговаривать ее от дороги: «Перебой у тебя в сердце. Не повредила бы дальняя дорога, а?» Корлан возражала: «Да как же там Айтуган одна будет собираться? Чего я здесь? На сыночка нагляделась, на невестку теперь посмотрю да на внуков...» – «Поезжай тогда, – согласилась Марзия. – Я тебе в дорогу травки приготовлю: и там ее пей, если что...» Тогда Кахарман махнул рукой.

– Сначала свожу вас, мама, на Чингистау – давно вы просились в родные места. А уж потом можете трогаться к Айтуган.

Корлан согласно закивала головой, Марзия тоже, после чего две почтенные женщины отправились пить чай. Они были дружны с тех самых пор, как Откельды привез Марзию в Караой совсем молоденькой девушкой. Здесь, на Зайсане, они все свои дни проводили в душевных разговорах: говорили о близких и знакомых, вспоминали прошлую жизнь. И разговорам этим не было конца. То, что не рассказывал матери о себе молчаливый Кахарман, она потихоньку выведывала у Марзии. С первых же дней осторожно, как бы невзначай, стала направлять Марзию к тому, чтобы та рассказала, как к сыну относятся здешние люди: не хулят ли за глаза? Добрая улыбка трогала губы Марзии: маленькие эти хитрости женщины прямой и откровенной, какой была всегда Корлан, забавляли Марзию. И отвечала: «Корлан, дорогая! Очень он хороший человек, Кахарман. А в этих краях людей умеют ценить. Он не был здесь чужаком, люди сразу приняли его; обогрели как могли. Это может подтвердить и Семен. Семен сразу пустил его к себе в дом, а в колхозе предложили ему хорошую должность. Но он отказался: поработаю – а там оцените по достоинству. Может, и не сгожусь, сказал он, чего же торопиться? Его ценят сейчас все – и простые люди, и начальство. Много он сделал для колхоза, очень много через своих московских друзей...»

И Марзия начала перечислять добрые дела ее сына. Но Корлан остановила ее, она нисколько не сомневалась в словах Марзии.

«Поговаривают, что Кахарман стал выпивать. До нас тоже доходят эти слухи...»

Она выжидающе смотрела на Марзию. Марзия решила ответить немедленно, чтобы паузой не усугублять тяжести этого разговора, возникшего между ними: «Э, Корлан! Собака лает – караван идет. Всегда найдутся сплетники и завистники на хорошего человека... Трудно в наше то время встретить мужчину, который бы не выпивал...»

И снова Корлан перебила ее досадливо: «Будто ты не понимаешь, о чем я спрашиваю!»

Тогда Марзия ответила: «Корлан, я хочу тебе сказать по праву человека, который лучше знает, что это такое – скитаться, бросив родные места, без работы, которой отдавал душу. Сердце у человека не камень – знала бы ты, как я плачу по ночам, вспоминая наш Караой. Другой бы давно сошел с ума, а мы как видишь – живы, хотя должны умереть, умереть!»

Она посмотрела куда-то вдаль сквозь слезы и сказала совершенно спокойно и даже рассеянно, будто это было решено для нее и для Кахармана давно: «Да, умереть. Судьба нашего несчастного моря не оставила нам другого пути. Ты знаешь, как ему больно, Корлан?! Ты знаешь, сколько уже лет он носит черный, тяжелый камень в своем сердце?! Еще бы ему не пить!»

Так ответила Марзия, и больше с Корлан они об этом не говорили.

Странные эти слова Марзии, произнесенные ею будто бы даже с какой-то угрозой, с какой-то отчаянной мстительностью, не шли из головы Корлан. В Семипалатинске, помогая Айтуган собираться, она вдруг замирала с какой-нибудь плоской в руке, и всё повторяла про себя: «Судьба нашего несчастного моря не оставила нам другого пути!» – краешком какого-то темного, смутного чувства понимая, что эта страшная, угрожающая фраза имеет прямое отношение к Кахарману, – но какой, она не могла взять в толк.

Было ясное, солнечное утро. Корлан подошла к окну и, вся освещенная солнечным светом, который показался ей сегодня каким-то пронзительным, вдруг вскрикнула – она вдруг поняла всё про Кахармана! Она поняла всё про своего ненаглядного сына!

Солнечный свет ударил ей в глаза, и в глазах у старой матери почернело.

– Апа! – бросилась к ней Айтуган. – Апа, что с вами?!

Она помогла Корлан дойти до дивана, усадила.

– Не пугайся, доченька... Что-то нехорошо... – Корлан погладила руку невестки. – Сейчас пройдет... Прилягу... Тяжело мне сидеть...

Айтуган подложила ей под голову подушку. Корлан прикрыла тяжелые веки и успела подумать: «Травки бы... Марзия что дала...» И провалилась куда-то в темноту.

Нет, не в темноту. В яркий солнечный свет, который бывает только в детстве, в запахи трав, которые волнует голубой голубой ветер лета.

Она идет по высоким травам Жидебая и видит, как лошади тянутся к реке Караул. За ними бегут жеребята, высоко в небо летит их звонкое ржание. Маленькая девочка Корлан идет по травам Жидебая – бездонное небо, бескрайняя степь... Как необъятен этот мир! Что за простор, думает она. Какая свобода!

...Под самое утро в небольшом ауле под Баканасом раздались крики: «Убили Шакарима! Шакарима убили! Вставайте!» Перепуганные люди

выскочили на улицу. В самом центре аула остановилась арба. Люди плакали. Их любимый поэт был мертв. Он лежал лицом вверх в арбе – глаза его были открыты. Перед арбой появился начальник местного НКВД Карасартов, поднял вверх наган. Люди шарахнулись.

«Испугались? – загоготал Карасартов. – Ну и зря! Не меня надо бояться, а вот таких мерзавцев! – Он ткнул наганом в мертвое тело Шакарима. – Знаете, кто это такой? Это главарь банды, которая выступала против Советов, которая баламутила в аулах народ!» – «Дедушка!» – вскрикнула Корлан. – «Даже глаза не прикрыли – срам-то какой ему так лежать!» – прошептала мать. – «Шакарим – главарь банды? – изумленно проговорил отец. – Да он и слыхом не слыхивал, что у нас тут в аулах делается: жил себе в горах, один со своими книгами, тихо... Какая банда? Или этот млиса спятил?» Мать, прижимая Корлан к себе, зашептала отцу: «Молчи, беду накличешь!..» – «Чего смотрите на меня как бараны? Вышел бы кто-нибудь прикрыть глаза вашему любимому шарлатану: кто смелый?» – продолжал веселиться Карасартов.

На горстку людей, в страхе плотно прижавшихся друг к другу, были направлены винтовки милиционеров и солдат, которых бросили на подмогу начальнику НКВД.

Никто в толпе не шевельнулся. Шаг – и пуля в лоб. Это знали все. Всякий убитый числился затем в отчетах как бандит из банды – да и кто в то время спрашивал про невинно убитых?

«Боитесь? – не унимался Карасартов. – А еще били себя в грудь: “великий род Ыргызбая”! Надо же! – Он выстрелил несколько раз в воздух. – Вперед!»

Мать, чуть подталкивая впереди себя Корлан, шагнула к арбе. Всё ближе лицо дедушки, всё ближе худое, посеревшее лицо любимого дедушки.

Совсем недавно, неделю назад, он приезжал домой за кое-какой провизией. Корлан сидела у него на коленях, а он шутливо зарывался лицом в ее волосы и всё бормотал: «Ну и сладенько внучка моя пахнет. Словно медок золотой... словно медок...»

«Видит сейчас что-нибудь дедушка или нет? – думала девочка. – Нет, он ничего не видит, тогда бы мертвым не закрывали глаза». – «Ата, ата...» – это рыдающий голос матери. Девочка не видит следов крови на лице, пуля, наверно, попала ему в грудь.

Мать подтолкнула девочку, Корлан принялась закрывать глаза Шакариму: «Спи, дедушка...» Ей показалось, что он шепнул: «Спасибо, внученька... медок мой золотой».

Карасартов мановением руки смахнул ее с арбы. Девочка упала спиной на землю. Молодые – конопатые, голубоглазые – солдаты громко засмеялись. Она не понимала, почему они смеются...

Да, тогда, в тысяча девятьсот тридцать первом году, они, не люди из НКВД, убили Шакарима в горах.

Карасартов дал знак – арба тронулась. Тридцать лет никто не знал, где было брошено тело мертвого поэта. Это стало известно в тысяча девятьсот шестьдесят первом году – его тело убийцы бросили в далекий степной сухой колодец...

...Баканасские горы... В казахской степи начался Великий голод – равнина Жидебай наполнилась трупами...

Если бы не Насыр, который привез ее к морю, если бы не море, в котором тогда было видимо невидимо рыбы, ей бы не жить на белом свете. Она стала взрослеть на берегу священного моря. В те годы морской прибой можно было слышать из окна отчего дома Насыра. В первую брачную ночь, когда в Карае только только начало светать, Насыр повел ее к морю...

Босые ступили на морской песок... Звуки их шагов тонули в его ласковой, мягкой влажности... Они столкнули лодку, и Насыр стал грести. Он решил в этот тихий, прекрасный час рассвета покатать молодую жену. Вскоре к их лодке присоединились две огромные рыбины, наверное, они оберегали молодоженов в их свадебном путешествии. Это были Ата Балык с рыбой-Матерью.

– Что за красота! – думала Корлан и не могла понять, думала ли она тогда, совсем молоденькой девушкой, или думает это сейчас, когда пролетело столько лет, когда она одной ногой стоит в могиле?

– Апа... Апа, что с вами? – откуда-то издалека доносился до ее обморочного сознания голос; голос вроде бы знакомый... до боли знакомый, потому что он каким-то образом был связан с Кахарманом... с Кахарманом... Что за красота! – снова подумала она. Не будите ее, зачем вы ее будите – ей так хорошо, она не чувствует никакой боли, никакой тяжести прожитых лет. Она сейчас та самая худенькая, молоденькая девушка, которая из лодки оглядывает бесконечное синее море и думает: что за красота!

– Апа! – между тем вскрикнула Айтуган совсем уже испуганно. Прижалась ухом к груди Корлан. Корлан дышала тяжело, хрипло, неровно. Айтуган побежала к соседям – надо было вызывать скорую!

...На месте той красоты сейчас солончак. Такой же беконечный, как когда-то была бесконечна морская гладь. Над ним вихрится белый белый морок. В этом мороке что-то мелькает, какая-то человеческая фигура – кажется, это Кызбала. Бродит словно тень в этом мороке, тихо что-то бормочет... Сколько же лет она бродит? Пятьдесят? Сто? Тысячу? Чего она ищет в этом мороке? Сына? Голубые волны? Или себя – иную, счастливую с Нурдаулетом?..

Молодая женщина врач быстро измерила давление – в глазах ее мелькнул страх. Порывисто открыла кожаный ящичек:

– У вас есть одноразовые шприцы? – Она уже справилась с испугом. – Хотя... откуда это у вас. Быстро прокипятите тогда две иглы!

Айтуган бросилась с кастрюлькой к плите. Врач стала жаловаться:

– Второй день носимся как угорелые из конца в конец... Лекарств нет, одноразовых шприцев тоже... А они всё взрывают все взрывают...

– Опять взрывали? – испугалась Айтуган.

– Давайте шприцы! – довольно-таки грубо приказала врач. – Не дай бог старуха помрет, пока мы тут «ля ля», – отвечай потом за нее. – Она торопливо сделала два укола в вену. – А что я могу – у меня еще двадцать вызовов. ...Я что – проклятая? Да за такие деньги.

Айтуган суежилась рядом, старалась хоть в чем-то помочь.

– Отойди, пожалуйста, чего ты колготишься... Старикам с высоким давлением в эти дни надо быть осторожными – ты уж береги ее...

«И чего она такая грубая?» – подумала Айтуган тоскливо.

Голубые волны... Море уходило. Беззащитное, оскверненное, оно как будто бы стремилось сжаться в самое себя, как маленький ребенок при побоях – сжаться, притихнуть. Вжимаясь, оно разделилось надвое – на две большие слезы измученной природы... А над этими слезами летела белая бесконечная пыль, а вокруг этих слез лежали бесконечные солончаки, и не было в них ни единого росточка, ни одной живой твари...

Корлан открыла глаза.

– Ну, я побежала! – И врачиха выпорхнула из дому так же быстро, как и появилась здесь.

– Апа, как вы себя чувствуете? – робко спросила Айтуган.

– Жива еще, дитя мое... – Корлан с трудом шевелила губами.

– Я сейчас принесу чаю... – Айтуган встала. – Не крепкого? Побольше молочка?

Маленькая худенькая девочка идет по лугу и всеё наклоняется и наклоняется над цветами. Всё больше и больше букет ее в руках...

Чингистау, я совсем рядом с тобой! Но нет уже сил добраться, прости!

Маленькая девочка все наклоняется и наклоняется, у нее в руках большой букет... у нее в руках... бу... бу... ке...

Кахарман дал телеграмму Жарасбаю: просил известить отца о смерти Корлан. Детей и жену посадил на самолет, сам же повез тело матери поездом – в цинковом гробу. Его провожал Иван Якубовский – они говорили мало, простились как-то поспешно. Если бы знал каждый из них, что им больше не встретиться в этой жизни!

Смерть матери Кахарман пережил тяжело. Теперь он злился на себя: не мог выкроить времени, чтобы хоть поговорить с ней толком, чертова жизнь! Тяжкий грех он взял на душу, наверно. А ведь мать ждала, специально приехала сюда, чтобы пожить с ним. Мог бы сообразить, дурак, – долго ли еще ей оставалось... Что за время такое теперь наступило? Два самых глубоких таинства – рождение и смерть – потеряли ореол святости, мы смотрим на них теперь обыденно, даже если они имеют отношение к людям очень нам близким.

Конечно, теперь Кахарман не мог себе простить того, что не свозил мать в Чингистау. Он и без того-то, похоже, не оправдал надежд стариков. Но это он мог сделать, мог же! Скоро он стал думать об отце: как тот перенесет это известие? Жизнь они прожили в согласии и любви – и теперь он наверняка резко сдаст. Может случиться и худшее – это может оказаться для него последним ударом. Да и что делать с ним теперь, этого тоже не знал Кахарман. На Зайсан отец не поедет – это точно. Оставить его одного в этих солончаках на медленную смерть?

Поезд в Алма Ату пришел ночью, Кахарман решил не выходить на перрон. Прислушивался к голосам за окном, смотрел на торопливо бегущих людей и подумал, что зря не дал телеграмму Болату: ох как нужны человеку в горе друзья и родственники! И Болат, и Хорст теперь обидятся – не известил.

Перрон стал отплывать. Кахарман прилег, закрыл глаза и увидел, как сидит он на низенькой лавочке у дома отца, и плачет, и плачет.

Включил свет, сел и принялся мрачно листать газеты, которых накопил целый ворох перед отправкой.

В ПОСЛЕДНИЕ ДНИ В БАКУ, В РЯДЕ ДРУГИХ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ Азербайджана, а также некоторых районах Армении произошли трагические события, которые острой болью отозвались в сердцах советских людей. Пролилась кровь, имеются человеческие жертвы среди лиц армянской, азербайджанской и других национальностей. Выражаем глубокое соболезнование семьям погибших, искреннее сочувствие всем пострадавшим.

СТОТЫСЯЧНЫЙ МИТИНГ В ПОДДЕРЖКУ ПЛЕНУМА ЦК БОЛГАРИИ. Пленум исключил из партии Тодора Живкова и его сына Владимира, а также ближайшего сподвижника Живкова – Милко Балева.

ОБЩЕСТВЕННО ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА В ЧЕХОСЛОВАКИИ после чрезвычайного пленума КПЧ, закончившегося в ночь с пятницы на субботу, остается сложной. Многих людей, в том числе коммунистов, не удовлетворил состав нового руководства партией.

С НАЧАЛА НЫНЕШНЕГО ГОДА ИЗ ГДР УЕХАЛИ НА ПОСТОЯННОЕ жительство в ФРГ и Западный Берлин около 85 тыс. человек. В отдельные дни количество эмигрантов достигает 3 тысяч человек.

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ПРОКУРОР ГДР ВОЗБУДИЛ УГОЛОВНОЕ ДЕЛО ПРОТИВ бывших членов руководства СЕПГ Э. Хонеккера, Мильке, Штофа, Клайбера, Аксена, Кроликовского. Они обвиняются в коррупции и злоупотреблении служебным положением, что причинило большой ущерб народному хозяйству страны и способствовало их личному обогащению.

ТОДОР ЖИВКОВ ВЗЯТ ПОД СТРАЖУ, ГЛАВНЫЙ ПРОКУРОР НРБ НАЧАЛ предварительное следствие по делу Живкова, обвиняемого в разжигании национальной вражды, в незаконном присвоении общественного имущества в особо крупных размерах.

НА ПОЛИГОНЕ В ШТАТЕ НЕВАДА ПРОИЗВЕДЕН ЯДЕРНЫЙ ВЗРЫВ МОЩНОСТЬЮ 120–150 килотонн. Это первое ядерное испытание в текущем году и семисотое за 39 лет существования Невадского полигона.

АРЕСТЫ НА ПОЛИГОНЕ. ПОЛИЦИЯ АРЕСТОВАЛА В НОЧЬ С ВОСКРЕСЕНЬЯ на понедельник шестерых участников акции протеста против продолжающихся американских ядерных испытаний. Группа из шести активистов проникла на полигон в штате Невада 29 января в попытке помешать проведению первого ядерного взрыва США в новом году. Арестованным активистам грозит тюремное заключение сроком до шести месяцев.

Джамбул проехали на рассвете. Кахарман встал в полдень, побрился и отправился пообедать в вагон ресторан. Посетителей не было, лишь в углу сидела молоденькая девушка за стаканом минеральной воды, да высокий худой парень в кругу скушающих официантов травил анекдоты. В этом парне он узнал Кайыра. Тот тоже мгновенно признал Кахармана, сделал девушкам жест:

– Мои дорогие, поторопитесь накрыть стол! Это мой брат! – Было видно, что Кайыр искренне рад Кахарману. Впрочем, причину его оживления Кахарман определил сразу – глаза его блестели, припахивало анашой.

– Откуда едете? – спросил Кайыр, ожидая, когда Кахарман сядет за стол первым.

– Сам откуда и куда?

– Сел в Джамбуле, еду в белокаменную. Давненько мы не виделись, Кахарман ага. Последний раз встречались в Усть Каменогорске.

– Точно. Между прочим, благодаря тебе тогда я удачно добрался до Зайсана да и остался там... А где ж твои богатые дружки?

– А, эти дураки? Посадили их всех. Не хватило у папаш денег откупиться... Крутое настало время. Все притаились сейчас... Осторожно в лапу берут...

– Тоня! – окликнул он официантку. – Надеюсь, ты поняла, что мы с братом хотим посидеть по человечески? Каха, что пьем? Белое? Красное? Коньяк?

– А что дадут? Теперь же строго в ресторанах...

– Нам дадут всё!

– Возьми на свой вкус. Я в последнее время воздерживаюсь.

– Лечитесь? – не понял Кайыр.

– Разве я алкоголик, чтобы лечиться?

– Да да, – сочувственно улыбнулся Кайыр, – тогда в Усть Каменогорске я подумал: не иначе как он лечится...

– Если б ты пожил с мое, – резко оборвал его Кахарман, – и пережил, что выпало на мою долю, – он повысил голос, – ты бы сейчас...

– Простите, Каха... – тихо проговорил Кайыр. – Я же в шутку...

– Не до шуток мне. Мать у меня умерла. Везу ее тело.

Кайыр сник. Потом проговорил:

– Упокой, Аллах, ее душу... Я сейчас прочту молитву за упокой ее души. – И он быстро убрал со стола бутылку.

Они пообедали, встали; Кайыр отправился вместе с Кахарманом. В Кахармане шевельнулось теплое чувство к «деловому человеку» за его молитву.

– Вот и наши родные пески начинаются, – заметил Кайыр, когда они расположились в купе.

– Это теперь не пески – солончак.

Горячий ветер за окном нес белую пыль. Ее завеса после Джамбула становилась все плотнее и плотнее. Кайыр тоже стал смотреть в окно:

– Раньше ветры Карабаса дули раз в десять лет – теперь каждый год. Помню, в прошлом году мы застряли здесь на целую неделю из за этого самого Карабаса. Пока стояли, умерло три человека – давление, сердце.

– Что тебя гонит в Москву?

– Везу анашу...

– Сейчас за это строго, кажется...

– Знаю. Надеюсь, вы меня не продадите ментам?

– Никогда этим не занимался, а теперь и подавно: лень. Не всё ли равно, кто погубит нашу землю – такие проходимцы, как ты, или правительство? И вы, и они – преступники!

Он заскрежетал зубами.

– Смерть моего моря, смерть моей земли я не прощу никому! – Он ткнул пальцем в окно. – Когда, в какие века такое было – метет по земле соль!

Карахман как сидел, так и уснул, откинувшись к стенке купе. Кайыр осторожно прикрыл дверь с другой стороны. Постоял в коридоре, размышляя – податься в ресторан, поболтать с девочками или отправиться к бригадиру Караулбеку. С Караулбеком они знали давно, с детских лет: вместе росли, вместе учились в школе. Собираясь в Москву, Кайыр, как правило, садился на поезд Караулбека. Бригадир был надежен, всегда укрывал Кайыра от сержантов. Впрочем, это совсем не значило, что он одобрял Кайыра. Частенько он ворчал: «Кайыр, смотри – наколешься на этом деле... Времена сейчас другие...»

Сейчас Караулбек проводил собрание. Проводники сидели озабоченные, сам Караулбек был мрачнее тучи.

– Чего ты? – не понял Кайыр. – Случилось что?

– Видишь? – Караулбек кивнул на окно. – Знаменитый Карабас идет с моря. Кажется, встанем и будем куковать здесь неделю... – Он озабоченно посмотрел на репродуктор. – Сейчас ТАСС будет передавать что-то важное. Ждем, нам по связи сообщили. Гиблое дело: если застрянем здесь на неделю, придется перебиваться без воды. Эти растяпы отправили поезд наспех. А Кахарман ведь мать везет! Ему-то как быть?

В это самое время стали передавать ожидаемое сообщение. *Старт космического корабля «Буран» откладывался из за сильного ветра, разбушевавшегося в зоне Байконура. Настроение космонавтов, тем не менее, отличное, в Москве 18-20 градусов тепла, а времени – шестнадцать часов восемь минут. Слушайте эстрадные миниатюры...*

– Самое время Кахарману слушать эти миниатюры! – сплюнул Кайыр. – Точно, застряли!

И действительно, Кахарман ничего не слышал. Он спал.

«Ты устал, сынок?» – сказал ему голос матери.

«Я? – ответил Кахарман, поднимая глаза. – Нет, несколько...»

Она сидела перед ним в камзоле синего бархата, в котором была последние дни.

«Да, ты устал. Но почему так быстро?»

«Тебе, наверно, показалось...»

«Ты можешь обмануть кого угодно, но не мать. Мое сердце это чувало давно, сыночек. Люди знают, за что ты боролся все эти годы. А теперь отдохни, не изводи себя напрасну. Посмотри на себя – состарился раньше времени... Приехала к тебе, хотела успокоить свое сердце... Не получилось. Ты всё молчишь, скрытничаешь... А я тоже растерялась – как, думаю, к тебе подступиться? Да и старик наш всё пугал меня: смотри, Корлан, поделикатнее с ним... Вот как все деликатничали, а время и прошло...»

Мать замолчала, положила руки на стол. Кахарман стал вглядываться в родимое лицо. Седина из под чистенького, белоснежного платка. Глубокие, крупные морщины. Боже, как она сама-то устала!

«Апа, вы и сами тоже выглядите измученной...»

«Это могила меня к себе тянет, сынок. Пора уже, чувствую, пора... Говорят мне люди, что ты много пьешь...»

Кахарман понял – именно это больше всего хотелось сказать матери, пока она жила здесь, на Зайсане. Он подумал: «Не могла упрекнуть при жизни, только после смерти решила... Какая смерть? – удивился он. – Ведь она жива, она сидит передо мной... Мама...» В самом деле, она сидела подле. На столике была

еда, стояла початая бутылка коньяка «Казахстан». «Когда это я успел открыть ее? – думал Кахарман. – Нет, это не я, я уже бросил пить... Так так... Мать... Что за чушь! Не умерла она... Вот сидит рядом, смотрит, ждет, что я отвечу».

«Апа, меня не водка погубит. Не этого я боюсь. Я скитаюсь по жизни и знаю – одолеют меня жестокость людская да равнодушие. Кажется мне – людей не осталось, каждый из них превратился в сатану, чтобы и мне, и друг другу, и природе делать зло, зло и только зло... Сатана победил человека...»

«Ах, сынок, что там сатана, человека, бывает, осиливает даже маленький бесенок. И так осиливает, что и не разобрать: дьявол перед тобой или человек?»

«Страшными стали люди, апа. Вы когда-нибудь видели этих людей – тех изгоев, которых боится даже нечистая сила?»

«Приходилось слышать о таких...»

«Сильно испорчены наши люди, апа. И не видно света. Мы всё строим и строим общество, а до людей, отдельных людей, нам нет дела – и давно! Наши люди давно превратились во что-то другое, чем просто человек. Какая там гармония! Человек, у которого ни в голове, ни в сердце нет Бога, – зверь! Да его сам сатана боится! Нет казаха, который бы не воровал, не пил, не лгал. Как же дальше жить, апа? Как?!»

Немного подумав, мать проговорила:

«Ты совсем не думаешь об отце...»

«Ах, апа, все едино: наши отцы, мы сами... Мы мучаем друг друга потому, что живем в загоне! Мы все горим на медленном адовом огне, потому что...» Он со вздохом поднял глаза и вздрогнул. Матери не было перед ним. Перед ним сидел какой-то помятый, обросший мужчина. На голое его тело был наброшен старый, полинялый плащ.

«Салют!» – проговорил человек в плаще.

«Привет!» – ответил Кахарман, быстро справившись с первым страхом. Как ни всматривался он в незнакомца, не мог, однако, припомнить, где они встречались.

«Прости, не узнаю... – Кахарман довольно-таки мрачно оглядел незнакомца. – Ты кто?»

«Я-то? – незнакомец хихикнул. – Э, мы с тобой знаем друг друга давненько. Но при каждой встрече ты задаешь мне этот дурацкий вопрос: как зовут? А задавал ты мне его по понятным причинам: всегда был пьян, когда я приходил. Представлюсь еще раз. – Он встал, шурша плащом. – Я – джинн. Все эти годы сидел на твоих плечах: то на правом, то на левом. Дюжие они у тебя: пляши сколько угодно – шея крепкая, спина крепкая, не согнешь тебя пополам, парень! И нравишься ты мне все больше. Честно говоря, я давно хочу оставить тебя в покое – но нельзя. За нами тоже следят, если что – тут же упекут в ШИЗО. Хотя наши ШИЗО по сравнению с вашими – просто рай! Там у нас отдельные номера, два туалета, две ванны, бассейн, сауна, видеоманитофоны. На балкон выйдешь – перед тобой зеленые травяные корты... Да всё равно там жутко – одиночество, вот в чем суть наказания. Одному-то и мартини не захочется. В одиночку хорошо пить бормотуху, которую продают в ваших магазинах. Но у нас этой бормотухи нет. Говорят, она действует на человека похуже всякого ада. Ты не пьешь ее – уважаю за это. Так вот, плюнул бы на всё, пожелал бы тебе счастья – и до свидания. Но не будешь ты счастливым, это я точно знаю. Деньги ты не любишь – значит, не будешь воровать. В благах тоже не понимаешь ни черта – значит, не станешь подхалимом, не станешь наверх карабкаться...»

Тебе другое надо для счастья – невозможное, хотя ведь мог стать обыкновенным хапугой, толстопузым дельцом – не захотел...

Удивительные вы существа – люди... Знаешь, когда вы бываете симпатичными? Когда празднуете какую-нибудь радость или хороните. Ей богу, в такие минуты много просыпается в вас человеческого! Вы и добрые, и милосердные, любите друг друга щедро. Даже Сатана, который вас люто ненавидит, – и тот невольно любит... Но проходят праздники – и снова мы ловко вскакиваем вам на плечи – и в путь... в грешный земной путь!» Незнакомец рассмеялся, показывая отвратительные желтые зубы.

«Чего ты хочешь от меня, Жындыбай*?»

«Чего хочу? – Незнакомец задумался. – Как ты меня назвал? Жындыбаем? А что – неплохо...»

«Так чего тебе нужно?»

«По мне, я бы весь этот мерзопакостный род человеческий подпалил на адовом огне – слегка, для порядка, чтобы напомнить: вот вам цветочки, подождите – будут ягодки... Вы уничтожили на земле всё, что можно было уничтожить. Когда Бог всех вас за грехи изгонит в ад, он прикажет нам, бесам, сойти на землю. Он прикажет: оживите на земле все ручьи и речушки, все озера и моря, которые погубил идиот человек! Оживите зверей и всех остальных тварей, которыми когда-то наполнил я землю! Из за вас придется нам впрягаться в это ярмо! Думаешь, легко это будет? Да мы захлебнемся в крови, задохнемся, когда будем разгребать после вас горы дерьма! Так вот, дружок: люди – это звери, не даст им Бог милости, так и знай...»

«Я давно это знаю и радуюсь. Человек будет наказан. Быстрее бы! – Кахарман заскучал. – Еще чего скажешь, болтун?»

– Каха! Проснитесь, Каха!

Кахарман с трудом разлепил веки. Кайыр тряс его за плечо. Не было перед ним ни матери, ни Жындыбая.

– Всё! Застряли!

Кахарман ничего не понимал. Стал растирать ладонями лицо и виски, прогоняя остатки тяжелого сна.

– Подожди, объясни толком...

– Застряли, Каха. Простоим не меньше недели, как пить дать...

– Почему?

– Мы в эпицентре страшной бури, которая разыгралась в Синеморье. Сейчас передали, что даже старт космического корабля «Буран» откладывается.

Кайыр был растерян. Вой ветра за вагонным окном, быстро сгущающиеся сумерки тоже тронули душу Кахармана томительным предчувствием. Что делать с телом матери?

– Немыслимо здесь сидеть неделю! – Кахарман вскочил.

– Сегодня завтра нужно предавать тело земле, Каха. Иначе труп начнет разлагаться...

Кайыр принял решение:

– Седьмой разезд отсюда неподалеку – кажется, километров пять! Сарсенгали нам поможет. Так что надо немедленно снимать гроб – и в путь. Дотащим как-нибудь, хоть волоком... Я пойду, поговорю с Караулбеком.

* Джинн – жынды – Жындыбай.

– Веревку пусть даст! – крикнул ему вслед Кахарман. – Крепкую!

Сумку с вещами он оставил в купе. Ветер чуть не сбил с ног, когда он спрыгнул в песок. Лицо тут же облепило белой, соленой пылью. Втроем они вынесли гроб из вагона, поставили на песок, обвязали крепкой веревкой и, впрягшись в петли, потащили.

– По путям и дойдете! – крикнул им вслед Караулбек.

– Спасибо, братишка! Будем живы – увидимся! Посидим, потолкуем...

– Пусть земля будет пухом вашей матери!

Горячий ветер обжигал им лица, они с трудом продвигались вперед. Пот градом катился по их лицам. Вскоре веревка стерла им плечи в кровь. Кайыр, быстро обессилев, упал на колени.

– Браток, вставай. Нельзя садиться. Сядем – так и занесет нас песком!

– Каха, чуток... чуток передохнем...

Кайыр стал подниматься, Кахарман поддерживал его за локоть. Они снова набросили на плечи веревки.

– Да простит нас Бог, что волоком тащим гроб... До разъезда всё ж таки не пять километров. Пять мы уже прошли...

– Десять – не больше! – прокричал Кайыр, отворачивая лицо от ветра.

«Десять! Пять! – зло подумал Кахарман, но тут же устыдился своего раздражения. – Не попадись он тебе – как бы ты справился один?» И хоть была еще одна причина для раздражения, но Кахарман простил ему сейчас. Дело в том, что свои вещи Кайыр поставил на гроб – вернее, привязал их к гробу ремнями. Кахарман теперь смирился и с этим, лишь подумал: «Прости меня, мама, – как уж пришлось, видишь всё сама... не со зла».

Он сильнее стискивал зубы и, тяжелее наваливаясь на веревку, которая резала грудь, шагал дальше. Гроб цеплялся за сухие саксауловые корни, за обломки старых шпал, торчащих из песка, несколько раз заваливался набок, готовый перевернуться.

– Вон и разъезд, – проговорил спекшимися губами Кайыр. – Крыши видите, Каха?

Кахарман молча кивнул. Сарсенгали дома не оказалось. Их встречали добрая Меиз со снохой. Женщины обмыли тело Корлан, завернули в белое. Кахарман с Кайыром вырыли яму, опустили тело. Кайыр прочитал молитву над могильной насыпью. Стало совсем темно, горячий ветер окреп. Кахарман стоял на коленях у могилы – казалось, он застыл в этом положении. Из темноты на него смотрели материнские глаза – смотрели не моргая, не боясь ветра. Кахарман беззвучно зарыдал – лишь тряслись грудь и плечи.

Голос матери сказал:

– Сынок, ничего, ничего... Попривыкнешь... Последняя моя просьба – похорони меня все-таки в Караое... Там лучше мне будет... Там-то я и успокоюсь...

«Душа ее еще не отлетела...» – почему-то легко и радостно подумал Кахарман. Ему показалось, что душа матери сейчас касается его лица и груди, – вот почему на какую-то долю секунды на него упала живительная прохлада. Да, он обязан перехоронить мать в Караое.

Он ответил негромко:

– Я исполню ваше желание, апа... А сейчас хочу попросить у вас прощения, мама: не оправдал я, не оправдал ваших с отцом надежд...

– Полно, сынок. Мне никогда не приходилось краснеть за тебя. За здоровье твое беспокоилась – да. А краснеть – никогда не краснела, всегда гордилась тобой. Буду молить на том свете Бога – пусть он хранит тебя, сынок. И еще прошу: не оставляй отца. Не привелось мне перед смертью увидеть его. Передай ему: пусть простит, что оставила его одного. Не моя, значит, воля...

– Апа, хотел свозить вас на Чингистау... Не удалось – это терзает мою совесть...

– Не думай об этом. Уж теперь-то вернусь я на родину – ждет меня Чингистау... всю жизнь собиралась... вот теперь вернусь...

Чем сильнее завывал ветер, тем нежнее и добрее смотрели глаза матери на сына. Никогда еще они не были так близки друг к другу, как сейчас; никогда еще в жизни они не говорили так глубоко и проникновенно друг с другом... Снова легкая прохлада скользнула по его лицу. Это снова дух матери коснулся его.

Вернулся Кайыр.

– Кахарман ага, пойдёмте в дом. – Он помог Кахарману встать. Кахарман оперся на Кайыра, и они, закрываясь от ветра, побрели в сторону дома. Шаг его был неуверен. Он обернулся. Глаза матери следовали за ним неотступно. Кахарман испуганно вскрикнул, заслонясь ладонью.

– Не бойся, сынок, это я, – сказал голос матери. – Провожая тебя...

У порога Кахарман еще раз обернулся.

– А дальше мне нет пути. Прощай, сынок! Передай Насыру: пусть простит меня. Да не забудьте – в Караое я должна лежать... только в Караое... Прощайте!.. Прощайте... – И глаза ее стали удаляться в степь, и вокруг них долго еще было светло.

– Апа... Апатай... – шептал Кахарман.

Кайыр толкнул перед ним дверь, посадил за низкий стол, а сам стал читать молитву. Меиз и ее сноха сидели за приготовленным столом поникшие, скорбные. Голос Кайыра был приятен, он мягко выводил мелодию. И хоть Кайыр не очень понимал слов молитвы – постепенно он забывал арабский язык, – но читал искренне, отдаваясь тому печальному чувству, которым была полна сейчас его душа. «Милостивый Аллах, ниспошли свою милость на усопшую; не оставь нас, живых, без своего благословения – старых и молодых. Аминь!»

– Аминь! Аминь!

Все провели ладонями по лицам, обращаясь к Богу с мольбой.

Кахарман постепенно приходил в себя. Лица женщин были заплаканы, движения бесшумны. Он обратил внимание на мальчика трех четырех лет, который у печи забавлялся с кошкой. Тишину дома время от времени нарушал его веселый смех. Но что-то странное, нездоровое было в ребенке – тяжелое дыхание, кашель, в котором он заходилась, низко клонясь лицом к полу.

В первую очередь все беды гибнущего моря отразились на детях. Из тысяч новорожденных умирает каждая сотня – еще в материнской утробе или едва появившись на свет. Другие отказываются брать грудь – молоко матерей отравлено; вырастают дети чахлыми, болезненными. Да, этот малыш болен – недолг будет его земной век, это видно по всему.

Кахарман давно знал Сарсенгали и добрую, сердечную Меиз. Меиз приходилась им дальней родственницей по отцовской линии. Сейчас Кахарман подумал, что надо было бы поблагодарить этих людей – близко приняли к сердцу смерть Корлан, помогли, как могли.

– Не думал, что придется беспокоить вас, апа, – промолвил Кахарман. – Другого выхода у меня не было, поверьте...

– Да будет ей земля пухом! – ответила Меиз. – Тяжело придется Насыру без Корлан... – Она вздохнула, и Кахарман сообразил, что причина скорби в этом доме не только смерть Корлан.

– А где Сарсенгали? – спросил Кахарман в недобром предчувствии.

Светлоликая сноха Гульбаршин быстро встала и ушла. Из другой комнаты слышался ее плач. Мальчик оставил кошку и насторожился, потом тоже заплакал и бросился за матерью.

Меиз не плакала – лишь дрожал подбородок да прыгали губы. Она рассказала: Сарсенгали сейчас в Семипалатинске. Махамбету дали шесть лет за участие в декабрьских событиях. А позавчера они были извещены администрацией исправительно трудовой колонии, что их сын повесился.

Меиз достала письмо и протянула Кахарману. Кахарман вытащил листок бумаги из конверта и стал читать.

«Мама, – писал Махамбет, – я ни о чем не жалею и не чувствую себя виноватым. Я жил, как мне подсказывала совесть. Но в нашей насквозь продажной, подхалимской, преступной жизни я, кажется, не нашел себе места. Если будут говорить плохо о тех ребятах, с которыми я вышел на площадь тогда, – не верьте ни единому слову. Мы хотели другой жизни – вот и вся наша вина. Особенно не верь тем, кто будет говорить, что мы поднялись против русских, – это вранье. Мы хотим жить свободно и счастливо на своей родной земле – при чем здесь русские?..»

До этого я верил, что когда-нибудь мы добьемся своей цели. Теперь я не верю, мама! А ты прости нас: и Мухтара за его смерть в Афгане, и меня... Прости меня, мама... Иного выхода у меня нет...»

Дальше Кахарман не мог читать. Сжал кулак, так что побелели костяшки пальцев. В дальней комнате всё плакала сноха – теперь вместе с ней плакал больной ребенок.

О боже – долго ли нам еще мучиться? Долго ли? Когда ж ты нас всех успокоишь – убьешь наши сердца, чтобы никогда они больше не страдали? Выколешь нам глаза, чтобы ничего они больше не видели на этой земле?

В тот самый день, когда Кахарман с Кайыром тащили к разъезду гроб с телом Корлан, Игорь уговаривал старшего пилота остаться на острове Акеспе, чтобы запечатлеть сверху момент раздвоения малого Синеморья, объясняя, что снимок этот будет для науки бесценным.

– Шутки шутите, Игорь Матвеевич! – сердито возражал пилот. – Это же ветер Карабаса! Нас вдребезги разобьет, только взлетим! Нет, не могу. Как хотите – не могу.

Тогда Славиков пообещал выплатить им за этот день в тройном размере. Летчики, посоветовавшись в сторонке, сдались.

– Только надо это проделать как можно быстрее. – Старший пилот осмотрелся вокруг. – Не нравится мне этот заунывный вой. Того и гляди, обернется бурей – тогда конец.

– Мы готовы. Сережа, пошли! Лишь бы наша АФА не подкачала.

– Система в порядке, пленка на месте. – Сергей обернулся, – Игорь Матвеевич, на связи будьте сами, пожалуйста... Студенты наши еще слишком зеленые.

– Обязательно сам. И вы держите со мной связь без провалов.

Вертолет поднялся и, кренясь набок, стал заворачивать к малому Синеморью.

Сильный ветер поднимал над солончаковыми просторами песок, но на поверхности моря было относительное спокойствие – слабо, будто бы даже лениво всплескивалась ленивая волна. По высохшему руслу Сырдарьи стремительно неслась стая сайгаков. Лена тронула Сергея, показывая вниз: снимай! Сергей, прицеливая фотоаппарат, думал: что же могло спугнуть животных?

Из за продолговатого песчаного холма выскочил вдруг табун лошадей – их тоже гнал страх. «Чего же испугались?» – успел подумать обеспокоенно Сергей, как в то же мгновение ветер резко усилился и стал швырять вертолет в воздухе, как детскую игрушку. На связь вышел Игорь. Он кричал:

– Немедленно назад, слышите! Земля требует: назад!

Но было поздно – в считанные минуты ветер превратился в ураган неимоверной силы. Только теперь понял Сергей, от чего спасались лошади и сайгаки. Они бежали к Бетпакдале – их настигала страшная белая буря, бушующая смесь соли и песка.

Лена оглядела аппаратуру АФА – в порядке. Впереди табуна несся огненный жеребец – он летел, почти не касаясь песка копытами. Лена была заворожена этим зрелищем и совсем забыла об опасности. Между тем вертолет швыряло вверх и вниз, вправо и влево. Казалось, минута – и он развалится на куски. В самом деле, в следующую минуту машину так тряхнуло, что мотор заглох и машина полетела вниз. Впрочем, даже не вниз, а в тартары. Потому что в действительности вертолет не падал, а носился в воздухе, как пустой спичечный коробок на уличном ветру. Этим же чудовищным порывом ветра с земли, с клочка ее поверхности, составлявшей в диаметре километров восемь десять, – внезапно слизнуло и лошадей, и сайгаков, и волков, и лисиц, и редкие деревья, что еще оставались по над бывшим руслом Сырдарьи. Слизнуло, но тут же скопом ударило все это скопище живых тварей оземь – и снова подняло, и завертело вместе с вертолетом будто бы в одном котле. И живые еще! – и мертвые твари теперь носились в воздухе, сталкиваясь, друг с другом, шкрябая по обшивке вертолета безвольными копытами...

За несколько мгновений до этого ужаса из норы выползла старая, седая волчица, прислушалась и, чуя недоброе, жутко завывала. Она ждала с охоты самца. Любопытных волчат, которые выползли вслед за ней, она тут же пошвыряла одного за другим обратно в нору. Самец, тоже чувствуя приближение стихии, торопливо волок за холку придушенного корсака. Услышав призывный вой волчицы, он задвигался еще быстрее. Волчица даже не посмотрела на брошенную перед ней добычу. Покусывая самца за гриву, она увлекла его в нору. Но волк вернулся, затащил добычу в убежище. Припозднись он хоть на мгновение, с ним бы случилось то, что случилось в следующую секунду с огненным жеребцом, как раз проносящимся мимо. Жеребца в мгновение ока сдуло с земли – протяжное ржание его волк услышал уже из поднебесья. Высунув из норы морду, самец завыл так жутко, что волчата в страхе прижались к земле. Он выл долго, потом к нему присоединилась и старая волчица...

Мимо овальных окошек вертолета все летели и летели твари, кувырком, ногами вверх, задом наперед. Вдруг к окну прибило испуганные, глаза какого-то непонятного большого существа. Лена в ужасе вскрикнула:

– Дракон! Дракон!

– Какой дракон? – не понял там, на земле, Игорь.

– Это индрикотерип! – прокричал Сергей в микрофон. Лишь пилотам не было дела до дракона. Они не выпускали штурвал из рук; у них была цель – посадить машину на один из песчаных холмов. Но управления практически не было – они могли рассчитывать только на милость судьбы.

– Вы с ума сошли! – прокричал Игорь. – Индрикотерипы вымерли тридцать миллионов лет назад!

– Видимо, не все!

Огромное непонятое существо ударилось об окно, стекло разлетелось вдребезги.

Тридцать миллионов лет на территории нынешней Тургайской области стоял густой лес, в нем обитали громадные толстокожие индрикотерипы. Казалось, эта чудовищная буря, бушевавшая сейчас, разворошила глубь времен и из ее разломов встали эти твари, чтобы засвидетельствовать конец Синеморья, конец света...

Сергей от ужаса не мог шевельнуться, он будто прирос к стулу.

Огненный жеребец еще раз ударился о корпус вертолета, затрещали его ребра...

Позже, когда нашли остатки разбитой машины, Игорь обнаружил пленку, снятую Сергеем. Когда ее проявили, Игорь увидел этого самого огненного жеребца, увидел крупно его глаза – налитые кровью, обезумевшие от страха. И понял, о каком индрикотерипе кричали ему Лена с Сергеем... И содрогнулся, отчетливо сознавая, что это он послал их на смерть.

Пятый день бушевал ураган, не ослабевая ни на минуту. День сменялся ночью, ночь днем, но некому было различать это. В одиноком доме на седьмом разъезде его обитатели жили в каком-то одном сплошном времени: без утра, без вечера, без дня и ночи. Окна были завешены и снаружи, и изнутри, но все равно пыль проникала в дом. Женщины время от времени принимались сметать ее со стен, с постелей, со столов. Скоро у порога возвышалась порядочная ее куча. На пятый день – может быть, в полночь, а может быть, в полдень – все в доме очнулись от страшного грохота. «Наверно, снесло крышу», – подумал Кахарман. Но потолок почему-то не рухнул. Все в доме настроенно молчали. Казалось, заговори они – и потолок, который держался, наверно, на последней какой-нибудь слабенькой зацепочке, в то же мгновение накроет их.

Только человек, живущий в песках, может знать, как сильно гнетут душу ветры Карабаса. Стихия как будто бы всякий раз берется доказать человеку, как он ничтожен, как он мал перед силами природы. «И чего ты кичишься, человечишко, – будто твердит она, – чего ты бьешь себя в грудь? Тоже мне сыскался властитель природы! Дай посмотрю на твое могущество: останови меня, обуздай! Ха ха, не можешь?»

Собственно говоря, это были мысли отчаявшегося Кахармана. Он оправдывал эту стихию, воспринимал ее как кару, которая послана человеку. По сути дела он любовался ураганом, был на его стороне.

Кайыр тоже проснулся, его тоже потянуло на размышления. Он сидел, свесив с кровати ноги. «Вот тебе и конец света, черт бы всё побрал! А ты всё суетился, всё копил копеечку. Для чего? А ведь это было смыслом твоей жизни, твоего риска. Вон Кахарман... Чего он добился – хороший, умный, честный человек? Скитается – ни кола, ни двора, ни копейки за душой. Один как перст... Конечно, если

представить, что у нас везде были бы люди, похожие на него, – жизнь была бы неплохая, хоть и называлась бы социализмом. Ничего, такой социализм оказался бы еще терпимым. Но ведь нет таких людей – единицы их, считанные единицы! Положим, дом этот сейчас рухнет, мы все тут, красиво выражаясь, погибнем под останками. И я, проходимец и деляга, и он – умный, честный, героический человек».

Тут на него посыпался песок, Кайыр чертыхнулся, увертываясь от струи песка. Кахарман тоже сел, на него, видно, тоже посыпалось.

– Да, попали мы в переplet, Каха...

– Я всё думаю: не крышу ли снесло?

– Похоже на светопреставление, Каха. Вы, разумеется, не читаете духовных книг. А там вот что сказано, между прочим: *«Сколько поселений возгордилось над приказом их Господа и его посланников: и Мы рассчитались с ними сильным расчетом и наказали их тягостным наказанием. И вкусили они вред своих дел, и последствия их дел оказались убытком»*.

– Коран?

– Он самый. В светских книжках так не пишут, где уж беллетристам...

– Не могу я тебя понять. Читаешь духовные книги, знаешь Коран – а живешь совсем не по Корану. Водку пьешь, куришь анашу, даже меня совратил на эту гадость...

– Ну и как вам эта «гадость»?

– Будто летаешь в воздухе. Довольно-таки мило, не стану врать.

– Анаша – вещь! Это же спасение! Если бы не она – я бы давно свихнулся...

– Есть в этом какая-то мысль... – Кахарману не хотелось спорить.

– Коньячку не желаете, Каха? Всё веселее будет...

– Давай! – Кахарман подумал, что спиртное сейчас не помешает.

Они зажгли керосиновую лампу. Кайыр достал бутылку, початую еще в поезде, разлил.

– За то, чтобы выжить да пожить еще маленько, а, Каха?

– Пусть будет так! – Кахарман тоже поднял стакан. Посыпался песок, лампа потухла.

В соседней комнате горестно вздохнула Меиз. «Нелегко ей, – подумал Кахарман, – потерять обоих сыновей – это ж надо. Сама бы не сломалась. Вон Кызбала наша... как быстро состарилась женщина! Правда – чем сильнее душевные муки человека, тем быстрее он идет к своему концу»

Он принялся – от Кайыра потянуло горьковатым запахом анаши.

– Покурите, Каха?

– Не стоит. А скажи мне, добрый молодец: не хочешь поступить в институт, получить образование? Чего зря болтаться?

Кайыр хихикнул:

– Святая простота! Вы знаете, сколько у меня дипломов? Целых три! Да что они мне? Бумага – она и есть бумага. Хоть и говорят – без бумажки ты букашка, а я и с бумажкой чувствую себя дерьмом, если нет в кармане других бумажек, тех, на которых Ленин нарисован.

– Ого! Откуда же у тебя столько дипломов?

– А то не знаете? Я их могу и десять купить. Ныне всё можно купить. Даже человеческую голову!

– Ну, это ты загнул!

– Отвечу. Я тоже когда-то в это не верил. Но когда мне в Узбекистане сказали, сколько это стоит – стать членом нашей славной партии, или, пардон, – депутатом, парламентарием, так сказать, – поверил. Мне показали и людей... Неужели это для вас секрет, Каха? Не верю.

Который день ураган неистовствовал и над Караоём. Казалось, что он в довершение всех бед вознамерился снести обезлюдевший, жалкий аул с лица земли – без следа. Он валил дома, легко поднимал в воздух запущенные сараи, времянки и далеко уносил их в пески. Крыша насыровского дома, до вчерашнего дня ухавшая, хлопавшая, как ночная сова крыльями, сегодня сорвалась, покатила по улице, а там, дальше, легко подняло в воздух – и она растворилась в белом, бушующем мороке навсегда. Обвалился и дувал, ворота тоже были снесены. Насыр, естественно, сидел дома, перебирал четки и время от времени повторял:

– Иа, Алла, сохрани нас, грешных, помилуй.

За день до того, как буря обрушилась на Караой, привезли почту, оставили в доме Насыра, и теперь Бериш усаживался к лампе и читал все газеты подряд без разбора. Читал он вслух, но Насыр, прислушиваясь к вою ветра, поглядывал на внука рассеянно, не вникая ни в одно газетное слово. И хоть Бериш знал это, но читал вслух с необъяснимым упорством. Наверно, ему было нелегко переносить тишину, да и чем было ему заняться в эти дни.

ВЧЕРА В СООТВЕТСТВИИ С СОВЕТСКО ВЕНГЕРСКИМ СОГЛАШЕНИЕМ о выводе частей Южной группы войск Советской Армии, временно находящейся на территории Венгрии, отправился на Родину первый воинский эшелон.

ПЕРВЫЙ ЭШЕЛОН СОВЕТСКИХ ВОЙСК, УХОДЯЩИХ ИЗ ЧЕХОСЛОВАКИИ с танками, боевыми машинами пехоты, другой техникой, прибыл на пограничную станцию Чоп.

В ЦЕНТРАЛЬНОЙ СТУДИИ ПЯТОЙ ПРОГРАММЫ ФРАНЦУЗСКОГО ТЕЛЕВИДЕНИЯ состоялась торжественная церемония провозглашения «Человека 1989 года». «Человеком 1989 года» избран Михаил Горбачев.

ЛИВНЕВЫЕ ДОЖДИ НЕОБЫЧНОЙ СИЛЫ обрушились на крупнейшую по населению китайскую провинцию Сычуань. По предварительным данным, в результате стихийного бедствия погибли не менее 50 человек, свыше 150 получили ранения.

В НОЧЬ НА СУББОТУ БУХАРЕСТ НЕ СПАЛ. НЕВОЗМОЖНО ЗАСНУТЬ под грохот взрывов, густой треск пулеметных и автоматных очередей. Тысячи граждан покинули свои дома, присоединились к перешедшим на сторону народа солдатам, чтобы защитить завоеванную кровью свободу.

БЫВШИЙ РУМЫНСКИЙ РУКОВОДИТЕЛЬ НИКОЛАЕ ЧАУШЕСКУ И ЕГО жена Елена покинули пределы Румынии, сообщило бухарестское радио.

ЭГОН КРЕНЦ, ЕЩЕ НЕДАВНО ГЛАВА ГОСУДАРСТВА, генеральный секретарь СЕПГ, сегодня – безработный. «Другую работу найти трудно. Я, пожалуй, стану писателем», – заявил он газете «Бильд».

НОВЫЙ ПРЕЗИДЕНТ ЧЕХОСЛОВАКИИ ВАЦЛАВ ГАВЕЛ ОКОЛО 5 ЛЕТ провел под арестом. Свой приход в Пражский Град новый глава госу-

дарства отметил широкой амнистией. К началу нового года в Чехословакии была примерно 31 тысяча заключенных. Более 20 тысяч выйдут на свободу. Слушая речь Гавела, уголовники плакали.

«ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ БОМБА» ОБНАРУЖЕНА УЧЕНЫМ В ОСАКСКОМ заливе, на берегу которого стоит крупный индустриальный центр страны – город Осака. Как показывают результаты исследования, ядовитые соединения, сброшенные более 15 лет назад в залив и осевшие на дне, не только не разложились за прошедшие годы, а, наоборот, с еще большей силой начали убивать всё живое. В результате в заливе совсем пропали многие виды моллюсков, существует также опасность заражения морских растений и рыб.

В 05 ЧАСОВ 30 МИНУТ ПО МОСКОВСКОМУ ВРЕМЕНИ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ, в Якутии, произведен подземный ядерный взрыв мощностью до 20 килотонн. Указанный взрыв произведен в интересах народного хозяйства.

ВСЕМИРНЫЙ ДЕНЬ БОРЬБЫ СО СПИДОМ ПРОВОДИТСЯ ПО РЕШЕНИЮ Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ). В этом году он проходит под лозунгом «Молодежь и СПИД». По оценкам экспертов ВОЗ только в нынешнем десятилетии около 600 тысяч человек заболели СПИДОМ и 5 миллионов оказались поражены его вирусом.

ЗАЩИТИТЬ НАСЕЛЕНИЕ ОТ АМНИСТИРОВАННЫХ ЗАКЛЮЧЕННЫХ, которые своими действиями создают угрозу общественному порядку, здоровью, жизни и личному имуществу граждан, призвал президент ЧССР В. Гавел министра внутренних дел страны.

СВОБОДНОЕ РУМЫНСКОЕ ТЕЛЕВИДЕНИЕ СООБЩИЛО ПОЗДНО ВЕЧЕРОМ, что состоялся суд по делу Н. Чаушеску и Е. Чаушеску. Им предъявлены обвинения в геноциде, жертвами которого стали более 60 тысяч человек; подрыве государственной власти путем вооруженных акций против народа; подрыве национальной экономики; попытке бегства из страны с использованием средств, хранящихся в иностранных банках, на общую сумму более 1 миллиарда долларов.

В 7 ЧАСОВ 01 МИНУТУ ПО МОСКОВСКОМУ ВРЕМЕНИ В СОВЕТСКОМ Союзе на полигоне в районе Семипалатинска произведен подземный ядерный взрыв мощностью до 20 килотонн.

ЭРИХ ХОНЕККЕР ПОСЛЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ ИЗ ПОД СТРАЖИ ОБНАРУЖИЛ, что ему негде жить. Хонеккеров поселил у себя пастор евангелистской церкви Уве Хольмер, работник известного в стране Хоффунг стал центра для психически больных, престарелых и алкоголиков.

Вместе с тем газетных страниц гремели съездовские речи – многие говорили и о бедственном положении Синеморья.

Но не трогали уже эти речи Насыра. Где они были раньше, негодующие ораторы? Вчера он пытался выйти из дому, чтобы проведать несчастных Нурдаулета и Кызбалу. Еле открыл заметенную песком дверь. Сделал шаг за порог, его чуть не свалило ветром. Пришлось вернуться. «Пришел, видать, конец света», – подумал Насыр. Между тем в ауле горели заброшенные дома и сараи. Огонь, видно, при-

несло из песков, где он хозяйничал уже второй день: горела сухая трава в долинах между Сырдарьей и Амударьей, горел сухой кустарник и тальники...

Видя, что молитвами делу не помочь, Насыр перестал молиться. А когда Бериш напомнил ему о времени молитвы, сделал вид, что не слышит внука.

– Как там Кызбала с Нурдаулетом? – все вздыхал Насыр. – Хоть бы живы остались... Сидим тут как в норе...

И дальше мысли Насыра текли уже в знакомом направлении. В который уже раз за последние годы он убеждался: если природа разгневется – плевать ей на человека! Для нее он словно мышь. И никакой тут Бог не поможет, никакая молитва: Бог тоже теперь враждует с человеком. Вместе с природой мстит он сейчас человеку за все его прегрешения...

В эти дни он стал особенно тосковать по Корлан. Как знать, может быть, предчувствовало его сердце, что Корлан уже нет в живых. Будь сейчас она рядом, она бы придумала, как вызволить из беды Нурдаулета и Кызбалу, будь она рядом, не чувствовал бы он сейчас себя таким беспомощным, жалким.

В эти дни в раздумьях о Корлан его посетило глубокое чувство тайны. Теперь, на исходе жизни, он не мог понять, кем была для него Корлан – вернее, теперь она значила для него так много, что спроси у него сейчас, что в отдельности без него Корлан и что в отдельности он без нее, Насыр бы не ответил. Да, эта глубокая тайна бытия двух существ приходит к старикам только у самой могилы. И вовсе не для отгадывания приходит она – нет! Она приходит для того, чтобы повергнуть сердца двух человеческих существ в священный трепет, который сродни какому-то озарению. Она приходит для того, чтобы два бедных человеческих существа, взявшись за руки, трогательно двинулись в последний, самый последний земной путь, тронутые этим божественным озарением, этим золотым, мягким светом.

– Дедушка! – Взволнованный Бериш поднял голову от газеты. – Чаушеску расстреляли!

– Кто это такой – Чаушеску?

– Румынский президент!..

– Ну-ка читай!

– «За тяжкие преступления, совершенные против народа и государства, Н. Чаушеску и Е. Чаушеску приговорены к смертной казни. Приговор приведен в исполнение».

«Забросил я совсем газеты... – укорил себя Насыр. – А в мире вон что делается... Знаю я эти страны: Румынию, Чехословакию... Через них лежал путь к Берлину».

– Дедушка, что теперь – конец социализму в Румынии?

– Может, и конец, кто знает? Плохой, наверно, был у них президент – вроде наших воров и хапуг. А люди не могут это терпеть – люди хотят честности и справедливости, не хотят, чтобы держали их, как зверей, как скот. Подумай сам, в социализме мы будем жить или в коммунизме, но не потерпит народ, чтобы грабили государство, грабили нас – простых людей...

– Мы при социализме все простые люди... – ответил неуверенно Бериш, даже не понимая, возражает ли он деду или соглашается с ним. – Дедушка, а будет жизнь на земле после светопреставления?

– Конечно, куда ж она денется? Жизнь не кончается никогда.

– А правда, что есть дух?

– И дух есть, это точно. Ты Откельды помнишь? Его дед и отец были святыми людьми. Откельды часто разговаривал с душами умерших людей, вызывал их.

– А вы можете вызывать?

– Когда я говорю с Богом – видится мне что-то. Это он тогда послал нам дождь. Помнишь, лил сорок дней подряд?

– А почему, дедушка, вы теперь не молитесь?

– Не помогает Аллах нам теперь. Сильно он обиделся на человека. Все мы тут побратались с шайтанами – не может этого он простить нам. Вот и живет теперь человек без помощи божьей. А ведь завещал он нам что?

– Он сказал: плодитесь и размножайтесь!

Насыр поправил:

– *Эй, люди! Я сотворил вас и благословляю вас! Плодитесь и размножайтесь, пусть потомство ваше займет всю земную твердь, и будете вы хозяевами рыб в воде, птиц в воздухе, всходов земных, да будут вам подвластны все сокровища недр ее!*

Вот так сказал Аллах. А как исполнил его желание человек?

Бериш был рад, что дед, в эти дни замкнувшийся в себе, наконец, заговорил. Боясь, что нить разговора прервется, он торопливо спросил:

– Ну и как он исполнил?

– Плохо он исполнил; ничего он совсем не исполнил. Как был дикарем, так и остался. Начиная с самого каменного века, люди только и занимались тем, что истребляли друг друга в бесконечных войнах. Обижен я на человека. Но и на Бога обижен! – Насыр сказал это с дерзостью, вскинув сердитые глаза к небу. – И с чего это Бог вздумал оставить человека на произвол судьбы? Видит же – неразумен человек, иногда просто глуп... Так помоги ему! Чего же отворачивается? Это по божески?

Так сказал старый рыбак, потом сходил в чулан, принес четыре доски, кучу болтов и еще каких-то железяк. Все это он раздобыл-таки, наведавшись в кузницу на днях, до начала бури. Теперь он решил заняться новой тележкой для Нурдаулета: удобной, ходкой. С потолка по прежнему сыпался песок, но Насыр стругал и прилаживал колеса, не обращая на это никакого внимания.

К ночи ветер – и без того свирепый – усилился. С дома Кызбалы уже давно сорвало крышу – в первый день. Сама она с того же дня прибаливала, не вставала с постели. Все хлопоты по дому теперь достались Нурдаулету. Три раза в день он кипятил чай, варил рис. С великим трудом ему удавалось накормить Кызбалу. Нурдаулет тут изощрялся, как мог. Но не только поэтому трудно было Нурдаулету. Кызбала всю жизнь питалась скудно, а тут и вовсе отказывалась есть, пила только чай. Однако и этому рад был калека Нурдаулет. Кульпячками он подносил пиалу к ее губам, терпеливо поил ее чаем. Немудреные, казалось, были эти занятия – растопить печь, вскипятить воду, промыть рис и всё прочее, но Нурдаулет все делал медленно, так что заботы эти выстраивались друг за другом плотной чередой. Одно поспевало к другому, и не было ему даже минуты отдыха. С другой стороны, эта домашняя жизнь наполняла его убогое существование хоть каким-то смыслом, а сознание того, что теперь он нужен Кызбале – пусть даже в малом, – грело его сердце. К вечеру, вконец умаявшись, он валялся на одеяла, что были расстелены возле кровати Кызбалы, засыпал крепким сном. И засыпал он, и просыпался под вой ветра. Круглые сутки стены их старенького дома дрожали.

трещали потолочные балки, и казалось, что дом вот вот рухнет. Нурдаулет, открыв глаза после сна, в слабом свете керосиновой лампы часто теперь всматривался в лицо жены. Порой он не мог различить: спит она или просто лежит, прикрыв глаза. Дорого бы он дал, чтобы узнать, о чем она думает, если не спит.

За день до того, как Нурдаулет должен был отправиться на фронт, они всю ночь бродили по берегу моря. Не рассказать, как крепко обнимал Нурдаулет свою жену – тонкую, черноволосую; не перечесть поцелуев, которыми она отвечала ему, любимому.

В те ночи золотой прибрежный песок стал им постелью... а теперь, столько лет спустя, все эти дни он свирепо злится, он готов засыпать их живьем – живьем этих старых людей, искалеченных – один телом, другая – душой. Людей, так и не изведавших счастья.

Кызбала еле слышно застонала. Нурдаулет понял: пить. Культяпкой приподняв ее голову, приблизил пиалу к губам жены. Попив, Кызбала равнодушно посмотрела на мужа, снова прикрыла глаза. Губы ее зашевелились – она силилась что-то сказать. Нурдаулет напряг слух, но ничего не смог расслышать...

Между тем в ее душе происходили быстрые перемены. В сущности, они начались давно, с того самого дня, как Нурдаулет поселился в родном доме, но были неприметны для окружающих, для нее самой. Сегодня же – собственно говоря, именно сейчас, будто бы хватаясь обрывками мыслей за те бегущие картины в ее сознании, которые, возможно, на протяжении долгих лет ее невменяемости теснились там, – она впервые более или менее осознанно подумала вдруг, что она вспоминает.

Перед ее мысленным взором встает море – синее, бесконечное, такое, каким видела она его в юности. Лодка качается на волнах... Да да, именно лодка... это называется лодка... она может повторить сейчас: лодка, лодка... А ее голова лежит... так... голова ее лежит на плече мужа... Вспомнила! Через десять дней он уйдет на фронт... Они наконец достроили дом, которым были заняты всю весну и лето... Вот наконец построили... То есть сегодня закончили и сейчас пришли к морю... сейчас они будут купаться, а пока сидят в лодке... Пока она обнимает мужа, водит пальцем по татуировке и вслух читает: Синеморье... «Зачем тебе это?» – спрашивает она. «Я родился здесь...» – «А больно было, когда выкалывали?» – «Конечно. Тебе не нравится?» – «Почему? Мне всё в тебе нравится, Нур!» – Нур... Нур... даулет... – прошептала Кызбала.

Одна из балок сухо затрещала, посыпался песок. Нурдаулет сквозь треск дерева и шорох песка не услышал ее шепота. Кызбала, испугавшись громкого звука, подняла с подушки голову. Она увидела калеку, который бросился к ней, и подумала: «Кто он такой? Что он делает в моем доме?» Впервые за много много лет она задала себе совершенно осознанно вопрос и совершенно осознанно стала искать ответ на него.

Она огляделась. За стенами дома бушевало. Из щели, где обвалилась балка, сыпался струей песок. Чем бы ее заделать?

Калека, в лице которого было немое удивление, готовое перерасти в изумление и радость, смотрел на нее снизу вверх. Такое знакомое лицо... такое знакомое... Грудь... Татуировка... Кызбала наклонилась. Мало свету, керосинка еле светит. «Сине...» Она наклонилась еще ниже, уже что-то предчувствуя: «морье»... Синеморье!.. Нурдаулет...

– Нур! – вскричала Кызбала и бросилась к мужчине. – Нурдаулет! Душа моя!

Нурдаулет, потрясенный, молчал.

– Нур! Я же говорила, говорила! Говорила, что не умру, пока не увижу тебя!

– Кызбала... Кызбала... – Нурдаулет плакал.

– Я не сберегла сына... Прости меня...

И тут рухнула центральная балка, не выдержав тяжести песка, которым все эти дни заваливало дом сверху. В то же мгновение рухнул и весь потолок. Развалины дома стало быстро заметать песком.

– Нурдаулет!.. Кызбала!.. – В этом двойном крике было безысходное отчаяние, был ужас. Эти крики перекрыл вой ветра, эти крики умерли под слоем песка...

«Нет, не стихает... – все размышлял Кахарман. – Сколько же еще сидеть здесь?»

– А куда торопиться? – бодренько проговорил Жындыбай. – Салам!

– Привет! – обрадованно поздоровался Кахарман. – Хоть с тобой поговорить от скуки.

– Скука – вещь ненадежная, – пробурчал Жындыбай. Он испытующе глянул на Кахармана. – Решил анашой побаловаться? Что – дружок приучает?

– Попробовал из интереса. Да и тоска... А ты что такой невеселый? Может, курнешь?

– Измотался я за эти дни; буря измотала...

– А я думал, не устает нечистая сила.

– Я много знаю про тебя. И вообще много знаю...

– Не слишком ли ты самонадеян?

– А чего скромничать? Я же не человек. Ему это вредно, не спорю. Но к нашему счастью, мало таких скромных, как ты, Кахарман. Всю прочую массу человечества мы легко сбиваем с пути. Нашептываем им: ты много знаешь, парень, о как много ты знаешь! И дурак начинает кричать: я знаю, я знаю больше всех! Глядишь, и свернул себе шею. А нам радость – еще одного одолели!

– А безработица у вас бывает?

– Конечно! Каждый дрожит за свое место, работает не разгибая спины – иначе выгонят в три шеи. А виноваты в этом, между прочим, вы – люди!

– Помилуй, какое отношение имеем мы к вашей безработице?

– Как какое? Политическая борьба, экология, ядерные испытания, атомные станции, армия, лагеря – сколько жертв! Чего далеко ходить – даже у тебя на побережье дети мрут, едва родившись. Дьяволов и бесов предостаточно, а людей на земле всё меньше и меньше. А сколько психушек в городах. С умалишенными мы тоже ничего не можем поделать – мы даже их побаиваемся, эти не подчиняются ни Богу, ни черту... Вот такой вы темп взяли, дружище! Еще пару пятилеток проживете так – не нужна будет нечистая сила. Нас уволят по сокращению – вы сами себя погубите. Наш начальник сатана умеет считать деньги – раздутых штатов он не допустит. Это тебе не ваш министр финансов, которому плевать и на государство, и на народ.

– М да... – покачал головой Кахарман. При слове «министр» он встрепенулся. А не порасспрашивать ли Жындыбая, какие у них там есть министерства, что из себя представляет небесная бюрократия? Но расхотелось ему говорить о министерствах – он вспомнил дела земные, свои безнадежные визиты в чиновничьи кабинеты, и тошнотворное чувство подкатило к нему.

– А заграничные дьяволы, наверно, живут лучше наших, советских?

– С чего ты взял? – Жындыбай снова хихикнул. – Там же меньше искушений, между прочим: едят там люди вволю, одеваются, как хотят, нравом спокойные, лицами улыбочивые – чем там искушать человека?

Жындыбай смолк, прислушиваясь.

– Пока я тут с тобой о том, о сем – ветер-то утихает! Непорядок!

Он нырнул в печь и вылетел в трубу. Из печи пыхнуло золой и сажей прямо Кахарману в лицо, и он проснулся. Всё в той же тьме, в которой и уснул.

В самом деле, в трубе что-то шуршало. Что за чушь! Летом печи не топят: какая может быть зола? Приоткрыл дверцу печи, пощупал и понял – соленый песок. Зажег спичку, поднес к часам. Было восемь часов утра... или вечера?

Зашевелился и Кайыр:

– Который час, Каха?

– В последнее время меня посещает некий дьявол, которого я называю Жындыбаем... Ведем с ним всякие разговоры... – Кахарман спохватился: – На моих восемь, но не могу понять – восемь чего?

– Восемь утра, это вероятнее. Утихает, кажется, небесная война. Не получилось светопреставления.

Кайыр засветил лампу, потом закурил. Потянуло анашой. Он думал: «Хорошо, что стихает. Еще сутки – и рухнула бы избенка, точно. И все мы тут померли бы героической смертью под обломками и песком. И каждому посмертно положили бы на грудь Золотую Звезду Бессмысленного Труда... Эхе хе... Интересно, как там Караулбек? Как поезд? Давно, наверно, перевернуло и засыпало...»

Меиз позвала их к чаю. Кахарман почувствовал прежнюю неловкость: свалились на голову два здоровенных мужика, живут, кормятся шестой день подряд. Садясь за стол, он проговорил:

– Апа, вы уж извините нас... не знали, что так получится.

Добрая Меиз успокоила его:

– И чего ты, Кахарман? Со всяким это может случиться. Вот если бы отказали мы вам – тогда другой разговор...

Кахарману стало легче. Да и чего бы следовало ожидать от почтенной байбише, которую все хвалили за разумность и рассудительность, как не этих слов?

– Вот о чем хочу попросить вас, джигиты. Надо бы за водой сходить...

– Будет вода! – коротко ответил Кахарман.

В самом деле, к полудню ветер заметно притих. Кахарман толкнул дверь и вышел. Пристройки и сараи вокруг дома были развалены. К нему, радостно повизгивая, подбежала собака, стала тереться у ног. «Натерпелась, бедняжка...» – ласково пробормотал Кахарман, поглаживая ее. И хоть ветер был еще сильным, но с ног уже не валил. Гульбаршин с Кайыром стали впрягать старого верблюда в арбу. Потом поставили в арбу две фляги, направились в сторону колодца.

Он шагнул вперед и побрел было к снесенной крыше, которая лежала поодаль – раскоряченная, наполовину заметенная песком. Но остановился – так и стоял на ветру. Не меньше года потребуется Сарсенгали, чтобы отремонтироваться, – нет, не меньше... А что делается в Караое – можно представить... Как там отец с Беришем? Живы бы остались – это главное. Как им сказать, что мать умерла? Отец не вынесет – нет, не вынесет.

Странное дело. Еще ночью Кахарман сам не знал, выживет ли. И радоваться бы надо, что уцелел, но не было радости. Как будто живым он остался только ради того, чтобы снова шагнуть в этот дикий, жестокий мир, снова болеть душой снова страдать и снова проклинать его несурзность.

Он вздохнул – глубоко, всей грудью – но ветром швырнуло ему в лицо пылью; закашлялся. Вернулся в дом. Меиз уже хлопотала: прибиралась, подметала...

– Сколько песку навалило – ужас. А мы дышим этой солью изо дня в день – откуда ж здоровью быть. Я так думаю: все мы здесь помрем от рака; недолго осталось... – Она улыбнулась, словно бы извиняясь. – Побудь на улице, пока я приберусь...

Кахарман поспешно кивнул и пошел к могиле матери. Холмик был сильно заметен. Он сел, подогнув под себя ноги, и замер в этой позе. В спину бил ветер. Как и в день похорон, его стали душить слезы, с которыми сейчас, как и в тот день, не мог справиться.

Долго сидел он у могилы, а когда вернулся, в доме было чисто, сама Меиз уже заваривала чай. Кахарман решил: если даст она своего верблюда, часа через полтора он уже будет в Караоэ. Но сегодня отправляться в путь было еще рискованно, и он решил отложить поездку до завтра.

Кайыр внес полные фляги, утер со лба пот, присел.

– А где Гульбаршин? – поинтересовалась Меиз.

– Во дворе замешкалась... – Кайыр почему-то глядел в сторону.

Меиз взяла платок, которым повязывал лицо Кайыр, и пошла к двери, чтобы вытрясти из него пыль. Дверь распахнулась. Вбежала Гульбаршин вся в слезах, подскочила к Кайыру и стала его колошматить: по голове, по лицу.

– Что еще случилось? – вскричала Меиз. – Объясните, что случилось, господи!

Байбише металась возле, не зная, что делать. Гульбаршин схватила железку, которой Меиз обычно ворошила уголь, и несколько раз ударила Кайыра по голове. Брызнула кровь, Кайыр вырвал железку из ее рук.

– Ты что, спятила? – крикнул он, ощупывая голову. Руки его теперь тоже были в крови.

– Ты хоть скажи: из за чего разбушевалась? – Меиз подбежала к невестке и стала ее отчаянно тормошить.

– Апа... Апа... – с новой силой зарыдала Гульбаршин, и тут только Меиз увидела, что платье ее порвано. – Кобель он, апа... Бесстыжий кобель... – Она снова бросилась на насильника.

Кайыр, обороняясь, ударил ее в грудь. Гульбаршин охнула и стала медленно сползать на пол.

– Кого ты привел в мой дом? – Теперь Меиз бросилась к Кахарману. – Мало нам горя здесь – двух сыновей похоронила. Теперь и самой в гроб... Чего мы вам сделали, чтобы так срамить нас? – Она зарыдала. – Срам, господи, срам какой... Убийца! – Она повернулась к Кайыру. – И тебе не быть живым, помани мое слово!

– Да не сдохла она! Чего вы разорались, будто мужиков не видали никогда!

Ребенок с плачем бросился к матери. Гульбаршин, приходя в себя, с трудом разлепила веки.

– Не быть тебе живым! – Старая добрая женщина была невменяема. – Ты заплатишься за нашу честь!

Она бросилась к шкафу – в руках у нее оказался большой охотничий нож мужа.

– Какая честь! Дуры вы и есть дуры! Какая у нас тут теперь честь – до конца света осталась пара дней...

– Скотина! – прорычал Кахарман. – Подонок! Это тебе не нужна честь! Это тебе не нужна совесть...

Сильным ударом в челюсть он свалил Кайыра с ног. Потом бросился на него сверху и, зарывав, как зверь, сомкнул на его шее крепкие, жилистые, привыкшие к тяжелой работе руки.

«Что ты натворил, сынок? – спросил его отчаянный голос матери. – Зачем ты это сделал?»

Да. Было поздно. Кайыр был мертв. Странно, но Кахарман не жалел об этом. Он встал. Женщины обнялись и зарыдали в голос. Охотничий нож выпал из рук Меиз, громко стукнулся об пол.

Тем же днем по горячим пескам продвигался на верблюде одинокий путник. Лицо путника было усталым, до самых глаз оно было повязано белым платком; платок защищал рот и нос путника от едкой горячей белой пыли – было легче дышать. С глубокой тоской он оглядывал эти места, эти бесконечные пески, кое-где тронутые огнем, – горели кусты тамариска и еще какие-то редкие низкорослые кустарники, горела чахлая трава, островки которой встречались то там, то здесь, дымил, тлея, старый саксауловый пень, мимо которого сейчас проезжал путник.

Это был Кахарман. Он решил проехать вдоль побережья, поэтому родной Караой оставался сейчас по левую его руку. Бывший берег моря лежал ниже. Вдалеке, сверкая в лучах солнца, голубела узкая полоска воды – море! Там подрагивало густое морево.

Верблюд довольно-таки расторопно сбежал с невысокого откоса. Копыта его ступили на бывшее морское дно. Чаше стали попадаться разлагающиеся тушки сайгаков, лошадей. Здесь же валялись полубогорелые волки и лисы, птицы с полустлевшими крыльями. Много чаек. Им бы как в былые годы весело летать над морем, тревожно и радостно галдеть, а они лежат, уткнувшись в песок сильными клювами – до самого моря, до самой воды. Сколько здесь не был Кахарман? Три года? Или четыре? В сущности, он приехал на кладбище – на огромное кладбище. Умерла степь, погребенная под песком; не сегодня-завтра исчезнет и само море, погрузятся в толщи песка дома рыбаков – казахов и каракалпаков. Какая горькая человеческая ошибка!

Он остановил верблюда и вдруг подумал: «Неужели не придет время, когда люди на земле станут жить по новому?! Но для того разве ошибается человек – пусть так жестоко! – чтобы с ужасом оглянуться на сотворенное им и зажить по новому? Ну ладно – мы. А дети наши? Наши внуки? Глядя на то, что натворили мы, – неужели они не прозреют? Не может такого быть – никак не может! Они будут лучше нас! Они будут чище нас! Умнее! Совестьнее!»

«Ты прав, Кахарман, так оно и будет. Рад, что потеплело у тебя на душе...»

Он услышал этот голос так явственно, что даже обернулся, подумав в первую минуту, что он не один.

– Кто это говорит?

«Я дам им все заново – и землю, и воду! Я знаю, что они будут другими – твои дети, твои внуки...»

– Молю тебя! Пусть хоть они будут счастливы!

«Эх, человек! Снова ты о счастье. Разве люди живут на земле только для того, чтобы быть счастливыми?»

– А для чего же? – закричал Кахарман.

Но голос ничего не ответил ему. Голос уже исчез.

Вскоре Кахарман был у воды. Верблюды зашел в море по колени и стал медленно мочиться.

– Ну и дурак же ты, – пробормотал Кахарман. – Самое место выбрал. Или мало мы оскверняли это бедное море?

Верблюд нехотя вышел из воды. Над водой парило. Вдруг в этом мареве он стал различать приближающееся к берегу большое животное. «Не иначе дракон Даут плывет, – печально размышлял Кахарман. – Легенды рассказывают, что это чудище может выпить море в одночасье...» Но это был не дракон. Огромный бурый сом выпрыгнул из воды на белый песок. Широко раскрывая пасть, он бился в предсмертных судорогах. Кахарман обомлел. За ним выскочила на берег вторая большая рыба. Кахарман узнал ее – Ата Балык! Теперь не могло быть сомнений: и сом, и Ата Балык решились на самоубийство. Но если сом еще трепыхался, разбрасывая плавниками песок, то Ата Балык была тиха. Большими, печальными глазами смотрела на человека, который стоял рядом с верблюдом. В этом взгляде не было зова о помощи. Она словно бы знала, что человек этот не поможет ей уже ничем.

Наверно, Ата Балык признала в Кахармане того мальчика, которого спасла она много лет назад от смерти.

– А где Ана Балык? – прошептал Кахарман.

– Она умерла, – ответила Ата Балык. – Не смогла довести косяк... – Ата Балык еле шевелила губами. – Насыр меня пусть простит, как-то давно я чуть не перевернула его лодку... Это я от отчаяния... Это в гневе на человека я...

Дальше стало твориться что-то жуткое, на что нельзя было смотреть без слез. Следом за Ата балык и сомом на песок стало выбрасываться множество рыб помельче. Истощенные, изможденные, они некоторое время трепыхались возле ног Кахармана и тут же умирали. Кахарман попятился.

Ата Балык продолжала шевелить умирающими губами:

– Весной мы повели стаю к морю по Сырдарье... Оказалось, что река уже не вливается в море... между ними был уже солончак... тогда она... тоже... выбросилась... – Ата Балык ткнулась ртом в песок и навсегда закрыла глаза. Скоро затих и сом. Двух извечных врагов примирила смерть.

Рыбы выпрыгивали на песок из воды словно мячики. Они задыхались в соленой воде, им было больно, и, обезумевшие от боли, они выскакивали как из адава огня и находили на берегу верную, но быструю смерть. Вскоре не было места, куда бы мог ступить Кахарман, весь песок вокруг него был покрыт снулой рыбой. А дальше начался пир во время чумы. За ними на берег устремились змееподобные твари. С невероятным проворством они принялись пожирать груды рыбьего мяса. Их было много, этих пучеглазых, большеголовых тварей, они были гибкие,

черные, зловеще блестящие. Самые крупные из них набросились на Ата Балык, в мгновение ока распотрошили ее, растащив в клочья...

Кахарман в страхе отпрянул. Дрожащей рукой взял верблюда за уздечку, и они почти что побежали. Прочь отсюда... прочь...

Повернул к месту, где было особенно много ржавеющих корпусов рыбацких судов – бывшая флотилия славного Синеморья! Его первая юношеская любовь! Его первые радости! Еще издали заметил Кахарман, что возле них копошатся какие-то люди, облепив их словно муравьи. Ярко вспыхивала сварочная россыпь. Один из траулеров – «Казахстан» – был уже полностью разрезан на части. Кахарман подъехал поближе.

– Славная работка! Кто такие?

– Кооператив «Море», – охотно ответил один из ребят, поднимая на лоб маску.

– Зачем режете?

– Будем продавать за границу! – Парень был не без чувства юмора. – Стране нужна валюта! Значит, будет у страны валюта. Никаких проблем!

– А будут они этот хлам покупать за валюту?

– Не наша забота, дядя! Пусть начальство думает...

– А кто у вас начальник?

– Самат Саматович! Может, знаете такого? – Парень, видимо изрядно заскукавший без разговоров, отвечал охотно.

– А, это тот обжора, который говорит по русски, а жрет по казахски.

– Он самый! Покупаю остроту! – Парень развеселился.

И отсюда прочь... отсюда тоже прочь... прочь с земли вообще, Кахарман, слышишь, прочь...

Тем временем Насыр, не зная, что сын его совсем рядом, толкал заваленную песком дверь. Тщетно – дверь не открывалась. Бериш, прихватив лопату из чулана, выбрался в окно и стал отгребать песок от двери. Через полчаса Насыр вышел наружу, молча похлопал Бериша по взмокшему плечу. Редкие дома уцелели в Карае – всё остальное было порушено, завалено песком. Стихал ветер, но пекло нещадно. Насыр переобулся в сапоги, надел легкий чапан. Бериш всё стоял и стоял во дворе, грустно оглядывая разрушенный аул.

– Ты тоже прикрой голову, видишь, как печет...

В самом деле, казалось, что Аллах, не до конца наказавший людей этой страшной бурей, решил их спалить теперь в пекле жары. Даже Насыр, всю жизнь здесь проживший, понял, что такого зноя он еще не видал никогда. «Земля такая же смертная, оказывается, как и человек, – подумал он. – Не сегодня-завтра треснет, как иссохшая бочка...» Наверно, это было последним открытием, которое сделал Насыр за свою долгую жизнь.

– Дедушка, дракон летит! – испуганно вскрикнул Бериш.

Насыр, заслонив глаза ладонью, посмотрел в небо. Там пролетела стая диких гусей.

– Может, и он, – согласился Насыр. – Эх, Даут, Даут. – Он сокрушенно покачал головой. – И с чего это тебе показались лишними наше море и наш Балхаш – два чистых глаза земли казахской? Море ты выпил глотками, а Балхаш сглотнешь, наверно, залпом... Пойдем сходим к Нурдаулету, Бериш... Только накинь что-нибудь на голову, говорю же тебе...

Пройдя по улице, они увидели въезжающего в аул на верблюде путника.

– Э, кого это занесло к нам? – очень удивился Насыр. – Глянь-ка, Бериш, кто это?

– Не разобрать отсюда кто, ага...

Он пошел вперед. Кахарман спешился, снял с лица повязку.

– Отец! – бросился к нему Бериш.

Кахарман обнял Бериша. Сердце у Кахармана ёкнуло – сына он видит в последний раз. Потом повернулся к отцу.

Старик, плача, бормоча, ковылял вслед за Беришем. Теперь было слышно, что шепчут его прыгающие губы:

– Сынок... Кахарман... Дождался... Аллах услышал меня...

Он дрожащими руками потрогал лицо и плечи Кахармана, потом они обнялись и так стояли долго, не говоря ни слова...

Кахарман первым увидел милицейский «воронок». Машина медленно, но верно приближалась к аулу. Кахарман понял всё. Отвратительная дрожь занялась было в его теле, но вскоре прошла. «Поздно всё... всё поздно...» – снова подумал он и успокоился; только отметил: оперативно работает советская милиция.

Что ж, надо проститься, надо сказать последние слова, пока есть время. Сколько у него: минуты две? три?

– Сынок! Хочу тебе сказать об одном: не смей уставать! Не будет пути – иди по бездорожью! Из последних сил – но иди!

Бериш удивленно вскинул глаза, не понимая, с чего это отец заговорил таким голосом и так вдруг. Он даже сделал шаг назад:

– Пап... ты чего?..

– Мы рабы с самого рождения, и такими наше поколение останется до конца. Но вы-то! Вы-то будьте людьми – слышишь, сынок!

«Воронок» остановился поодаль. Кахарман направился к нему. Насыр, ничего не понимая, заковылял вслед. Кахарман слышал шаги отца, но шел быстро, не оглядываясь и даже хотел, чтобы отец отстал. Не мог он старому, уставшему от этой дикой жизни человеку, сказать простых слов: отец, наша мама умерла. Пусть это сделают Жарасбай с Айтуган; буря улеглась – они уже в пути.

А у него уже нет сил...

Из машины выскочили капитан и два сержанта. И хоть Кахарман не сопротивлялся, они ловко заломили ему руки.

– На ловца и зверь бежит! – сплюнул капитан. – Вас приветствует железнодорожная милиция.

– Эй, что вы делаете? – закричал Насыр. Он подступил к капитану вплотную. – Сынок, ты не видишь? Это же Кахарман! Ты что, Кахармана Насырова не знаешь?

Сержант с узким, красивым лицом, которого Кахарман знал и раньше, принялся вязать ему руки. Он тихо сочувственно спросил, делая узел послабее:

– Так не больно, Кахарман ага?

Кахарман оглядел белый бесконечный солончак вокруг и ответил:

– Что может быть больше этого? – Улыбнулся и, глядя на капитана, добавил: – Только всё это ни к чему нам, ребята... У нас у каждого были и свои дела... Свои!.. А нам, товарищ капитан, надо было сберечь человеческие души. Не сберегли... И прибрал их к своим рукам сатана...

– Товарищ капитан, может, развяжем ему руки?

– Спереди завяжи. Парень он, кажется, послушный...

– Спасибо, капитан. Инструкция – не закон, закон – не Бог...

Между сержантами и капитаном метался Насыр:

– Сынок, что же вы делаете? Или не видите – это же Кахарман! – всё повторял и повторял он.

– Гражданин капитан, разрешите переодеться в родном доме? – Кахарман повернулся к Насыру: – Отец, успокойтесь, я сейчас всё объясню... Сам объясню... Потерпите минуточку.

– Где мать? Мать здорова? – вдруг спросил Насыр.

– И это скажу! – крикнул Кахарман, скрываясь за дверь. Сержант вошел следом вместе с Беришем.

В доме было душно. На низеньком столике у окна лежал ветхий отцовский Коран. Да, теперь это стало любимым местом Насыра. Большую часть дня, с того времени как ушел на пенсию, он проводил здесь, за столом, низко склонившись над великой Книгой, – подолгу размышлял. Сколько же лет пролетело над старым родительским домиком с того дня, как он, Кахарман, родился на свет? Вот печь, на которой он частенько спал между отцом и матерью. Вот комната, в которой родился его старший Омаш. А вот в этом углу стояла колыбелька Бериша. С того дня, когда Омаш умер, отравившись водой Сырдарьи, началось большое бедствие его моря, его родного края...

А вот тут обычно расстилали сырмаки. На них любил лежать Славиков и слушать песни Акбалака.

На всей земле, омытой кровью,
Чтоб правда вечною была...

Эх, Акбалак ата! В том-то оно и дело, в том-то и дело. Кровь будет вечно, а вот с правдой придется погодить...

Прощайте... прощайте все... Вдруг он понял, что он сейчас сделает.

– Извини, забыл, как тебя зовут... – Кахарман обернулся к сержанту.

– Виктор, – приветливо ответил тот.

– Хорошее имя, – улыбнулся Кахарман. – Победитель. Вот что, Виктор: принеси мой хурджун... – Кахарман устало опустился на стул.

– Руки развязать, Кахарман ага?

– Сначала спроси разрешения у капитана... А ты, – Кахарман кивнул сыну, – отнеси дедушке Коран...

– Зачем дедушке сейчас Коран? – не понял Бериш.

И грустно ему улыбнулся Кахарман, светло:

– Так надо, сынок...

Сержант и Бериш вышли из дому. Он знал, что ему делать. Он метнулся в сени, схватил бидон с бензином и лихорадочно стал выплескивать из него по углам. Остатки он вылил на себя. Потом бросился к окну, к спичечной коробке. Она оказалась пустой. Он похолодел. Бросился к буфету, нашел там другой коробок с единственной спичинкой и, улыбаясь, прошептал:

– Помогите мне, духи предков – вы ведь поклонялись огню! Не подведите меня в последнем деле! Инструкция – не закон, закон – не Бог!

Капитан стал принохиваться, потом настороженно пробормотал:

– Откуда это бензином потянуло?..

И в тот же миг, оттолкнув от себя Насыра, побежал к дому. Дернул дверь, но волной пламени, полыхнувшей оттуда, его отбросило назад. Капитан попытался и, зацепившись за что-то, упал. В это самое мгновение огонь рванулся из окон – и тут же дом занялся весь.

– Отец! – закричал Бериш. – Отец!

Он упал на песок, он катался по песку, крича: «Отец! Отец!» – и песок обжигал ему руки, обжигал лицо... Песок...

Non bene pro toto libertas venditur auro*

Зверь и к старости выглядит красивым.

Почему же так изуродована глина, из которой вылеплен человек?

Антуан де Сент Экзюпери, XX век.

Старенький «воронок», вихляя по заметенной песком дороге, катил в сторону Шумгена. В машине все молчали, лица едущих были обернуты платками. Бериша душили слезы, перед глазами всё стоял горящий дом, лицо отца...

В ту минуту, когда Насыр понял, что сын заживо сгорел в родном доме, он упал на песок и не мог подняться – он был раздавлен тяжестью случившегося, которое вдруг обрело материальную силу и рухнуло на Насыра. Бериш с милиционерами подняли его, но ничего Насыр не слышал из того, что говорили ему, словно оглох; ничего не видел, что делали вокруг него, что делали с ним – подняли, повели, отряхивали, – словно ослеп. У него было одно желание – увидеть сейчас Корлан, сказать ей о смерти сына, утешить боль в ее сердце, погладить ее по согбенной спине, заглянуть ей в последний раз в глаза, а там и в могилу можно лечь. Он еще не знал, что любимой его Корлан уже нет в живых.

Он сидел, прямо глядя перед собой. За окном тянулись белые холмы – однообразные, бесконечные, тоскливые в этом своем однообразии. Что ж, теперь на месте моря, однажды сотворенного вместе с мирозданием, лежат теперь длинные километры белой пыли, плотной завесой поднимающейся в воздух от малейшего дуновения ветерка. В раскаленной машине было душно, всех подташнивало от вони бензина, от горячего дыхания обшарпанного железа, от пыли, которая набивалась в щели. Поистине это был адов путь.

– Ребята, вижу тучку! – радостно вскрикнул грузный капитан, который расположился на переднем сиденье. – Дождь будет! Вон она, летит к нам, родная!

Насыр тоже заметил черное облако, которое, оторвавшись от линии горизонта, быстро поднималось ввысь. Но невесело он усмехнулся, дрогнуло его сердце. Эх, Аллах, так и не услышал ты моих молитв, не услышал. Отвернулся ты совсем от Насыра. Еще тогда, на острове, когда он молился, опершись на палку, Насыр впервые понял: так оно и есть, отвернулся. Ничего тогда, на острове, куда он возил Нурдаулета, не ответил ему ты.

– Вот она, родная! – всё радовался капитан, и Насыр, поглядывая на него, вспомнил суру Песков из Корана.

* Свободу не следует продавать ни за какие деньги (лат.)

«Во имя Аллаха милостивого, милосердного! И когда они увидели, что это облако, направляющееся к их долинам, они сказали: “Это облако, оно несет сюда дождь”. И им ответили: “Нет же, это то, что вы торопили; это смерч – в нем мучительное наказание. Он губит всякую вещь по велению того, кто распоряжается им. И наутро оказалось, что видны только жилища их. Так мы воздаем народу грешному. Мы укрепили их в том, в чем не укрепили вас. Мы устроили им слух, зрение и сердце. Но не спасли им ни слух, ни зрение, ни сердце ни от чего, так как они отрицали знамения Аллаха; и постигло их то, над чем они издевались. Мы погубили уже кругом вас селения и распределили знамения: может быть, они обратятся!

Отчего же не помогли им те, которых они взяли вместо Аллаха богами, как средство приближения? – Они отошли от них. Такова их ложь и то, что они измышляли...»

Капитан озадаченно почесал затылок, когда Насыр растолковал милиционерам смысл этого предостережения.

– А лишнего не болтает ваш Аллах? – Он усмехнулся и подмигнул сержантам: – Сейчас проверим, тучка-то совсем близко!

Виктор, которому за упущение по приказу капитана связали руки, довольно-таки хмуро глянул на своего начальника. Тот отвел глаза, видимо, стыдясь своего нелепого поспешного приказа, и велел другому милиционеру:

– Развяжи его...

Виктор, массируя затекшие руки, участливо глянул на Насыра:

– Аксакал, скажите еще чего-нибудь из Корана...

Насыр преисполнился благодарности к симпатичному молодому человеку. С тех пор как Насыр принял сан муллы, с того дня, когда он достал из сундука великую Книгу и стал вчитываться в каждую строчку ее, – он стал утешительно думать, что не зря прожил эти последние годы на белом свете. Эта книга открыла ему глаза на многое. Он с неприязнью покосился на капитана, нелепо оскорблявшего Аллаха. Потом тронул его за плечо и, когда капитан обернулся, проговорил:

«...Воистину Аллах введет тех, которые уверовали и творили благие дела, в сады, где внизу текут реки. А те, которые не уверовали, наслаждаются и едят, как едят животные, – огонь местопребывание их! Он – Тот, кто оживил Вас: потом Он умертвит вас, потом оживит. Поистине человек неблагодарен!..»

Бериш доверительно приник к деду, прилежно стараясь вникнуть в суть того, что говорилось. У них было много времени летом, и Насыр охотно взялся образовывать его на свой лад: учил арабскому чтению и письму. Бериш оказался смышленным учеником, и Насыр радовался, что теперь его внук одинаково свободно владеет и русским, и казахским. Однако с тех пор, как Бериш стал читать Коран – хотя и не без труда, – окружающий мир широко, привольно раздался перед ним, сердце подростка стало еще более отзывчивым к тревогам и заботам людей. Потом он пристал с просьбой к Лене, Сергею, и те раздобыли ему Библию. Он стал читать две великие книги, находя в них много общего. Сейчас они лежали рядом, эти книги, в его старенькой сумке, когда-то пошитой Корлан из рыбьей кожи. Коран, который отец велел ему вынести из дому перед смертью, и другая, в

плотной обложке, – Библия. Туча всё приближалась, в воздухе стало прохладнее, в стекло ударили первые порывы ветра. Потом быстро потемнело – «Воронок» остановился, шофер растерянно поочередно оглядел всех. Но все безмолвствовали. Через минуту стало темно как ночью. В стекла хлестал песок.

Не так давно Бериш с замирающим сердцем читал откровения святого Иоанна. Текст мгновенно запал ему в память. И сейчас, сравнив слова из Библии с сурой Песков, которую только что прочитал дед, он подумал, что и Библия, и Коран – это не пустые выдумки досужих людей. Каждое слово в них было поверено правдой жизни, той жизни, которую человечеству на протяжении долгих столетий пришлось испытать на себе. Глубокой трагичностью наполнились вдруг сейчас те слова из Откровения, которые так быстро запомнились ему:

«Мое слово – истина!.. И видел я семь Ангелов, которые стояли перед Богом... И семь Ангелов, имеющие семь труб, приготовились трубить...»

Первый Ангел вострубил, и сделалась горькая смесь из крови и огня, и пали на землю; и третья часть дерева сгорела. Второй Ангел вострубил, и как бы большая гора, пылающая огнем, низверглась в море; и третья часть моря сделалась кровью.

И умерла третья часть одушевленных тварей, живущих в море, и третья часть судов погибла.

Третий Ангел вострубил, и упала с неба большая звезда, горящая подобная светильнику, и пала на третью часть реки и на источники вод.

Имя сей звезды “полынь”, и третья часть вод сделалась полынью, и многие из людей умерли от вод, потому что они стали горьки.

.....

И видел я, слышал одного Ангела, летящего посреди неба и говорящего громким голосом: горе, горе, горе живущим на земле от остальных трубных Ангелов, которые будут трубить!»

– Как бы не заблудиться, – промолвил шофер.

– Трогай в западном направлении, – в голосе капитана была нервозность.

– Какой тут запад, – включился в разговор Виктор, – ничего же не видно, товарищ капитан!

– Заткнись! – вдруг взвизгнул капитан. – Я тебя под суд отдам, как только на место вернемся!

– Для этого надо сначала доехать бы до станции, – ухмыльнулся Виктор.

– Замолчишь ты или нет?!

Бериш прикрыл глаза. «Что же там дальше? Ага, вспомнил!»

«Пятый Ангел вострубил, и я увидел звезду, падающую с неба на землю, и дан был ей ключ от кладезя бездны. Она отворила дверь, и вышел дым из бездны, как из большой печи; и помрачилось солнце и воздух от дыма из кладезя. А из дыма вышла саранча на землю, и дана ей была власть, какую имеют земные скорпионы.

И сказано было ей, чтобы не делала вреда траве земной, и никакой зелени, и никакому дереву, а только одним людям, которые не имеют печати Божьей на челах своих. И дано ей не убивать их, а только мучить пять месяцев. В те дни люди будут искать смерти, но не найдут ея; пожелают

умереть, но смерть убежит от них. Так видел я в видении коней и на них всадников, которые имели на себе брони огненные, фиолетовые и серные; головы у коней как головы у львов, изо рта выходил огонь, дым и сера. От этих трех язв, от огня, дыма и серы, выходящих изо рта, умерла третья часть людей...»

Они ехали еще минут сорок – останавливаясь, беря то вправо, то влево; наконец мотор чихнул несколько раз, и машина встала. Насыр тоже был сбит с толку: он совершенно не знал, где они находятся и в каком направлении им следует двигаться. Бензиновая вонь и духота стали совсем уже нестерпимы – они могли здесь просто угореть, потерять сознание.

– Так что же, значит, подыхать нам в песках? – Голос капитана теперь стал тихий и робкий. Капитан с надеждой обернулся к Насыру.

– Терпение! – Насыр толкнул дверцу и вышел. И тут же горячим песком опалило ему лицо. – Веревка найдется? Нужна длинная длинная веревка.

Нашелся довольно-таки увесистый моток проволоки. Насыр обвязался свободным концом, моток остался в руках капитана. Насыр нырнул в белый морок, клубок начал разматываться. Насыр двигался медленно, низко пригнувшись. Он часто наклонялся и обшаривал песок. Но ничего пока не попадалось в руки. Расчет Насыра был прост: если бы они заблудились, то есть уехали в глубь пустыни, он бы сейчас обнаружил скелеты – сайгаков, собак – или их помет. Насыр задыхался в белой соли, хлещущей его по лицу – кашлял, отплевывался. Хорошо, что хоть проволока нашлась – иначе невозможно было бы отойти от машины даже на несколько шагов. Длинная она? Метров пятьсот, не больше. Вскоре он продвигался вперед почти ползком – до тех пор, пока не нащупал какую-то железяку. Дальше они стали попадаться чаще. Одну из них он поднес к самым глазам, чтобы лучше разглядеть. Не раз он встречал эти непонятные металлические обломки в песках Кызылкума и Мойынкума; Муса, который привозил такие железяки целыми хурджунами, объяснял ему: это от ракет, от спутников... Значит, они находятся совсем рядом с военной зоной, а может быть, даже в ней. Ну и дела! Как же это их угораздило? С тех самых пор, как здесь построили космодром, не ступала сюда нога простого смертного...

Лет тридцать назад, еще до полета Гагарина, ему однажды пришлось побывать на Байконуре. Теперь не вспомнить, как ему удалось проникнуть на окраины космодрома – видимо, случайно; да и охранялся в те годы Байконур как будто бы не так тщательно, как сейчас. Он своими глазами видел старт ракеты и поклялся себе с тех пор: боже упаси еще раз увидеть! От дикого грохота и столбов огня лошадь Насыра шарахнулась, упала, придавив седока. Нога Насыра была сломана. В общем, бедное животное именно в ту минуту просто свихнулось от страха. Лошадь тогда пришлось пристрелить, труп ее Насыр зарыл в землю глубоко и тщательно...

Ветер всё усиливался, а туман редел. Насыр протянул руку и уперся в стену. Пощупал – кирпичная. Обеими руками стал ощупывать стену, суеверно бормоча: «Не может быть такого... нет... о Всевышний!» Стена стала закругляться, проволока, которой он был обвязан, натянулась. Насыр торопливо освободился от нее. Скоро его руки коснулись чугунной дверцы с витым рисунком. Он толкнул ее, и она отворилась внутрь.

– Бисмиллахи рахмани иррахим! – прошептал Насыр. – Уа, Алла! Сохрани и помилуй...

Ступил правой ногой под купол. В самом центре мавзолея он увидел гранитную плиту с арабскими письменами. Это было надгробье святого Иманбека. Насыр опустился на колени, молитвенно сложив перед собой руки.

– Всесильный Аллах! Тысячу тебе благодарностей! Саму могилу святого ты послал нам на помощь! Нам... всем...

Он низко склонил голову и принялся за молитву. Капитан в машине всполошился:

– Что-то случилось со стариком...

Он потянул проволоку – она была свободной. Бериш не раздумывая, выскочил из «воронка».

– И я пойду с ним! – Виктор бросился за Беришем.

– Отставить! Что у тебя в сумке? – крикнул он Беришу.

– В сумке у него Коран и Библия. – Виктор дал знак Беришу: поторопись!

– А вот это следует немедленно конфисковать! Подростку это ни к чему!

– Как же я могу, товарищ капитан? Дед у него мулла, книги ему принадлежат.

– Мулла? А сын у него – позорище! Убийца и псих! Тьфу! – Капитан сплюнул.

Бериш застал Насыра сидящим на расстеленном чапане.

– Тридцать шесть лет ни один казах не может подойти к могиле святого Иманбека! Это унижение, позор! Тридцать шесть лет! А впереди, Бериш, еще тридцать шесть лет позора, а может, и больше – вот так вот!

Насыр зашелся в сильном кашле, потом продолжал:

– Да разве это жизнь, если мы не можем поклоняться своим святым? Есть ли совесть у этих людей, которые огородили могилу святого Иманбека, которые оставили ее без людского присмотра?!

Гневный голос его глухо отразился под куполом мавзолея. Милиционеры, приблизившись к этому удивительному строению, с опаской посматривали внутрь, не осмеливаясь войти.

Насыр обернулся.

– Что же вы встали как вкопанные, добрые люди? Входите! Нет ничего на побережье надежнее, прочнее этих стен. Что им эта буря? Случись даже ураган, предвещающий конец света – даже и тогда не дрогнут они. Не было в байконурской степи человека священнее Иманбека! Не было построено мавзолея краше и выше мавзолея Иманбека! Не стойте, входите. Степь горит, корчится от жары, а здесь, под куполом, – покой и прохлада. Входите, пусть отдохнут здесь ваши тела, успокоятся мысли, отдохнет душа, раскроются сердца...

Милиционеры отступили еще на шаг.

Старый рыбак встал, прислонился спиной к прохладной стене и сказал самое свое сокровенное, то, что долго вынашивал в мыслях последние несчастные годы своей жизни:

– Уа, Аллах! Моря нет, оно умерло. Пусть это будет твоей волей – не ропщу. Но меня-то почему ты до сих пор держишь в живых? Когда же будет мой последний час? Молю тебя, покажись мне на глаза, дай ответ.

Белое облако, отдаленно напоминавшее человеческий образ, встало перед Насыром. Он снова упал на колени.

– Я десять долгих лет молился на тебя, о Создатель!

– Это твое дело, человек. Разве от молитв тебе стало хуже?

– Нет...

– Разве я плохо относился к тебе?

Насыр задумался, а потом тихо сказал:

– О всевышний, я не знаю, как ты ко мне относился.

– Я сотворил мироздание и человека, сотворил и тебя, старый рыбак. Я предначертал человеку продолжать род человеческий. Разве я лгу?

– Нет, Всевышний, нет!

– Я дал вам силы, чтобы трудиться и жить в достатке, дал разум, чтобы вы могли мыслить, усваивать науки... Неблагодарные! На что вы потратили силу и разум, дарованные вам? Презренные, вы направили силу и разум на осквернение того, что было создано мной! Вы забыли, что есть Бог, что наступит час, когда я за это зло отплачу вам беспощадно и жестоко!

– Всевышний! Человека губит стремление к сытости, богатству, к собственному благополучию. Создав богатство и бедность, ты отрубил пути к себе, о Аллах!

– Не я виновен в том, что люди разделились на богатых и бедных, Человек! Это не я заставляю страдать тебя от напастей, от болезней...

– Всевышний! Кто, если не ты, послал эти несчастья на землю? Кто еще так могуч, как ты, чтобы обрушивать на человека день за днем так много зла?

Туман стал рассеиваться, голос теперь слышался из под самого купола.

– Умерь гнев, старик! Это беснуется Сатана! Я один борюсь за добро. А вы, презренные, отвернулись от меня. Без вашей веры мне трудно бороться с ним. Ты продал ему свою душу, человек! И вот – кара! А теперь прощай, старик!

– Мне не страшны ни смерть, ни адово пламя, Всевышний! Помог бы ты несчастному моему народу, а?.. Умерло наше море. Умирает Балхаш. Завтра погибнет земля и сам человек. Разве ты этого хочешь? – воскликнул Насыр.

Но ответа уже не было.

– Что с тобой, дедушка? Ты весь дрожишь... – Бериш наклонился к Насыру.

– Ничего не стоит человек, – забормотал Насыр, потрясенный. – Он дерьмо...

Кара ему... кара...

Ему стало трудно дышать. Вспомнил вдруг Нурдаулета с Кызбалой и похолодел от ужаса. Он шевелил губами, чтобы что-то сказать, но не мог издать ни звука. Губы его побелели, в шепоте их слышались то ли проклятие, то ли слова из Корана, Бериш не мог разобрать.

И вдруг он тоже вспомнил, закричал:

– Ага, мы забыли взять дядю Нурдаулета и тетю Кызбалу!

Насыр медленно медленно кивнул ему и стал сползать на бок, всё шевеля и шевеля губами. Бериш бросился к нему.

Но было уже поздно.

Насыр больше не дышал.

*Аральск, Балхаш, Алма Ата, Зайсан, Семипалатинск, 1983–1988 гг.,
Москва, октябрь – ноябрь – декабрь, 1989 г.*

